ВОСПОМИНАНІЯ

ЮРІЯ АРНОЛЬДА.

„Wenn Einer eine Reise thut,
So kann er was erzählen“.

Matthias Claudius
(„Wandsbecker Bote“).

(„Кто путешествіе свершилъ,
тому есть что повѣдать“).

ВЫПУСКЪ I.

Bibliotheca
universitatis
Dorpatensis.

МОСКВА.
Продается въ книжномъ магазинѣ Ѳед. Адр. Богданова.
ПЕТРОВСКІЯ ЛИНІИ, № 5.
1892.

ESTICA

Est. A

9194

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа.
Воздвиженка, Крестовоздв. пер., д. Лисснера.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Имя Юрія Карловича Арнольда настолько извѣстно въ учено-музыкальной литературѣ (не только у насъ въ Россіи, но и за границей), что говорить о немъ излишне. Болѣе или менѣе полныя біографіи Ю. К. встрѣчаются въ русскихъ и иностранныхъ энциклопедическихъ и музыкальныхъ лексиконахъ.

Кому случалось слышать изъ устъ маститаго ученаго музыканта живые и занимательные разсказы изъ его юности или вообще изъ жизни его, тотъ давно уже зналъ, какимъ неисчерпаемымъ запасомъ интересныхъ и разнообразныхъ фактовъ обладаетъ авторъ предлежащихъ „Воспоминаній“. Да и стóитъ только просмотрѣть приложенную къ первому выпуску общую программу, чтобы убѣдиться въ томъ, сколько въ этомъ обширномъ трудѣ находится интереснаго историческаго и другаго разнаго матеріала.

И такъ, собственно говоря, книга эта вовсе и не нуждается въ предисловіи. Не лишнимъ будетъ только замѣтить, что побужденіемъ къ письменному изложенію этихъ „Воспоминаній“ послужили настойчивыя просьбы друзей, бывшихъ учениковъ и знакомыхъ глубокоуважаемаго старца-музыканта-литератора. И вотъ, наконецъ, такъ сказать, на закатѣ дней своихъ онъ предпринялъ этотъ нелегкій и обширный, но уже давно ожидаемый трудъ. Интересъ еще болѣе увели-

чивается неподдѣльнымъ юморомъ, оригинальной живостью и наглядностью разсказовъ и своеобразной силою языка.

Издатель „Воспоминаній“, сколько изъ душевно-глубокаго уваженія къ бывшему своему учителю, столько же и изъ убѣжденія, счелъ нужнымъ дать русской читающей публикѣ возможность познакомиться съ этимъ произведеніемъ. Онъ надѣется, что русскій интеллигентный міръ, по прочтеніи немногихъ уже главъ, единодушно примкнетъ къ тому мнѣнію, что мемуары нашего заслуженнаго маститаго музыканта-теоретика займутъ не послѣднее мѣсто въ литературѣ и надолго останутся цѣнными, какъ вѣрное отраженіе изображаемаго въ нихъ времени.

Общее содержаніе „Воспоминаній“.

I.

Вступленіе. — Преданіе о нашемъ родоначальникѣ. — Мой взглядъ на предковъ. — Объ отцѣ и братьяхъ моихъ. — Нѣсколько словъ обо мнѣ.

II.

1813. Общая паника, напавшая на петербургскихъ жителей. — „Французы идутъ!“ — Обдуманность плана завлеченія непріятельской арміи во внутрь нашей земли, и кому принадлежитъ основная мысль этого плана. — Плѣнные французы. — „Нашъ французъ“ М-г Grrrosjean.

III.

1815. Возвращеніе гвардейскихъ полковъ въ Петербургъ. — Тамбуръ-мажоры и пѣсельники. Запѣвало Измайловскаго полка.

IV.

1815—1818. Петербургскіе петиметры и мюскадены. — Описаніе гардероба и принадлежностей франтовъ того времени.

V.

1816—1818. Старый Павловскъ. — Императрица-мать Марія Павловна и ея дворъ. — Поцѣлуй отъ Царицы и березовая кашица отъ моей бабушки.

VI.

1816—1818. Какъ Петербургъ веселился. — Обычное распредѣленіе дня въ „хорошемъ“ обществѣ. — Торжественный обѣдъ въ день рожденія отца. — Jours fixes. — Балы. — Балы-маскарады. — Публичныя гулянья. — Оригиналъ бывшій комендантъ Башуцкій.

VII.

1816—1818. Состояніе музыкальнаго искусства въ Петербургѣ. — Филармоническое Общество. — Тогдашній салонный репертуаръ. — Серьезной музыкою занимались въ немногихъ только домахъ. — Лучшіе фортепіанные учителя: Фильдъ, Арнольдъ, Мюллеръ. — Пріѣздъ знаменитаго Гуммеля. — Пѣніемъ много и охотно занимались. — Лучшіе преподаватели пѣвческаго искусства: Г-жа Линденштейнъ, гг. Затценгофенъ, К. К. Кавосъ и Джуліани. — На русской сценѣ лучшій пѣвецъ В. Самойловъ (отецъ трагика). — Репертуаръ тогдашнихъ оперъ. — Любимѣйшіе композиторы романсовъ. — Церковное пѣніе. — Частный хоръ богача Дубенскаго и пресловутый солистъ „Фрицъ“.

VIII.

1819. Отецъ отправляетъ брата моего (Александра) и меня въ институтъ Д-ра Карла Лангъ близъ Дрездена. — О педагогическихъ принципахъ Песталоцци и Базедова. — Отправленіе насъ изъ Кронштадта на парусномъ кораблѣ. — Ураганъ. — Штетинъ.— Дилижансы того времени.— Дрезденъ.— Г. коммерціи-совѣтникъ „Юлій Цезарь“.

IX.

1819—1822. Ваккербартерускій пансіонъ. — Пробужденіе барабаномъ. — „Онкель“ Буккъ. — Туалетъ. — Завтракъ. — Классныя занятія. — Обѣдъ.— Препровожденіе времени послѣ обѣда. — „Vesperbrodt“. — Музыкальные уроки, гимнастика, фехтованіе, домашній театръ. — Ужинъ и отправленіе въ дортуары. — Легкость, съ какою достигались успѣхи въ научныхъ занятіяхъ. — Личность и характеръ директора Д-ра К. Лангъ. — Д-ръ Карлъ Фогель.

X.

1820. Ежегоднія пѣшеходныя экскурсіи пансіона. — Педагогическая цѣль, польза и планъ ихъ. — Наше путевое снаряженіе. — Первая моя экскурсія: Лейпцигъ чрезъ 7 лѣтъ послѣ великаго всенароднаго сраженія. — Чернильный силуэтъ Вельзевула въ Вартбургѣ. — Гарцъ. — Подражаніе версальскимъ роскошнымъ диковинамъ въ лѣтней резиденціи миніатюрнаго монарха. — Замокъ Губертсбургъ и историческое его значеніе.

XI.

1821. Вторая экскурсія. — Саксонская Швейцарія и характеръ ея. — Дѣвственная дикость богемскихъ лѣсовъ. — Марія-Кульмъ. Памятникъ въ честь русскихъ воиновъ, павшихъ здѣсь въ 1813-мъ году. — Городъ Тёплицъ. — Русскій богачъ Н. Н. Демидовъ и „придворный“ его штатъ. — Первѣйшая въ мірѣ камера-обскура. — Г. Прага. — Плаваніе обратно до Дрездена по Эльбѣ.

XII.

1822. Возвращеніе въ Петербургъ. — Дюны Куришгаффа. — Крестовскій островъ того времени. — Каменный и Елагинскій острова. — Дача М. А. Нарышкиной. — Охотничья роговая музыка.

XIII.

1822. Тихая, примѣрная семейная жизнь Великаго Князя Николая Павловича и августѣйшей его супруги въ Елагинскомъ дворцѣ. — Лѣтнія празднества Императорскаго двора на Каменномъ островѣ и по Средней и Малой Невкѣ. — Оберъ-гофмаршалъ А. Л. Нарышкинъ. — Краткое мое пребываніе въ Горномъ Корпусѣ. — Мой фортепіанный учитель А. И. Черлицкій. — Случайно я имѣю счастіе попасть на глаза Императору Александру Павловичу.

XIV.

1823—24. Отецъ отправляетъ меня въ Дерптскую гимназію. — Физіономія тогдашняго города Дерпта. — Старшій учитель Вильг. Хахфельдъ. — Учитель латинскаго языка Т. Фрейтагъ. — Духъ гимназіи, какой обнаруживался уже въ младшихъ классахъ. — Развалины на Домбергѣ. — Рыцарскія игралища. — Сраженіе нашихъ младшихъ классовъ съ учениками уѣзднаго училища. — Методъ преподаванія въ гимназіи. — Учитель исторіи Т. Бубрихъ. — Декламація: старшій учитель нѣмецкаго языка Э. Германнъ. — Сынъ его Теодоръ, и наши упражненія въ метрическихъ формахъ. — Переходъ въ „Терцію“. — „Борьба Юлія Цезаря съ Верцингеторіксомъ“ въ переводѣ восьмистишіями, и арестъ въ награду. — Мой учитель музыки и пѣнія Августъ фонъ-Вейраухъ. — Наводненіе въ Петербургѣ.

XV.

1825. Практическіе методы преподаванія старшихъ учителей: латинскаго языка — С. Мальмгрена, и исторіи — В. Хахфельда. — Я переѣзжаю къ другому содержателю пансіонеровъ, пастору Юл. Бубриху. — Эпизодъ: діэта больнаго пастора. — Наши домашніе музыкальные вечера: я знакомлюсь съ образцовыми твореніями Баха, Генделя, Гайдна и Моцарта и другихъ лучшихъ композиторовъ какъ прошлаго, такъ и начавшагося вѣка. — Чтеніе классическихъ литературныхъ произведеній Германіи, Англіи, Франціи, Италіи и Испаніи. — Вѣсть о кончинѣ Императора Александра Павловича, и всеобщая присяга новому Государю Императору Константину Павловичу. — Ради домашнихъ обстоятельствъ я ѣду домой (въ Петербургъ) раньше начатія рождественскихъ каникулъ, и, пріѣхавъ 13-го декабря, я на другой день случайно попадаю на Адмиралтейскомъ бульварѣ въ толпу народа. — Что я тамъ, до семи часовъ вечера слышалъ, видѣлъ и вытерпѣлъ.

XVI.

1826—27. „Секунда“. Духъ старшихъ классовъ. Причины непріязненнаго ко мнѣ отношенія товарищей. — Отецъ мой переѣзжаетъ въ Дерптъ со всѣмъ семействомъ. — Приманеры и секунданеры произносятъ ночью „pereat“ моему отцу. — Послѣдствія этого; коварство одного товарища. Личное мнѣ оскорбленіе, и послѣдствіе онаго. Я получаю требуемую сатисфакцію, но оттого долженъ бороться съ враждою двухъ классовъ въ теченіе полутора года. — Первая моя дуэль. — Я оставляю гимназію и приготовляюсь къ университетскому экзамену частными уроками. — Въ августѣ 1827-го года поступаю въ университетъ.

XVII.

1826—27. Общественная жизнь. — Черноморскаго флота мичманъ, впослѣдствіи докторъ медицины Вл. И. Даль. — Домашніе наши концерты. — Дѣвица Леонтина Тунъ. — Скрипачъ, студентъ медицины, Юлій Давидгофъ (Давидовъ). — Спектакли. — Баронъ Александръ фонъ Унгернъ-Штернбергъ (прославившійся потомъ какъ выдававшійся писатель нѣмецкихъ романовъ

и повѣстей). — Лекторъ нѣмецкаго языка при университетѣ Эд. Раупахъ. — Студентъ медицины Н. Б. Анке. — „Представленіе великановъ“. — Публичные концерты. — Академическая „мусса“ (клубъ). — Пріѣзжія знаменитости: пѣвица Мара (нѣкогда примадонна берлинской оперы при Фридрихѣ Великомъ). — „Маркизъ де Контски“ и его пять „дивъ музыкальнаго искусства“. — Любитель-фортепіанистъ баронъ Пауль фонъ Вульфъ. — Квартетъ ратгофскаго помѣщика Карла фонъ Липгардтъ: Фердинандъ Давидъ; Чипріяно Ромбергъ.

XVIII.

Императоръ Николай Павловичъ всемилостивѣйше жалуетъ моего отца ежегодной стипендіею для университетскаго моего образованія. — Мои родители возвращаются въ Петербургъ. — Тогдашнее устройство надзора за студентами. Академическій сенатъ — Rector magnificus. — Университетскій синдикъ. — Значеніе попечителя. — Университетская полиція. — Отношенія между педелями и студентами. — Студентскія шалости. — Любовь и уваженіе университетской молодежи къ ректорамъ: Густаву фонъ Эверсъ и Фридриху Парротъ. — Духъ дерптскаго студенчества. — Ландсманшафты (землячества) и благотворное вліяніе ихъ уставовъ на духъ тогдашней молодежи. — Значеніе и форма тогдашнихъ студентскихъ дуэлей. — Почему въ Дерптѣ не развилось бретёрство.

XIX.

Русское землячество „Ruthenia“ и вообще русская колонія. — Карловскій помѣщикъ Ѳ. В. Булгаринъ и его другъ и покровитель Н. И. Гречъ. — Основатели Рутеніи. — Н. М. Языковъ. — Мои сверстники Порошинъ и графъ Вл. А. Соллогубъ. — „Профессорскій институтъ“. — Медики: Н. Пироговъ и Иноземцевъ; юристы: Рѣдкинъ и Ивановскій; историкъ Мих. Куторга и естественникъ Степанъ Куторга; математики и астрономы Остроградскій и Филомафицкій. — Вольные слушатели: А. П. Загорскій, баронъ Ник. Штиглицъ и Геймбюргеръ. — Профессоръ русской словесности Перевощиковъ и его семейство. — Характеристика Булгарина и о томъ какъ проучили его дерптскіе студенты.

XX.

1827—1830. Обыкновенная домашняя обстановка студентской жизни. — Типы прислугъ: „лёффель“ и „бэзенъ“. — Отношеніе между хозяевами-филистерами и ихъ квартирантами-буршами. — Балы мѣщанской муссы. — 1829. Общее восторженное волненіе всѣхъ слоевъ дерптскаго общества по случаю трехдневнаго пребыванія въ Дерптѣ Государя Императора и Государыни Императрицы. — Почетный караулъ изъ студентовъ. — Празднества. — Во время рождественскихъ вакацій 1830 г., которыя я, по обыкновенію проводилъ въ Петербургѣ у своихъ родителей, графъ Канкринъ, имѣя, по поводу царской стипендіи, нѣчто въ родѣ попечительства надо мною, исходатайствовалъ мнѣ счастіе быть представленнымъ Государю Императору.

XXI.

1831. — Польское возстаніе. — Обнародованіе Лифляндскаго генералъ-губернатора насчетъ желающихъ встать въ ряды защитниковъ правъ законнаго царя. — Изъ дерптскихъ студентовъ отправляются болѣе двухсотъ волонтеровъ, въ томъ числѣ и я. — Вильна. — Гродно. — Впервые я вижу тамошнихъ евреевъ. — Бѣлостокъ. Сборная команда. — Первый солдатскій походъ. — Сѣдльцы. — О томъ, какимъ образомъ, опредѣлившись въ 1-й Морской Невскій пѣхотный полкъ, я попадаю въ Стародубскій кирасирскій. — Ротмистры Авг. Ром. фонъ Дрейлингъ и братья Вячеславъ и Авксентій Петровичи Манассеины. — Полковникъ Густ. Өед. Пиларъ фонъ Пильхау и адъютантъ Рагозинъ. — Корнетъ Александръ Готовцевъ. — Духъ нашего полка. — Препровожденіе времени на бивуакахъ и стоянкахъ. — Фуражировки съ музыкою. — Библіотека въ разграбленномъ замкѣ графа Острожскаго. — Частные эпизоды: ночная поѣздка въ корпусный штабъ за приказаніемъ. — Корпусный командиръ и баритонъ съ физіономіею барышни.

XXII.

1831. Атака подъ Нурами. — Остроленко. — Мы проходимъ мимо гвардейскаго корпуса. — Смерть фельдмаршала графа Дибича. — Графъ Толль. — Стоянка близъ Пултуска. — Фельдмаршалъ графъ Паскевичъ. — Переправа чрезъ Вислу, близъ Плоцка. — Какъ по случаю рожденія Великаго князя Николая Николаевича вся армія, обступивъ Варшаву со всѣхъ сторонъ, троекратно дружно прокричала „ура!“ при пальбѣ изъ всѣхъ собравшихся орудій и тѣмъ зѣло напугала мятежниковъ. — Штурмованіе укрѣпленій предмѣстья Волы и самаго города. — Бомба, упавшая предъ самымъ нашимъ фронтомъ на песчаный грунтъ, изволитъ съ полминуты вертѣться при блескѣ горѣвшаго фитиля. — Изгнаніе послѣдняго корпуса мятежниковъ въ Пруссію. — Конецъ войны. — Кантонирквартиры близъ Силезской границы. — Полковой штабъ находится въ г. Уніевѣ, и наше полковое общество даетъ тамъ же балы окрестнымъ помѣщикамъ.

XXIII.

1832—1835. Возвращеніе въ Россію на поселенія. — Ловичъ. — Послѣдняя наша съ корнетомъ Готовцевымъ шалость въ „милой Польшѣ“. — Походъ чрезъ Волынь и Кіевскую губернію до Абрамовки (или Новаго Стародуба) Херсонской губерніи. — Физіономія поселеній. — Новый полковой командиръ, полковникъ Рейтернъ и супруга его. — Служба и служебныя отношенія въ мирное время. — Скука: душа рвется на просторъ, въ міръ мысли и поэзіи. — Отставка. — Херсонъ, Николаевъ, Одесса, Алупка. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Свиданіе съ бывшими сослуживцами въ Александріи. — Балъ, данный въ Харьковѣ тамошнимъ дворянствомъ маститому старцу-фельдмаршалу свѣтлѣйшему князю Витгенштейну. — Москва — Петербургъ. — Прощеніе блуднаго сына ради св. Георгія.

XXIV. (XXVII)

1835. Оперы: „Фенелла“ на нѣмецкой сценѣ (г. Голландъ и Г-жа Дюръ); „Робертъ“ на русской сценѣ (г-жи Шелихова и Степанова 1-я; гг. Шемаевъ, Самойловъ и Петровъ). — Заслуги К. К. Кавоса. — Уроки музыкальной теоріи у Л. И. Фукса. — Минеральныя воды въ Новой деревнѣ: Излеръ. — Оригиналъ Сав. Сав. Яковлевъ. — Знакомство и дружба съ П. П. Ершовымъ и О. К. Гунке. — О. Ив. Сенковскій. — Моя фантастическая повѣсть „Любовь музыкальнаго учителя“, написанная подъ псевдонимомъ „Карло Карлини“, печатается въ „Библіотекѣ для чтенія“. — К. Рихтеръ издаетъ мой романсъ „Вечерній звонъ“ на слова А. Козлова. — Энциклопедическій словарь А. Плюшара. — Князь Влад. Ѳеод. Одоевскій. — Мнѣ удается хоть разокъ взглянуть на великаго Пушкина. — Л. И. Фуксъ представляетъ меня графу Мих. Юр. Віельгорскому.

XXV.

1836. Концерты: Леоп. фонъ Майеръ. — Струнный квартетъ братьевъ Мюллеръ (старшихъ). — Софія Бореръ. — Знакомство съ секретаремъ театральной дирекціи Н. П. Мундтъ. — Братъ его Ал. П. Мундтъ пишетъ для меня либретто оперы „Цыганка“. — Старшій капельмейстеръ К. К. Кавосъ. — Артиллеріи поручикъ Вл. Гр. Бенедиктовъ. — Воспитанникъ высшаго класса академіи художествъ (впослѣдствіи академикъ) П. П. Сѣмечкинъ. — Артисты русской оперы: О. А. Петровъ, В. В. Самойловъ, Смирновъ, Леоновъ (Léon Charpentier), А. Я. Воробьева, М. И. Степанова и др.

XXVI.

1836. Кавосъ знакомитъ меня съ М. И. Глинкою. — Репетиціи оперы „Жизнь за Царя“. — Благородство Кавоса въ отношеніи этой оперы. — Первое представленіе ея. — Общее впечатлѣніе. — Странные отзывы италіомановъ и дилеттантовъ. — Я иногда хожу къ Глинкѣ. — Куріозный случай. — 1837. Вѣсть о смерти Пушкина поражаетъ всѣхъ. — Имя Лермонтова выступаетъ. — Пріѣздъ Ад. Гензельта. — Въ маѣ мѣсяцѣ я даю первый свой концертъ, въ которомъ исполняются нумера изъ моей оперы „Цыганка“. — Картина К. Брюллова „Послѣдній день Помпеи“ и впечатлѣніе, произведенное ею на меня.

XXVII.

1837—39. Отправляюсь жениться въ Тамбовскую губернію. — Въ Тамбовѣ представляюсь преосвященнѣйшему Арсенію (впослѣдствіи бывшему Кіевскимъ митрополитомъ). — Переписка съ нимъ. — Въ деревнѣ я снова интересуюсь народными пѣснями. — Нашъ садовникъ Савельичъ, старикъ лѣтъ 60-ти, поетъ мнѣ пѣсни, „какъ онѣ пѣвались встарину, а не по-нонѣшнему“. — Настоящіе деревенскіе хороводы и настоящая великорусская (а не казацкая) пляска. — Музыкальное семейство сосѣда-помѣщика: С. Абр. Баратынскій и жена его Софья Михаиловна (бывшая вдова барона

Дельвига). — С.-Петербургское Филармоническое Общество чрезъ газеты приглашаетъ „природныхъ русскихъ“ композиторовъ на конкурсъ по написанію музыки на текстъ баллады В. А. Жуковскаго: „Свѣтлана“.

XXVIII.

1838. Поѣздка всѣмъ семействомъ на богомолье въ Воронежъ и Задонскъ. — Какъ встарину снаряжались въ дорогу „на долгихъ“. — Составъ каравана. — Путь до Воронежа по прямой линіи проселочными дорогами. — Воронежъ. — Соборъ и площадь передъ нимъ съ нарочитыми лавками, въ которыхъ богомольцы могли пріобрѣсти себѣ иконы св. Митрофанія, медальоны, на коихъ вычеканенъ ликъ его, освященныя головныя повязки и ленты и т. п. — Задонскій монастырь. — Бесѣда съ о. архимандритомъ. — Услужливость усердныхъ монаховъ. — Возвращеніе въ с. Хилково чрезъ Липецкъ и Тамбовъ.

XXIX.

1837—1839. Какъ живали „ваши“ дѣды. — Очеркъ тогдашняго веселаго помѣщичьяго быта и житья.

XXX.

1839—1840. Возвращеніе въ Петербургъ. — Первый изъ всѣхъ визитовъ отдаю М. И. Глинкѣ, — случайно въ тотъ самый день, когда онъ разъѣхался съ женою. — Рѣшеніе по конкурсу. — Нѣмцы присвоиваютъ себѣ право судить о значеніи слова „природный русскій“. — Русскіе литераторы заступаются за меня. — Государь Императоръ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ мою пользу. — Я отказываюсь отъ матеріальной награды и гг. нѣмцы довольны.— Знакомство съ Ѳ. А. Кони, который предлагаетъ издать мою „Свѣтлану“ въ видѣ приложенія къ вновь учреждаемому имъ журналу: „Пантеонъ русскаго театра“. — 1840. Появленіе 1-й книжки Пантеона празднуется торжественнымъ обѣдомъ у Кони. — Издатель Пантеона В. Поляковъ. — Столкновеніе Вис Гр. Бѣлинскаго съ Вас. Андр. Каратыгинымъ и Ѳ. В. Булгаринымъ по поводу исполненія роли „Гамлета“ московскимъ трагикомъ Мочаловымъ. — Г. Печковскій.

XXXI.

1840—1854. Литературныя вечера у князя Вл. Ѳеод. Одоевскаго. — Я сближаюсь съ Бѣлинскимъ. — Его совѣты. — Ив. П. Мятлевъ впервые читаетъ (изъ рукописи) только что оконченныя имъ „Путевыя впечатлѣнія мадамъ де Курдюковой“. — Итальянскій импровизаторъ Giustiniani. — В. А. Жуковскій. — Князь П. А. Вяземскій. — А. А. Плетневъ. — Я возобновляю знакомство съ университетскимъ товарищемъ графомъ В. Ал. Соллогубомъ.— Евг. Пав. Гребенка. — Сближаюсь съ Ѳ. М. Толстымъ (Ростиславъ). — У Бѣлинскаго встрѣчаю А. В. Кольцова. — Духъ вечеровъ у князя Одоевскаго измѣняется.

XXXII.

1840—1842. Дружусь съ Кони и бываю часто у него. — Встрѣчаю у Кони, въ мужской одеждѣ, Над. Андр. Дурову, „дѣвицу-кавалериста“. — Знакомство и дружба съ поэтомъ-композиторомъ Дм. А. Струйскимъ, а чрезъ

него съ барономъ Е. К. Розеномъ и съ композиторомъ А. С. Даргомыжскимъ. — Молодые писатели: Н. А. Некрасовъ, Н. П. Сушковъ и Григоровичъ. — Эпизоды съ Некрасовымъ. — Н. В. Кукольникъ.

XXXIII.

1840—1843. Михаилъ Ивановичъ Глинка.

XXXIV.

1841—1865. Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій.

XXXV.

1841. Торжественный въѣздъ августѣйшей невѣсты Государя Великаго Князя Цесаревича Александра Николаевича. — 1841—1850. Гавр. Іоак. Ломакинъ. — „Великій композиторъ“ и „amico di Rossini“ Лазаревъ.

XXXVI.

1840—50. Два выдающихся типа высшаго нашего интеллигентнаго общества: графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій; каммергеръ Павелъ Ивановичъ Дубенскій.

XXXVII.

1842—1860. Алексѣй Ѳеодоровичъ Львовъ.

XXXVIII.

1843—1854. Звѣзды пѣвческаго искусства. — Графиня Росси (Генріетта Зонтагъ). — Сабина Гейнефеттеръ; Джудитта Паста; Марія Фрецолини; Р. Персіани-Таккинарди; Маріетта Альбони; Джулія Гризи; Анна де ля Гранжъ; Паулина Віардо-Гарціа; Джанъ-Баттиста Рубини; Антоніо Тамбурини; Люиджи Лаблашъ; Друзепне Маріо (графъ ди Кандіа); Кальцоляри; Сальви; Эрнестъ Тамберликъ; Ронкони; Карлъ Формесъ и др. — Вновь поставленныя оперы.

XXXIX.

1843—1883. Францъ Листъ.

XL.

1840 1858. Русская опера послѣ смерти К. К. Кавоса. — Новыя оперы 1842. „Русланъ и Людмила“ М. И. Глинки; 1845. „Ольга, дочь изгнанника“ М. И. Бернарда; „Параша сибирячка“ Дм. А. Струйскаго; 1847. „Эсмеральда“ А. С. Даргомыжскаго; 1854. „Дмитрій Донской“ Ант. Гр. Рубинштейна; 1855. „Ѳомка дурачокъ“ его же. 1856. „Русалка“ А. С. Даргомыжскаго; 1857. „Ундина“ А. Ѳ. Львова; 1858. „Староста или встрѣча незванныхъ гостей“ его же.

XLI.

1835—1858. Состояніе музыкальной критики въ петербургскихъ газетахъ и журналахъ. — Музыкально-теоретическая литература въ Россіи. — Публика.

XLII.

1849—1852. Венгерская кампанія. — Душное состояніе общаго настроенія. — Двадцатипятилѣтіе царствованія Государя Императора Николая Павловича. — Я имѣю счастіе поднести Его Величеству свою драматическую поэму „Августъ“ — Послѣдствія этого поднесенія. — Вл. Ив. Панаевъ (русскій Гесснеръ).

XLIII.

1854—1855. Турецко-англо-французская война. — Синопское сраженіе. — Австрійская благодарность. — Переворотъ военной фортуны. — Кончина Государя Императора Николая Павловича. — Знаменитый“ англійскій „герой“ сэръ Черльсъ Непиръ и финляндскіе крестьяне. — Севастополь.

XLIV.

1855—1858. Новое литературное знакомство: Л. А. Мей; Н. Ѳ. Щербина; Ап. Н. Майковъ; В. Ст. Курочкинъ. — Первая моя ученица по пѣнію — П. А. Лоди. — Исполненіе (безъ сценическаго представленія) 1-го дѣйствія моей оперы: „Послѣдній день Помпеи“, въ залѣ графа А. Гр. Кушелева-Безбородко. — Г. Минкусъ. — Маститый фортепіанистъ Генр. Герцъ. — Восхожденіе „новаго свѣтила“: А. Н Сѣровъ.

XLV.

1858—1860. Опять Тамбовскія степи. — Изученіе настоящаго строя и лада нашихъ народныхъ пѣсенъ. — Поѣздка въ Царицынъ, а оттуда медленнымъ рейсомъ до Нижняго Новгорода. — Приволжскіе крестьяне. — Нижній Новгородъ. — Ярославль. — Москва.

XLVI.

1860—1862. Н. Гр. Рубинштейнъ. — Князь Юр. А. Оболенскій. — Русское музыкальное Общество. — Антонъ Дооръ. — Профессоръ математики Н. Зерновъ. — Я читаю публичныя лекціи въ актовой залѣ университета. — А. А. Рахмановъ. — Директоръ Московскихъ театровъ Леон. Ѳеод. Львовъ. — М. Н. Катковъ и Леонтьевъ. — Мое участіе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ„ и въ „Приложеніяхъ“ къ нимъ.

XLVII.

1860—1862. Школа моего брата Ивана для глухо-нѣмыхъ дѣтей. — Эксперименты наши относительно пріученія ихъ къ правильному, ясному выговору посредствомъ указанія на механизмъ органовъ рѣчи. — Попечитель Московскаго учебнаго округа, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Н. В. Исаковъ. — Съ его согласія я представляю проектъ основанія въ Москвѣ музыкальной академіи въ двухъ отдѣлахъ (мужской и женскій отдѣлы). Министръ отказываетъ, такъ какъ, по его мнѣнію, „отъ общаго для обоего пола учебнаго заведенія угрожаетъ опасность моральному состоянію учащихся“. — Въ 1862-мъ же году департаментъ исполнительной полиціи разрѣшаетъ Русскому музыкальному Обществу учредить музыкаль-

ныя консерваторіи и школы безъ всякаго раздѣленія по полу. — Любопытная исторія моей увертюры къ драмѣ Пушкина „Борисъ Годуновъ“. — Віолончелистъ Карлъ Шубертъ (въ Петербургѣ).

XLVIII.

1862—1863. Петербургъ. — Итальянская опера. — Г-жи Барбо и Нантье-Дидье, гг. Тамберликъ, Граціани, Эверарди, Де-Бассини и др. — П. П. Усовъ, новый редакторъ газеты „Сѣверная Пчела“ приглашаетъ меня въ музыкальные критики. — Въ частной залѣ г. Новосильцова я читаю четыре лекціи объ исторіи музыки. — Русская опера. Изъ стараго состава остался только О. А. Петровъ. — Въ промежуточную эпоху выдвигались Д. М. Леонова и basso profundo Васильевъ 1-й. — Изъ новыхъ были г-жа Біанки и Гг. Сѣтовъ, Никольскій и Саріотти. — Новыя оперы: „Чародѣй“ князя Вяземскаго; „Мазепа“ Барона Шеля-Фитинггофа; „Кроатка“ Дютша; „Наташа“ К. П. Вильбоа, и наконецъ „Юдиѳь“ А. Н. Сѣрова. — А. Н. Сѣровъ, какъ типъ своеобразный. — Концертъ Рихарда Вагнера. — Я уѣзжаю за границу.

XLIX.

1870—1871. Возвращеніе въ Петербургъ. — Побужденія къ сему возвращенію раньше чѣмъ я намѣревался. — Я имѣю счастіе представиться Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. — Телеграмма Московской Консерваторіи. Послѣдствія. — Я пріѣзжаю въ Москву. — Мировыя условія. — 1871. Загадочное поведеніе гг. директора и профессоровъ Консерваторіи. — Я смѣло разсѣкаю гордіевъ узелъ. — Профессоръ консерваторіи, протоіерей о. Дм. Вас. Разумовскій. — Издатель-редакторъ журнала „Православное Обозрѣніе“ о. П. А. Преображенскій.

L.

1873—1875. Открытіе мною самостоятельныхъ „музыкальныхъ классовъ“, въ невольномъ присутствіи представителей Консерваторіи. — Любопытные факты доброжелательства гг. монхъ собратьевъ по Аполлону: „Тысяча и одна милая штучка“, не арабскія, а московскія „волшебныя“ сказки.

Къ третьему выпуску будетъ приложенъ портретъ автора.

Содержаніе перваго выпуска.

I.

Вступленіе. — Преданіе о нашемъ родоначальникѣ. — Мой взглядъ на предковъ. — Объ отцѣ и братьяхъ моихъ. — Нѣсколько словъ обо мнѣ 1

II.

1813. Общая паника, напавшая на петербургскихъ жителей. — „Французы идутъ!“ — Обдуманность плана завлеченія непріятельской арміи во внутрь нашей земли, и кому принадлежитъ основная мысль этого плана. — Плѣнные французы. „Нашъ французъ“ M-r Grrrosjean..... 3

III.

1815. Возвращеніе гвардейскихъ полковъ въ Петербургъ. — Тамбуръ-мажоры и пѣсельники. Запѣвало Измайловскаго полка 5

IV.

1815—1818. Петербургскіе петиметры и мюскадены. — Описаніе гардероба и принадлежностей франтовъ того времени..... 8

V.

1816—1818. Старый Павловскъ. — Императрица-мать Марія Павловна и ея дворъ. — Поцѣлуй отъ Царицы и березовая кашица отъ моей бабушки 12

VI.

1816—1818. Какъ Петербургъ веселился. — Обычное распредѣленіе дня въ „хорошемъ“ обществѣ. — Торжественный обѣдъ въ день рожденія отца. — Jours fixes. — Балы. — Балы-маскарады. — Публичныя гулянья. — Оригиналъ бывшій комендантъ Башуцкій 16

VII.

1816—1818. Состояніе музыкальнаго искусства въ Петербургѣ. — Филармоническое Общество. — Тогдашній салонный репертуаръ. — Серьезной музыкою занимались въ немногихъ только домахъ. — Лучшіе фортепіанные учителя: Фильдъ, Арнольдъ, Мюллеръ. — Пріѣздъ знаменитаго Гуммеля. — Пѣніемъ много и охотно занимались. — Лучшіе преподаватели пѣвческаго искусства: г-жа Линденштейнъ, гг. Зат-

ценгофенъ, К. К. Кавосъ и Джуліани. — На русской сценѣ лучшій пѣвецъ В. Самойловъ (отецъ трагика). — Репертуаръ тогдашнихъ оперъ. — Любимѣйшіе композиторы романсовъ. — Церковное пѣніе. — Частный хоръ богача Дубенскаго и пресловутый солистъ „Фрицъ“ 21

VIII.

1819. Отецъ отправляетъ брата моего (Александра) и меня въ институтъ Д-ра Карла Лангъ близъ Дрездена. — О педагогическихъ принципахъ Песталоцци и Базедова. — Отправленіе насъ изъ Кронштадта на парусномъ кораблѣ. — Ураганъ. — Штетинъ. — Дилижансы того времени. — Дрезденъ. Г. коммерціи-совѣтникъ „Юлій Цезарь“ 27

IX.

1819—1822. Ваккербатсрускій пансіонъ. — Пробужденіе барабаномъ. — „Онкель“ Буккъ. — Туалетъ. — Завтракъ. — Классныя занятія. — Обѣдъ. — Препровожденіе времени послѣ обѣда. — „Vesper-brodt“. — Музыкальные уроки, гимнастика, фехтованіе, домашній театръ. Ужинъ и отправленіе въ дортуары. Легкость, съ какою достигались успѣхи въ научныхъ занятіяхъ. — Личность и характеръ директора Д-ра К. Лангъ. — Д-ръ Карлъ Фогель 35

X.

1820. Ежегодныя пѣшеходныя экскурсіи пансіона. — Педагогическая цѣль, польза и планъ ихъ. — Наше путевое снаряженіе. — Первая моя экскурсія: Лейпцигъ чрезъ 7 лѣтъ послѣ великаго всенароднаго сраженія. — Чернильный силуэтъ Вельзевула въ Вартбургѣ. — Гарцъ. — Подражаніе версальскимъ роскошнымъ диковинамъ въ лѣтней резиденціи миніатюрнаго монарха. — Замокъ Губертсбургъ и историческое его значеніе 41

XI.

1821. Вторая экскурсія. — Саксонская Швейцарія и характеръ ея. — Дѣвственная дикость богемскихъ лѣсовъ. — Марія-Кульмъ. — Памятникъ въ честь русскихъ воиновъ, павшихъ здѣсь въ 1813-мъ году. — Городъ Тёплицъ. — Русскій богачъ Н. Н. Демидовъ и „придворный“ его штатъ. — Первѣйшая въ мірѣ камера-обскура. — Г. Прага. — Плаваніе обратно до Дрездена по Эльбѣ 47

XII.

1822. Возвращеніе въ Петербургъ. — Дюны Куришгаффа. — Крестовскій островъ того времени. — Каменный и Елагинскій острова. — Дача М. А. Нарышкиной. — Охотничья роговая музыка 54

XIII.

1822. Тихая, примѣрная семейная жизнь Великаго Князя Николая Павловича и августѣйшей его супруги въ Елагинскомъ дворцѣ. — Лѣт-

нія празднества Императорскаго двора на Каменномъ островѣ и по Средней и Малой Невкѣ. — Оберъ-гофмаршалъ А. Л. Нарышкинъ. — Краткое мое пребываніе въ Горномъ Корпусѣ. — Мой фортепіанный учитель А. И. Черлицкій. — Случайно я имѣю счастіе попасть на глаза Императору Александру Павловичу 61

XIV.

1823—24. Отецъ отправляетъ меня въ Дерптскую гимназію. — Физіономія тогдашняго города Дерпта. — Старшій учитель Вильг. Хахфельдъ. — Учитель латинскаго языка Т. Фрейтагъ. — Духъ гимназіи, какой обнаруживался уже въ младшихъ классахъ. — Развалины на Домбергѣ. — Рыцарскія игралища. — Сраженіе нашихъ младшихъ классовъ съ учениками уѣзднаго училища. — Методъ преподаванія въ гимназіи. — Учитель исторіи Т. Бубрихъ. — Декламація: старшій учитель нѣмецкаго языка Э. Германнъ. — Сынъ его Теодоръ, и наши упражненія въ метрическихъ формахъ. — Переходъ въ „Терцію“. — „Борьба Юлія Цезаря съ Верцингеториксомъ“ въ переводѣ восьмистишіями, и арестъ въ награду. — Мой учитель музыки и пѣнія Августъ фонъ-Вейраухъ. — Наводненіе въ Петербургѣ 68

XV.

1825. Практическіе методы преподаванія старшихъ учителей: латинскаго языка — С. Мальмгрена, и исторіи — В. Хахфельда. — Я переѣзжаю къ другому содержателю пансіонеровъ, пастору Юл. Бубриху.— Эпизодъ: діэта больнаго пастора. — Наши домашніе музыкальные вечера: я знакомлюсь съ образцовыми твореніями Баха, Генделя, Гайдна и Моцарта и другихъ лучшихъ композиторовъ какъ прошлаго, такъ и начавшагося вѣка. — Чтеніе классическихъ литературныхъ произведе- Германіи, Англіи, Франціи, Италіи и Испаніи. — Вѣсть о кончинѣ Императора Александра Павловича, и всеобщая присяга новому Государю Императору Константину Павловичу. — Ради домашнихъ обстоятельствъ я ѣду домой (въ Петербургъ) раньше начатія рождественскихъ каникулъ, и, пріѣхавъ 13-го декабря, я на другой день случайно попадаю на Адмиралтейскомъ бульварѣ въ толпу народа. — Что я тамъ до семи часовъ вечера слышалъ, видѣлъ и вытерпѣлъ 82

XVI.

1826—27. „Секунда“. Духъ старшихъ классовъ. Причины непріязненнаго ко мнѣ отношенія товарищей. — Отецъ мой переѣзжаетъ въ Дерптъ со всѣмъ семействомъ. — Приманеры и секунданеры произносятъ ночью „pereat“ моему отцу. — Послѣдствія этого; коварство одного товарища. Личное мнѣ оскорбленіе и послѣдствіе онаго. Я получаю требуемую сатисфакцію, но оттого долженъ бороться съ враждою двухъ классовъ въ теченіе полутора года. — Первая моя дуэль.— Я оставляю гимназію и приготовляюсь къ университетскому экзамену частными уроками. — Въ августѣ 1827-го года поступаю въ университетъ 97

XVII.

1826—27. Общественная жизнь. — Черноморскаго флота мичманъ, впослѣдствіи докторъ медицины Вл. И. Даль. — Домашніе наши концерты. — Дѣвица Леонтина Тунъ. — Скрипачъ, студентъ медицины, Юлій Давидгофъ (Давидовъ). — Спектакли. — Баронъ Александръ фонъ Унгернъ-Штернбергъ (прославившійся потомъ какъ выдававшійся писатель нѣмецкихъ романовъ и повѣстей). — Лекторъ нѣмецкаго языка при университетѣ Эд. Раупахъ. — Студентъ медицины Н. Б. Анке. — „Представленіе великановъ“. — Публичные концерты. — Академическая „мусса“ (клубъ). — Пріѣзжія знаменитости: пѣвица Мара (нѣкогда примадонна берлинской оперы при Фридрихѣ Великомъ). — „Маркизъ де Контски“ и его пять „дивъ музыкальнаго искусства“. — Любитель-фортепіанистъ баронъ Пауль фонъ Вульфъ. — Квартетъ ратгофскаго помѣщика Карла фонъ Липгардтъ: Фердинандъ Давидъ; Чипріяно Ромбергъ 112

XVIII.

Императоръ Николай Павловичъ всемилостивѣйше жалуетъ моего отца ежегодной стипендіею для университетскаго моего образованія. — Мои родители возвращаются въ Петербургъ. — Тогдашнее устройство надзора за студентами. Академическій сенатъ. — Rector magnificus. — Университетскій синдикъ. — Значеніе попечителя. — Университетская полиція. — Отношенія между педелями и студентами. — Студентскія шалости. — Любовь и уваженіе университетской молодежи къ ректорамъ: Густаву фонъ Эверсъ и Фридриху Парротъ. — Духъ дерптскаго студенчества. — Ландсманшафты (землячества) и благотворное вліяніе ихъ уставовъ на духъ тогдашней молодежи. — Значеніе и форма тогдашнихъ студентскихъ дуэлей. — Почему въ Дерптѣ не развилось бретёрство. 127

XIX.

Русское землячество „Ruthenia“ и вообще русская колонія. — Карловскій помѣщикъ Ѳ. В. Булгаринъ и его другъ и покровитель Н. И. Гречъ. — Основатели Рутеніи. — Н. М. Языковъ. — Мои сверстники Порошинъ и графъ Вл. А. Соллогубъ. — „Профессорскій институтъ“. — Медики: Н. Пироговъ и Иноземцевъ; юристы: Рѣдкинъ и Ивановскій; историкъ Мих. Куторга и естественникъ Степанъ Куторга; математики и астрономы Остроградскій и Филомафицкій. — Вольные слушатели: А. П. Загорскій, баронъ Ник. Штиглицъ и Геймбюргеръ. — Профессоръ русской словесности Перевощиковъ и его семейство. — Характеристика Булгарина и о томъ какъ проучили его дерптскіе студенты 143

XX.

1827—1830. Обыкновенная домашняя обстановка студентской жизни. — Типы прислугъ: „лёффель“ и „бэзенъ“. — Отношеніе между хозяе-

вами-филистерами и ихъ квартирантами-буршами. — Балы мѣщанской муссы.

1829. Общее восторженное волненіе всѣхъ слоевъ дерптскаго общества по случаю трехдневнаго пребыванія въ Дерптѣ Государя Императора и Государыни Императрицы. — Почетный караулъ изъ студентовъ. — Празднества. — Во время рождественскихъ вакацій 1830 г., которыя я, по обыкновенію, проводилъ въ Петербургѣ у своихъ родителей, графъ Канкринъ, имѣя, по поводу царской стипендіи, нѣчто въ родѣ попечительства надо мною, исходатайствовалъ мнѣ счастіе быть представленнымъ Государю Императору..... 153

ПОСВЯЩАЕТСЯ

МОЕМУ ДРУГУ

и

БЫВШЕМУ УЧЕНИКУ

Петру Ивановичу

Серебрякову.

I.

Дерзаю на подвигъ повѣствователя о „дѣлахъ давно минувшихъ дней“. Стану „разсказывать не мудрствуя лукаво, все то, чему свидѣтель въ жизни былъ“.

О себѣ, въ качествѣ музыкальнаго дѣятеля, намѣренъ я говорить, когда это необходимо для разъясненія обстоятельствъ, по какимъ и при какихъ имѣлъ я случай быть свидѣтелемъ того, либо другаго происшествія, говорить съ тою, либо съ другою личностью. Но вообще, когда будетъ рѣчь обо мнѣ, какъ о дѣйствующемъ лицѣ, то всегда я окажусь лишь представителемъ того круга, къ которому я принадлежалъ и чьи обычаи и впечатлѣнія, слѣдовательно, я раздѣлялъ.

Отъ покойнаго отца моего слышалъ я про нашихъ предковъ, что родоначальникомъ Арно́льдовъ былъ одинъ изъ младшихъ сыновей (ихъ было 32 человѣка!), которыхъ графъ *Бабонъ Арко,* потомокъ Арнульфа или Арнольда Каринтійскаго, жившій въ X мъ вѣкѣ прижилъ съ своей единственной супругою Юдиѳью. Почему отецъ мой оставилъ свое отечество и, имѣвъ немалый для того времени достатокъ, переселился въ Россію, гдѣ тотчасъ вступилъ въ русское подданство, онъ намъ никогда не объяснялъ. Знаю я, однакоже, что въ ранней своей молодости онъ принадлежалъ къ тайному обществу „Розенкрейцеровъ“, какъ и позже онъ состоялъ членомъ въ Петербургѣ франкмасонской ложи „Востокъ“. Матушка моя была дочь обѣднѣвшаго внука славнаго петровскаго генерала Броуна. Впрочемъ думаю, что лично я

Предкамъ ничѣмъ не обязанъ.
Русскою сказкой вскормленъ я,
Русскою пѣснью взлелѣянъ;
Русскому Богу молившись,
Русскою жизнью я выросъ.

А потому считаю настоящимъ родоначальникомъ своимъ отца моего, умершаго въ 1843-мъ году ст. совѣтника Карла Ива-

новича Арно́льда, сочинителя многихъ книгъ и брошюръ (на русскомъ языкѣ) о государственной финансовой наукѣ. Онъ же былъ основателемъ и первымъ директоромъ Московской Практической Академіи коммерческихъ наукъ. Въ 1811 г. министръ финансовъ графъ Гурьевъ вызвалъ его изъ Москвы въ Петербургъ для преобразованія системы счетоводства въ департаментахъ этого министерства. Онъ болѣе 20 лѣтъ состоялъ также начальникомъ счетнаго отдѣленія Императорской Придворной Конторы; а позже ему было поручено преобразовать порядокъ счетоводства и въ министерствахъ Военномъ и Государственныхъ Имуществъ.

Старшій братъ мой, недавно умершій 86-ти лѣтъ, Иванъ Карловичъ Арнольдъ, уроженецъ Москвы, самъ со второго года жизни глухой, былъ основателемъ и первымъ директоромъ до сихъ поръ процвѣтающаго „Арнольдовскаго“ училища для глухо-нѣмыхъ дѣтей въ Москвѣ. Меньшій братъ Ѳедоръ Карловичъ Арнольдъ (нынѣ тайный совѣтникъ, членъ совѣта Министерства Государственныхъ Имуществъ) ознаменовалъ себя какъ одинъ изъ ученѣйшихъ писателей о лѣсоводствѣ и сельскомъ хозяйствѣ. Его обширный трудъ „*Русскій Лѣсъ*“ признанъ образцовымъ по этой части произведеніемъ.

Отецъ мой пріучилъ насъ, всею душою любить „мать-русскую землю“ и гордиться именемъ ея сыновей, и эту любовь-то мы свято передали своимъ дѣтямъ.

Родился я 1-го ноября 1811-го года, мѣсяцевъ черезъ пять послѣ переселенія моей матушки изъ Москвы въ Петербургъ. Тѣлесное и умственное мое развитіе началось весьма рано: бѣгалъ я (какъ мнѣ говорили позже) уже по 7-му мѣсяцу, а говорить началъ, когда и полнаго года мнѣ еще не было. Съ самаго ранняго дѣтства родители и тетушки заботились о томъ, чтобы мы дѣти произносили каждое слово чисто и внятно. Отецъ мой хотя и былъ родомъ изъ нѣмцевъ, но домъ нашъ содержался на русскій ладъ, и у насъ была крѣпостная прислуга изъ великорусскихъ губерній. Матушка кормила меня сама; но приставлены были ко мнѣ еще няня и маленькая дѣвочка „подъ-няня“, должность которой состояла въ томъ, чтобы забавлять ребенка. Отъ этихъ двухъ личныхъ моихъ слугъ услышалъ я впервые разныя русскія простонародныя сказки и пѣсни, и на нихъ-то и выросъ.

II.

Первыя мои воспоминанія относятся къ набѣгу на Россію „двунадесяти языковъ“. Должно быть, выступленіе французской арміи изъ Москвы навело большую панику на петербургское населеніе. Помню, что сестра и братъ (первая на 5, другой на 4 года старше меня) толковали съ няньками о французахъ, которые идутъ на Петербургъ; что они нехристи, питаются лошадинымъ мясомъ и даже пожираютъ маленькихъ дѣтей. Послѣднее, конечно, ужасало меня болѣе всего, и я боялся французовъ пуще знакомой мнѣ изъ сказокъ Бабы-Яги-Костяной-Ноги. Сестра и братъ рѣшили, что, когда наступятъ французы, то намъ дѣтямъ слѣдуетъ попрятаться въ большой гардеробный шкафъ мамаши. Вотъ, однажды, выпорхнувъ изъ классной, они прибѣжали въ главную мою квартиру, т.-е. въ малую нашу дѣтскую, съ неистовымъ крикомъ: „Французы идутъ! Французы идутъ!“ Я затрясся и заплакалъ. „Пойдемъ, мы запрячемъ тебя“, сказали они, схватили подъ руки, потащили въ мамашину гардеробную и сунули меня въ шкафъ, который заперли на ключъ. „Смотри, нишкни! Чтобы французы тебя не услышали!“ а сами убѣжали. Сначала я и впрямь сидѣлъ тихо, все прислушиваясь; но затѣмъ надоѣло, конечно, да и царившая кругомъ тишина стала пугать меня. Кончилось тѣмъ, что я заоралъ благимъ матомъ, пока не пришла сама матушка высвободить меня изъ неволи.

Упомяну кстати, что завлеченіе непріятельской арміи внутрь нашей земли, ради неминуемой погибели, было послѣдствіемъ предвзятаго, зрѣло обдуманнаго плана. Непріятель, въ полномъ смыслѣ, былъ *вынужденъ* держать путь по тракту, указанному ему медленно и стройно отступавшею главною арміею нашей; ибо побѣда графа Витгенштейна на сѣверѣ и безпрестанные набѣги нашихъ храбрыхъ партизановъ (Дениса Давыдова, Фигнера и др.) не давали французамъ свернуть съ предписанной линіи, а Смоленскъ, и въ особенности Бородино, были свидѣтелями скорѣе побѣдъ, чѣмъ пораженій русскаго воинства. Въ то время, конечно, я обо всемъ этомъ ровно ничего не слыхалъ. Чрезвычайно интереснымъ, однакоже, оказалось гораздо позже случайное открытіе, показывающее, что перво-

начальная мысль этого грандіознаго, по всѣмъ правиламъ высшей стратегіи выполненнаго отступленія принадлежала Бернадоту.

Въ 1841 году служилъ я помощникомъ столоначальника въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и на моей обязанности лежало приводить въ порядокъ дипломатическую корреспонденцію съ 1801 по 1820 годъ. Такимъ образомъ оказалась, между прочимъ, въ моихъ рукахъ и переписка императоровъ Павла Петровича и Александра Павловича съ иностранными государями и правителями государствъ. Къ послѣднимъ принадлежалъ въ то время, въ 1810 году королемъ и народомъ шведскимъ избранный наслѣдный принцъ, Карлъ Іоаннъ князь Понте Корвскій и Нефштательскій, бывшій маршалъ Бернадотъ. Россіи, предвидѣвшей въ 1811 г. неминуемое столкновеніе съ французскимъ императоромъ, необходимо было заручиться союзомъ со Швеціею, или, по крайней мѣрѣ ея нейтралитетомъ, вслѣдствіе чего и возникла тайная корреспонденція между нашимъ царемъ и правителемъ Швеціи. Указывая въ одномъ изъ своихъ писемъ къ императору Александру Павловичу на обычную любимую манеру Наполеона, быстро всею массою вторгаться во внутрь непріятельской страны, Бернадотъ подалъ практическій совѣтъ, чтобы русская армія, избѣгая по возможности генеральнаго сраженія, вовлекла непріятеля въ самое сердце Россіи, а затѣмъ, нападая на него со всѣхъ сторонъ, постаралась уничтожить его по частямъ.

Изгнавъ дерзкаго галла за предѣлы своей земли, Русь выказала обычную великую черту своего характера: она позаботилась о плѣнныхъ непріятеляхъ, которыхъ насчитывались десятки тысячъ. Рѣдкій былъ тогда домъ, въ которомъ не встрѣчался бы плѣнный французъ: имѣть у себя „своего“ француза, это установилось тогда само собою для каждаго „порядочнаго дома“. И у насъ, слѣдовательно, оказался „свой“ французъ, котораго возвели въ должность „m-r le gouverneur des fils de la famille“. Это былъ красивый брюнетъ 40 лѣтъ въ $2^3/_4$ аршина ростомъ и съ длинными крѣпко-нафабренными усищами. *M-r Grosjean* вступилъ въ предѣлы Россіи подъ звуки любимаго марша своего „Grand Empereur“ на мотивъ романса голандской королевы *Hortense* „Partant pour la Syrie“ и къ тому же во главѣ гренадеровъ старой император-

ской гвардіи, такъ какъ онъ былъ тамбуръ-мажоромъ полковой музыки. Онъ не всегда былъ главою музыкантовъ и не сразу попалъ въ гвардію. Сначала онъ вступилъ въ одинъ изъ линейныхъ полковъ восточной арміи (régiments de ligne de l'armée de l'Est) подъ командою Дюмурье, потомъ участвовалъ во всѣхъ кампаніяхъ *Бонапарта:* въ Египтѣ, въ Италіи, противъ австрійцевъ и противъ пруссаковъ.

Grosjean очень любилъ дѣтей, и я вскорѣ сдѣлался его любимцемъ. Всячески старался онъ меня забавлять, и мы другъ друга научали: онъ меня по-французски, а я его по-русски. Я весьма скоро былъ въ состояніи объясняться на чистѣйшемъ парижскомъ жаргонѣ, сталъ привѣтствовать на немъ даже *Ma-ame* ma mère, *M-ssieur* mon père, *Ma-am-selle* ma tante, и восхищался вмѣстѣ съ *M-ssieur* Grrrosjean всѣми преимуществами *d'la Grrrande* nation и доблестью *d'la viéi-ye* garrrde! Само собою разумѣется, что я ознакомился со всѣми подробностями сраженій при Жемапѣ, подъ пирамидами, при Маренго, Прейсишъ-Эйлау и Аустерлицѣ; выучился пѣть: „Vive Henri quatre", „Au clair de la lune", „la Belle Gabrielle", „Malbrough s'en va-t-en guerre" и т. п.; да зналъ всѣ сорты барабанныхъ „appels", которые мой „gouverneur" великолѣпно выбивалъ на дѣтскомъ барабанчикѣ. Grosjean попалъ въ число вымѣненныхъ плѣнныхъ и отправился на родину; я горько плакалъ, разставаясь съ нимъ. Новый мой дядька, крѣпостной портной Василій, никоимъ образомъ не былъ въ состояніи, замѣнять мнѣ веселаго и добраго моего друга, тамбуръ-мажора Grosjean'a.

III.

Въ 1815 году возвращавшіеся гвардейскіе полки были встрѣчены Петербургомъ со всѣми почестями, подобающими освободителямъ Европы. При всеобщемъ громогласномъ ликованіи собравшихся на улицахъ сотенъ тысячъ жителей всѣхъ сословій и возрастовъ, избранныя войска русскаго царя вступали въ предѣлы сѣверной столицы черезъ нарочито-выстроенныя тріумфальныя ворота, которые и понынѣ красуются у начала Забалканскаго проспекта. Необозримыми, словно безконечными лентами тянулись по обоимъ краямъ дороги ряды экипажей, среди тѣсно суетившихся разнородныхъ и разно-

видныхъ пѣшеходовъ. Эта дѣйствительно грандіозно-эффектная картина и блестящій видъ гвардейскихъ конныхъ и пѣшихъ полковъ, въ красивыхъ мундирахъ, церемоніальнымъ маршемъ дефилировавшихъ подъ звуки то полковой музыки, то барабановъ съ пикколами, съ великаномъ тамбуръ-мажоромъ во главѣ, то голосистыхъ пѣсельниковъ, предшествуемыхъ лихимъ запѣвалою-молодцомъ, — вотъ что прежде и болѣе всего бросилось мнѣ, 4-хъ лѣтнему мальчику, въ глаза, и что̀ единственно я и помню. И важные тамбуръ-мажоры (напоминавшіе мнѣ далеко улетѣвшаго друга моего Grosjean'a) и веселые запѣвалы: трудно было рѣшить, кому слѣдовало отдать преимущество, первымъ или вторымъ? Правда, тамбуръ-мажоры, безъ всякаго нарушенія маршеваго движенія, ловко повертывались бокомъ то направо, то налѣво, а то и совсѣмъ обернувшись лицомъ къ слѣдовавшимъ за нимъ барабанщикамъ, шагали задомъ впередъ, и при этомъ то выдѣлывали надъ головою быстрѣйшее „мулине“ своей тяжелой палкой, то, въ тактъ подбрасывая ее высоко-высоко, ловили опять на ходу. Съ своей стороны и запѣвалы въ грязь лицомъ не ударяли. Весело, съ плутовскимъ смѣхомъ, разлитымъ по всему лицу, по временамъ слегка подергивая плечами, заливается истый солдатскій запѣвало звонкимъ, высокимъ теноркомъ и съ полнымъ, совершенно искреннимъ самодовольствіемъ мѣтко подчеркиваетъ знаменательнѣйшія слова юмористическаго текста пѣсни, нерѣдко собственной его импровизаціи. Иногда, весь углубившись въ свое дѣло, выкидываетъ онъ удивительныя колѣнца, добираясь полнозвучной фистулой даже до самыхъ почти предѣловъ высокаго сопрано. Но, не однимъ только голосомъ, не одною только мимикою работаетъ удалой нашъ запѣвало: все тѣло его, всѣ его члены въ непрерывномъ движеніи. Одною рукою потрясываетъ онъ звонкіе бубны, другою извлекаетъ разнородные звуки изъ нихъ: то, обмусливъ слегка большой палецъ, третъ имъ поверхность своего инструмента, и таинственный гулъ летитъ по воздуху; то бойко ударяетъ и постукиваетъ по бубнамъ обратною стороною руки, и свѣтлые барабанные звуки раздаются далеко. А между тѣмъ, живо повертываясь гибкимъ тѣломъ во всѣ стороны, выдѣлываетъ онъ ногами всевозможныя и даже невозможныя балетныя эволюціи, начиная отъ умѣреннаго, плавнаго поплясыванія до

самаго вакхическаго плетенія и выбрасыванія колѣнцъ настоящаго залихватскаго русскаго трепака. Описывать это недостаетъ ярко-картинныхъ выраженій: это непремѣнно нужно видѣть и прочувствовать русской душою; иностранецъ никогда не пойметъ, что̀ именно въ этой удалой пляскѣ насъ, въ маститой даже старости, такъ горячо хватаетъ за сердце.

Въ особенности отличался одинъ запѣвало. Это былъ коренастый краснощекій унтеръ-офицеръ, лѣтъ 35, а можетъ быть и больше, съ Георгіевскимъ крестомъ и со знакомъ прусскаго Чернаго Желѣзнаго Креста на груди; знать, лихой нашъ молодецъ кое-что болѣе, чѣмъ пѣсни запѣвать умѣлъ. Я такъ и впился въ него глазенками и ушами. Славно, правда, пѣвала нянька Алена Ивановна, лихо отплясывалъ трепака 17-лѣтній нашъ форейторъ Тимошка; но куда имъ было противъ этого молодца! Оба, вмѣстѣ взятые, въ подметки ему не годились!

Лѣтъ черезъ 12 или 13, когда я уже порядочно игралъ на фортепіано, случай привелъ меня познакомиться съ многосторонне образованнымъ, пламеннымъ любителемъ музыки, а въ особенности русскаго народнаго пѣнія, столь извѣстнымъ въ высшемъ кругу Петербурга, маститымъ егермейстеромъ Юшковымъ, который содержалъ весьма хорошій собственный оркестръ изъ крѣпостныхъ людей и таковой же хоръ пѣвчихъ*). Юшковъ объяснилъ мнѣ, что послѣ французской кампаніи дѣйствительно въ Измайловскомъ полку былъ храбрый унтеръ-офицеръ, славившійся какъ отмѣнный запѣвало лихихъ солдатскихъ пѣсень.

Захватило, однакоже, во время тріумфальнаго шествія гвардейцевъ дѣтское мое сердце не одно только залихватское пѣніе и ловкое солдатское плясаніе, а также и ясно раздававшійся текстъ пѣсни, съ извѣстнымъ припѣвомъ всего хора: „Ахъ, вы сѣни, мои сѣни“. Въ этой пѣсни изображалось, какъ „батька, славный князь Кутузовъ перехитрилъ антихриста, Французскаго Банапарта“.

Сколько ни налегаю нынѣ на свою память, но, при общей

---

*) Отъ него-же я впервые слышалъ также про славнаго русскаго скрипача екатерининскихъ временъ, *Хандошкина*.

еще свѣжести ея, все-таки не въ силахъ я припомнить болѣе двустишія:

„Тебѣ путь днесь, Банапарте,
По Кутузовской-де картѣ!“

Когда мы пріѣхали домой, собравшійся вечеромъ въ дѣтской ареопагъ нашъ много и долго трактовалъ о событіи дня. Разсказывали всѣ вперебивку остававшейся дома мамкѣ меньшаго брата про все видѣнное и слышанное. Старшимъ двумъ дѣтямъ болѣе всего понравились пышныя кареты и великолѣпные туалеты придворныхъ дамъ, да блескъ генеральскихъ мундировъ; няня восхваляла великолѣпіе высшаго священства и любовалась кирасирами и гусарами. Дѣвочкѣ подъ-нянькѣ нравились тамбуръ-мажоры, и она дерзнула даже сказать, будто они лучше бывшаго „нашего“ француза Grosjean'а, за что я чуть-чуть не вцѣпился въ нее. Наконецъ, однакоже, мы съ форейторомъ Тимошкою (котораго, ради его искусства плясать, иногда также допускали въ дѣтскую) рѣшили, что наилучшимъ во всемъ церемоніальномъ актѣ оказались пѣніе и залихватская пляска упомянутаго выше запѣвалы.

IV.

Возвращеніе гвардейскаго корпуса чрезвычайно подѣйствовало на петербургскіе моды и нравы. Во всякомъ случаѣ число нашихъ мюскаденовъ и петиметровъ необычайно умножилось вслѣдствіе даннаго гг. военнымъ (начиная съ оберъ-офицерскихъ чиновъ) разрѣшенія одѣваться въ штатское платье, когда они не на службѣ. Нѣкоторые изъ гг. генераловъ (въ особенности кто былъ помоложе, а молоденькихъ „превосходительствъ“ тогда довольно оказалось) и гвардейцевъ запаслись даже въ Парижѣ платьемъ новѣйшихъ модъ. Обрадовались тому, конечно, всѣ портные и сапожники двухъ столицъ, которые въ то время большею частію были изъ нѣмцевъ. Адамы Адамычи и Готлибы Готлибычи стали быстро богатѣть, а цѣны на англійскія сукна, на итальянскій бархатъ, на манчестеръ и на батистъ да кружева голандскія возвысились. Быть петиметромъ „comme il faut“ стоило не мало издержекъ. Это я соображаю нынѣ изъ воспоминаній о безчисленныхъ костюмахъ моего отца, который, пользовавшись тогда хорошимъ

состояніемъ и изрядным жалованьемъ по двумъ служебнымъ мѣстамъ, любилъ щеголевато одѣваться.

Главнѣйшими предметами мюскаденскаго гардероба были разные фраки, и единственно только они носили почетное названіе: habits. Сертуковъ, въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, тогда вовсе не существовало; то, что тогда именовалось surtout, дѣйствительно служило для надѣванія „сверхъ всего“, слѣдовательно соотвѣтствовало нынѣшнему пальто. Фраковъ надлежало петиметру имѣть не менѣе трехъ: одинъ для утренняго выхода по дѣламъ или съ визитами; это было „habit pour aller en ville“. Принятымъ для него цвѣтомъ, по законамъ моды, считался зеленый, оттѣнки котораго соображались преимущественно съ возрастомъ: людямъ солиднымъ приличествовало vert foncé de bouteille, болѣе молодымъ vert gris, а совсѣмъ молоденькіе носили vert de pomme. Къ dîner en ville нельзя было иначе явиться какъ во фракѣ синяго (indigo) или темно-лазуреваго цвѣта (azur de Naples). Для баловъ, а равно для траурныхъ церемоній, были обязательны фраки чернаго цвѣта; характеристическое различіе между одеждами двухъ этихъ назначеній состояло въ матеріи, употребляемой для подкладки и на отвороты (лацканы): для бальнаго костюма требовался атласъ, для траурнаго шерстяная матерія (mérinos). Исподняго платья (haut de chausses) было два разряда: одно подлиннѣе, pantalons, доходящее до щиколотокъ, а другое короткое, culotte, оканчивающееся на вершокъ ниже колѣнъ, гдѣ на обѣихъ ногахъ къ наружному боку застегивалось золотою или серебряною пряжкою, иногда украшенной дорогими каменьями. Culotte всегда шилось изъ плотнаго чернаго атласа: это считалось обязательнымъ для баловъ костюмомъ. Панталоны употреблялись двухъ родовъ: одни, изъ манчестера, носились, когда выходили просто по дѣламъ; другіе изъ тончайшаго, атласовиднаго чернаго сукна (drap à la française) употреблялись для визитовъ, но допускались также и при одеждѣ обѣденной. Того и другого рода панталоны шились въ обтяжку; ибо между наружными достоинствами петиметра первымъ считалось „avoir la jambe bien faite“. При входившихъ же въ моду длинныхъ и широкихъ панталонахъ à la marinière или à la jacobine, это достоинство, конечно, гораздо менѣе бросалось въ глаза. Къ манчестровымъ панталонамъ надѣвались прикры-

вавшіе ихъ снизу bottes à l'anglaise, т.-е. черные, глянцовитые сапоги, около щиколотокъ со множествомъ складокъ, кверху съ отворотами изъ глянцовитой же, но некрашеной кожи, по бокамъ которыхъ болтались сверху до половины сапога подобной же кожи ремни въ полвершка ширины. Къ чернымъ панталонамъ носили узорчатые носки изъ чернаго шелку и мало-вырѣзанные башмаки съ небольшими пряжками изъ золота, серебра или жета (вулканической плавки). Панталоны эти снизу (сверху носковъ, конечно) застегивались на наружной сторонѣ каждой ноги тремя пуговичками изъ соотвѣтственнаго пряжкамъ матеріала. При culotte обували ноги въ длинные шелковые чулки чернаго цвѣта къ обѣду, а на балъ преимущественно бѣлаго цвѣта. Башмаки къ этому костюму были болѣе вырѣзаны, а пряжки большаго формата, исключительно изъ металла, и весьма часто украшались каменьями.

Формою своею фраки не походили уже на придворные кафтаны времени императора Павла Петровича. Фалды сзади, правда, были еще довольно широкія, но заднія пуговицы помѣщались немного выше естественной таліи, а начало рукава отдѣлялось отъ плеча нѣсколько возвышавшимся буффомъ (какъ это нынѣ дѣлается на дамскихъ платьяхъ). Суживавшіеся къ концу рукава доходили только до кистей рукъ и застегивались тамъ тремя мелкими пуговицами. Довольно широкій отворотный воротникъ прикрывалъ почти плотно всю заднюю часть шеи; спереди красовались на груди довольно широкіе треугольной формы лацканы. Спереди фракъ доходилъ не ниже діафрагмы, такъ что изъ подъ прямой линіи его обрѣза виднѣлся, вершка на три, красивый изъ свѣтлой шелковой матеріи жилетъ, съ вышитыми на немъ (шелками же, а иногда золотомъ или серебромъ) цвѣточками. На цвѣтныхъ фракахъ употреблялись позолоченныя пуговицы, съ разными на нихъ вычеканными фигурками или арабесками; къ черному же фраку приличествовали только узорчатыя, изъ чернаго шелка, тканныя пуговицы. Но нѣкоторые крезы умудрялись и тутъ выказать свое богатство, вставляя въ средину каждой шелковой пуговицы по крупному брильянту.

На руки изъ подъ рукавовъ падали манжеты, а между лацканами изъ подъ жилета торчало, какъ бы раскинутый

вѣеръ, двойное жабо, прикрѣпленное дорогою, видною булавкою. Обыкновенно жабо и манжеты были изъ мелко-гофрированнаго тонкаго батиста; при бальномъ же парадномъ костюмѣ употреблялись иногда и весьма дорогія кружева.

Но, что всей фигурѣ петиметра придавало особенное aplomb и важность, соединялось въ воротникѣ рубахи. въ галстукѣ и въ прическѣ. Основаніе галстука образовала тоненькая „машинка“ (инаго выраженія я нынѣ прибрать не могу), составленная изъ цѣлаго ряда безчисленныхъ узкихъ спиралей тончайшей мѣдной проволоки, покрытаго коленкоромъ и окайменнаго тонкой козьей или заячьей кожею. Эта машинка, шириною до трехъ вершковъ, весьма аккуратно, но плотно завертывалась въ слабо-накрахмаленный, тщательно выглаженный платокъ изъ тончайшаго батиста, и въ такомъ видѣ представляла галстукъ, которымъ имѣла украситься шея петиметра. Эта нѣсколько массивная повязка прикладывалась серединою своею къ передней части шеи, покрытой широкимъ, кверху торчащимъ, крѣпко накрахмаленнымъ и до самыхъ ушей доходящимъ батистовымъ же воротникомъ рубахи, и, обвивъ довольно плотно всю шею, завязывалась спереди въ видѣ широкаго банта, концы котораго украшались иногда весьма искусною вышивкою. Такимъ образомъ голова, волею-неволею, принимала почти ненарушимую, важную позу, а лицо получало видъ полноты и цвѣтущаго здоровья. Прическа à la Titus, т.-е. либо самородный, либо искусственный парикъ, весь завитый въ легіонъ мелкихъ локончиковъ, увѣнчивалъ туалетъ франта тогдашняго времени. Пудрилась же голова только когда приходилось являться въ императорскій дворецъ или на балы высшаго круга. Относительно драгоцѣнностей, какими украшались мужчины тогдашняго „beau monde“, кромѣ упомянутой уже булавки на жабо, кавалеры носили на пальцахъ по нѣсколько весьма солидныхъ перстней, и непремѣнно пару часовъ, т.-е. на каждой сторонѣ по одному экземпляру. Петиметру не приличествовало имѣть часы иные какъ славнаго парижскаго мастера Брегета, а эти часы были не дешевые: простѣйшаго сорта стоили не менѣе 300 франковъ, а цѣна богатыхъ часовъ доходила и до 3000 тогдашнихъ рублей. Часы носили подъ жилетомъ, въ особенно для того въ исподнемъ платьѣ придѣланныхъ карманахъ (sacs à montres), повыше и болѣе

кпереди отъ обычныхъ, боковыхъ кармановъ (poches). Такимъ образомъ, и съ правой и съ лѣвой стороны торчали изъ подъ жилета довольно массивныя золотыя цѣпочки, изъ которыхъ обыкновенно на одной висѣло нѣсколько затѣйливыхъ bréloques, а на другой въ тяжелой оправѣ большой камень: либо карніоль, либо топазъ, либо аметистъ, съ вырѣзанною печатью фамильнаго герба. Въ настоящихъ же карманахъ штановъ носили деньги (portes monnaie тогда еще не существовали, а вязанныя bourses приличествовали только дамамъ). Въ одномъ карманѣ держалось золото: полуимперіалы, французскіе Louis d'or и голландскіе червонцы, въ другомъ серебро: рубли и полтинники. Мелкое же серебро помѣщалось въ жилетныхъ карманахъ (goussets).

Изъ двухъ родовъ шляпъ, цилиндръ или круглая шляпа употреблялась для утреннихъ выходовъ, между тѣмъ какъ для обѣдовъ и въ особености для баловъ требовалось имѣть клякъ-треуголку. И та и другая были немалаго объема и высоты. О формѣ послѣдней легко получается полное понятіе, когда возьмешь тонкій блинъ и, сложивъ его одною половиною на другую, вытянешь концы немножко книзу. Цилиндръ же тогдашней эпохи отличался отъ нынѣшняго тѣмъ во 1-хъ, что онъ былъ на полвершка выше; во 2-хъ, края его съ боковъ были болѣе еще подняты кверху и болѣе еще загнуты; въ 3-хъ, дно его имѣло гораздо большій объемъ, такъ что стѣна этого цилиндра восходила кверху согнутою линіею, на манеръ уланскихъ киверовъ.

О дамскихъ костюмахъ я несравненно менѣе и слабѣе припоминаю подробности; впрочемъ, достаточно будетъ сказать, что одежды, какія носили тогда моя матушка и ея сестра, а равно и другія дамы хорошаго свѣта, ничѣмъ не отличались отъ костюмовъ, какіе изображены на извѣстныхъ портретахъ прусской королевы Луизы и второй супруги Наполеона I, Маріи Луизы, въ эпоху съ 1807 по 1810 годъ.

V.

Нынѣшніе петербуржцы не безъ нѣкотораго, пожалуй, права восторгаясь широко-соціальной жизнью, какая въ теченіе всего лѣтняго сезона ежедневно кипитъ въ саду Павловскаго вокзала и на окрестныхъ широко и далеко распространяющихся

дачахъ, увѣряютъ, что отъ этого самый „городъ Павловскъ“ выигралъ относительно красоты, а дачная жизнь относительно наслажденія ею.

Съ этимъ я не согласенъ. Природная красота тогдашняго Павловска превышала искусственную только красу геометрически-стройныхъ улицъ, съ домами городскаго характера; а великолѣпный, на нѣсколькихъ десяткахъ десятинъ раскинутый паркъ, въ которомъ каждая отдѣльная группа роскошнѣйшихъ, иногда болѣе чѣмъ вѣковыхъ деревьевъ разнороднѣйшихъ видовъ, представляла увлекательно-пластичную картину, болѣе художественъ, чѣмъ тѣсный, словно въ тепличный цвѣтникъ превращенный уголокъ, называемый „садомъ“ вокзала.

Гуманный и привѣтливый характеръ августѣйшей владѣлицы стараго Павловска выказался весь также и въ загородномъ ея житьѣ-бытьѣ: при Павловскомъ дворѣ царила идиллическая почти простота, насколько вообще только таковая возможна была при разъ установленномъ и потому поневолѣ болѣе или менѣе строго соблюдаемомъ придворномъ этикетѣ. Это доказывалось уже однимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что тогдашнимъ дачнымъ жителямъ Павловска, безъ какихъ-либо ограничивавшихъ условій, разрѣшалось во всѣ часы дня гулять по парку и даже свободно приближаться какъ къ самому дворцу, такъ и ко всѣмъ другимъ мѣстамъ, гдѣ государыня Марія Ѳеодоровна преимущественно любила гулять, а иногда и завтракать, обѣдать и вечерить или вообще проводить время со своимъ придворнымъ штатомъ и съ приглашенными гостями. Такимъ образомъ и я въ 1816 — 1818 гг. весьма часто имѣлъ случай близко видѣть все это царское житье-бытье. Къ тому же, въ то время я не былъ уже совершеннымъ незнайкою: благодаря стараніямъ мужа второй моей тетушки (чиновника Министерства Финансовъ), д-ра философіи Лейпцигскаго университета, Густава фонъ-Шпальте, умѣлъ я читать и писать на трехъ языкахъ (по-русски, по-нѣмецки и по-французски). Кромѣ того, къ намъ по два раза въ недѣлю пріѣзжалъ m-r Didelot, знаменитый тогда хореографъ и „premier maître de ballet“ императорскихъ театровъ. Собственно-то долженъ онъ былъ обучать старшихъ сестру и брата, но баловавшая меня матушка дозволила и мнѣ участвовать въ „воспріятіи граціозныхъ манеръ“. „Peut-être en deviendra-t-il plus docile

et plus supportable", рѣшилъ женскій ареопагъ, которому мы дѣти были подчинены. И дѣйствительно, помощью гдѣ „ласкательныхъ" словъ, въ родѣ „saperlot, faites donc attention!" или „ah, petit vaurien, voulez-vous rester tranquille!" а гдѣ и щипкомъ, m-r Didelot успѣлъ настолько, что я изрядно выдѣлывалъ каждой ногою всѣ пять позицій, да подъ команду: Avancez! Une, deux, trois! Inclinez-vous!" сумѣлъ исполнить правильный „révérence de jeune homme de bonne famille".

Въ ясную погоду, когда въ паркѣ зеленые листья деревъ трепетали подъ ласкающими ихъ лучами яснаго, улыбающагося солнышка, можно было, во второмъ часу дня и въ седьмомъ часу вечера, видѣть государыню со всѣмъ ея штатомъ или на террасѣ, выходящей въ направленіи къ верхнему пруду съ видомъ на каскадъ, спускавшійся изъ храма Аполлона, или около Павильона Розъ, обставленнаго оранжерейными деревьями (апельсинными, лимонными и миртовыми) такимъ манеромъ, что образовались отдѣльные уютные боскеты. Особенно любимымъ мѣстомъ Маріи Ѳеодоровны, кажется, былъ именно этотъ павильонъ. Въ обыкновенное время во внутренности его разстанавливалась мебель, которая въ тѣ часы, когда императрица желала завтракать или пить чай въ павильонѣ, размѣщалась по упомянутымъ боскетамъ. Мебель эта была изъ рѣзнаго дерева и выкрашена бѣлой масляной краскою подъ лакъ, съ золотыми бордюрами, и состояла (сколько я еще припоминаю) изъ 4 дивановъ, 12 креселъ, 12 стульевъ и нѣсколькихъ столиковъ. Но самымъ замѣчательнымъ въ этой мебели оказалось то, что подушки на нихъ, изъ бѣлаго атласа, были украшены необыкновенно богатыми и артистически исполненными вышивками прелестнѣйшихъ рисунковъ, изображавшихъ розовые вѣнки и гирлянды. Говорили, что эти вышивки были трудомъ собственныхъ рукъ императрицы-матери и ея дочерей.

Иногда царица со своими придворными обѣдала подъ открытымъ небомъ. Тогда обѣдъ сервировался въ такъ называемомъ „лѣтнемъ" театрѣ, который (если не обманываетъ меня память) находился по другую отъ дворца сторону черезъ шоссе, и стѣны да кулисы котораго состояли изъ живой тàксусной*)

*) Таксусъ — родъ грубой мирты.

изгороди. Бывало также, что подъ вечеръ императрица и штатъ ея отправлялись на большую лужайку, гдѣ устраивались либо танцы подъ звуки военнаго оркестра лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, либо общественныя игры. Танцы состояли изъ матрадура, гавота, экосеза, альманды (т.-е. тихаго и плавнаго вальса) и англеза (нѣчто въ родѣ котильона); но случалось мнѣ видѣть иногда въ идеально-граціознѣйшемъ исполненіи также и русскій хороводъ, преимущественно (какъ говорили) по личному желанію царицы-матери. Изъ игръ я помню: игру въ горѣлки, à la barre, въ мячи и въ воланы (raquettes).

За исключеніемъ дней торжественныхъ выходовъ, дамы являлись безъ шлейфовъ, а кавалеры въ штатскихъ костюмахъ, такъ что въ мундирахъ въ Павловскѣ встрѣчались большею частью только гвардейскіе гусары, занимавшіе посты на гауптвахтѣ и прочихъ караульныхъ пунктахъ, да два лейбъ-пандура императрицы-матери.

Выше я упомянулъ, что дачной публикѣ Павловска былъ во всякое время дня дозволенъ свободнѣйшій входъ въ паркъ. Поэтому въ нашемъ домашнемъ регламентѣ значилось, что либо бабушка наша (m-me de Brown), либо одна изъ тетушекъ ежедневно ходила съ нами гулять въ паркъ послѣ обѣда отъ 5-ти до 7-ми часовъ. Вотъ и отправились мы въ одинъ прекрасный день гулять съ бабушкою и, дошедши до Фермы гдѣ отдохнули сколько положено было по регламенту, повернули опять домой. Путь же нашъ долженъ былъ повести насъ мимо Розоваго Павильона. Дошли до него и увидѣли, что тамъ сидѣла сама государыня со своимъ штатомъ. Вотъ и остановилась бабушка и шепчетъ намъ назидательно: „enfants, faites votre révérence!“

„Révérence!“ О злополучное слово! Какъ только оно прозвучало въ моихъ ушахъ, такъ и предсталъ предо мною въ воображеніи строгій m-r Didelot, и словно слышу я: „Saperlot! Petit vaurien! Avancez! Une, deux, trois! Inclinez-vous!“ И кажется мнѣ: вотъ, вотъ сейчасъ за ухо поймаетъ! Съ отчаянія выскочилъ я подобающими тремя шагами впередъ, сдѣлалъ три предписанныя позиціи и отвѣшиваю съ опущенными внизъ руками низкій révérence. Только шапку-то и забылъ я снять; ее сорвала съ меня уже сама быстро подбѣжавшая бабушка. Императрица и всѣ присутствовавшіе весело

засмѣялись. Государыня милостиво подозвала къ себѣ бабушку и насъ дѣтей и, разспросивъ, чьи мы, взяла меня на колѣни и погладила по головкѣ. А я смѣло глазѣлъ на нее. Всѣ видѣвшіе когда-нибудь въ Зимнемъ дворцѣ портретъ Маріи Ѳеодоровны, безъ сомнѣнія помнятъ истинно ангельскую доброту и гуманность въ выраженіи прекраснаго ея лица, а въ описываемую мною минуту къ этому прибавилась еще чистосердечная улыбка веселости, и мое дѣтское сердце невольно увлеклось этимъ идеальнымъ обликомъ. Отъ полноты охватившаго меня восторга, приложилъ я вдругъ лапки свои къ щекамъ императрицы и съ паѳосомъ воскликнулъ: „Oh-madame, que vous êtes, belle!“ Всѣ окружавшіе насъ кавалеры и дамы пуще прежняго засмѣялись. И сама государыня также засмѣялась; но затѣмъ ласково поцѣловала меня и, приказавъ подать себѣ листъ бумаги и завернувъ въ него апельсиновъ и конфетъ, подарила мнѣ. Потомъ сняла она меня съ колѣнъ и милостиво дала бабушкѣ и всѣмъ намъ дѣтямъ поцѣловать свою руку и отпустила насъ.

Дорогою домой бабушка держала меня крѣпко за руку, не говоря, однакоже, ничего. Но когда мы пришли домой, то она позвала няню и шепнула ей что-то на ухо. Затѣмъ меня, раба Божьяго, повели въ дѣтскую; мѣшочекъ съ апельсинами и съ конфетами положили на столъ, а самого меня разложили на стулѣ, ну и угостили березовой кашицею!

VI.

Житейскій день въ описываемое время начинался рано. Съ интимными визитами нерѣдко являлись въ 10 уже часовъ, а „штатсъ-визиты“ отдавались начиная съ полудня, и не позже двухъ часовъ; потому что во многихъ домахъ обѣдъ, въ обыкновенные дни, сервировался въ три часа. Экстренные обѣды для приглашенныхъ гостей по случаю именинъ или дня рожденія, или инаго какого-либо событія, назначались въ пять часовъ. На вечера aux jours fixes съѣзжались съ семи часовъ, а балы открывались въ девять часовъ. Завтракали же въ 11 или въ 12 часовъ. Правда, что и тогда оказывались исключенія отъ общепринятаго распредѣленія дня; а именно порядокъ дня у такъ называемыхъ англоманов, или рьяныхъ по-

дражателей англійскимъ обычаямъ и нравамъ, выказывалъ постоянное опаздываніе на цѣлыя шестьдесятъ минутъ. Равномѣрно существовала подобная разница въ распредѣленіи часовъ и у мѣщанъ, и у русскаго купечества, но въ обратномъ смыслѣ и въ двойной пропорціи, т.-е. обѣдали и собирались другъ къ другу въ гости двумя или тремя часами раньше.

Но мои разсказы не касаются ни самаго высшаго, ни низшаго слоя (ni la crême, ni la rôture) тогдашняго общества, а круга, составлявшаго средину между двумя упомянутыми слоями и въ особенности той части этого круга, которая, хотя и не принадлежала къ придворной аристократіи, но все-таки числилась въ разрядѣ de la bonne société, или, какъ нынѣ выражаются, въ разрядѣ интеллигентнаго общества.

Да, — въ то время въ кругу интеллигентнаго общества знали только слово „скука“, но значенія его не испытывали. Помню и я такіе дни веселья. День рожденія моего отца, 7-го числа февраля, какъ разъ совпадалъ съ временемъ самаго разгара зимняго сезона. Онъ праздновался преимущественно торжественнымъ обѣдомъ. Столъ, образовавшій (по недавно введенному тогда порядку) букву „покой“, съ начала уже 5-го часа накрывался въ парадной столовой подъ наблюденіемъ дворецкаго Никодимыча и экономки Сильверстовны. (Кстати сказать, что послѣднюю жившая тогда еще 90-лѣтняя старуха-няня моей матери, по вкоренившейся въ ней привычкѣ, упрямо продолжала звать „барской барынею“). Закуска сервировалась въ большомъ залѣ. Затѣмъ Никодимычъ, поставивъ въ передней двухъ выходныхъ лакеевъ, самъ важно становился у входа въ столовую изъ большаго зала. Пріѣзжіе гости и гостьи располагались кто поважнѣе въ гостиной, прочіе въ залѣ и въ бильярдной. (Иногда, бывало, собиралось человѣкъ до шестидесяти). Ровно въ пять часовъ (тогда всѣ придерживались еще старинной пословицы: „l'exactitude est la politesse des princes“) отецъ и матушка приглашали гостей къ закускѣ, а черезъ полчаса голосъ Никодимыча провозглашалъ громко: „Кушанье подано“. Тогда отецъ и матушка предлагали почетнымъ кавалерамъ вести къ столу такихъ-то дамъ, а наипочетнѣйшаго гостя сама матушка, равно какъ почетнѣйшую гостью отецъ, просили „сдѣлать имъ честь“. У средины „покоя“ помѣщалась матушка съ наружной, а отецъ напротивъ ея

съ внутренней стороны, и отъ нихъ направо и налѣво размѣщались гости по рангу. Молодые же люди, не осчастливленные честью вести дамъ къ столу, занимали мѣста у „подножья покоя“, гдѣ сидѣли также и мы дѣти съ гувернеромъ и гувернанткою.

Обѣдъ обыкновенно состоялъ изъ 7—8 „entrées“. Послѣ третьей перемѣны, встаетъ наипочетнѣйшій гость и возглашаетъ тостъ за здравіе Государя Императора и всего Августѣйшаго Царскаго Дома. Затѣмъ другой почетный гость желаетъ здоровья и счастья хозяину, третій пьетъ за здравіе хозяйки. Съ каждой перемѣною мѣняются и вина, а общество все болѣе воодушевляется; тосты растутъ; отецъ провозглашаетъ тостъ въ честь любезныхъ гостей, потомъ слѣдуютъ другіи тосты; а когда доходили до 5-й, 6-й перемѣны, то уже общій, смѣшанный гулъ идетъ по залу. Подымается одинъ изъ друзей дома и произноситъ въ честь „новорожденнаго“ импровизацію въ стихахъ. Его примѣру слѣдуетъ другой, но уже поетъ веселые куплеты; третій продолжаетъ, либо возражаетъ: смѣсь русскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ. Является послѣдняя перемѣна: встаютъ четыре пѣвца (обыкновенно изъ артистовъ нѣмецкой оперы или любителей*) и поютъ анти-наполеоновскія пѣсни Теодора Кёрнера, положенныя на музыку Карломъ-Маріею фонъ-Веберомъ. Мужчины (въ то время болѣе или менѣе знакомые съ воинственными этими напѣвами) подхватываютъ refrain; дамы подымаются тихо и незамѣтно уходятъ въ гостиную. Приносятъ свѣжаго рейнвейну. Мелодіи Кёрнера смѣняются русскимъ романсомъ подъ акомпаниментъ гитары; запѣвается русская народная пѣсня всѣмъ хоромъ; является форейторъ Тимошка, одѣтый казачкомъ и среди „покоя“ залихватски отплясываетъ трепака. Затѣмъ наипочетнѣйшій гость встаетъ, а за нимъ и другіе, и всѣ отправляются въ гостиную и залу пить кофе; а курящіе (какихъ въ то время немного еще было) идутъ въ бильярдную, гдѣ приготовлены голландскія трубки изъ бѣлой глины, и фарфоровая ваза съ ароматнымъ виргинскимъ кнастеромъ. Часъ спустя (часу въ девятомъ) всѣ гости, чинно раскланявшись, разъѣзжаются. Я забылъ упомянуть, что какъ

*) Тогда между русскими еще не водился обычай правильнаго квартетнаго пѣнія.

хозяинъ, такъ и гости на подобные обѣды всегда являлись въ предписанныхъ обычаемъ костюмахъ и украшенные всѣми орденами, кто какіе имѣлъ право носить.

На jours fixes пожилыя дамы (какъ и прежде бывало, да и нынѣ вездѣ водится) занимались въ гостиной никогда неисчерпаемыми оборотными варіаціями на тему „люби ближняго яко самого себя“, при чемъ одинъ-другой изъ „зрѣлыхъ селадоновъ“ имъ поддакивали, изощряя свое остроуміе на потѣшные каламбуры, а иногда и на злые bons mots, да на двусмысленные анекдотцы. Другіе, серьезные, старички размѣщались въ кабинетѣ или въ бильярдной и трактовали между собою о политикѣ или о службѣ. Составлялись иногда также и партіи въ карты (но рѣдко болѣе двухъ столовъ): игрывали въ L'hombre, въ Boston и въ Écarté.

Молодые же люди обоего пола занимались, въ большомъ залѣ, поперемѣнно то музыкою, то игрою въ дурачки, въ фофаны или въ фанты. Игры въ фанты были для всѣхъ занимательны, и не только ради поцѣлуевъ, которыми иногда вознаграждала слѣпая фортуна, но также ради возможности, которая въ нихъ представлялась, выказывать свою ловкость въ „деликатномъ“ обращеніи, бойкую находчивость ума и степень образованія. А сколько и какъ неудержимо слышалось въ этомъ веселомъ кругу чистосердечнаго смѣха! Иногда же кто-либо изъ числа пожилыхъ дамъ или мужчинъ садился за флигель (тогда въ полномъ смыслѣ: piano à queue) и наигрывалъ какой-нибудь танецъ. Ремесленныхъ же таперовъ и тапершъ въ то время еще не существовало. Какого рода царили тогда танцы, я упомянулъ уже выше. Въ хорошемъ обществѣ того времени въ презентабельныхъ и ловкихъ молодыхъ кавалерахъ недостатка не было, и ужъ никакъ и никогда не приходилось (какъ въ нашъ теперешній сухой и вялый матеріальный вѣкъ) отыскивать ихъ повсюду съ фонаремъ, словно рѣдкихъ звѣрей, да почти насильно тащить въ гостепріимные семейные дома: молодые люди тогда сами всѣми силами добивались таковой чести, потому что это служило имъ лучшимъ атестатомъ въ обществѣ и довольно часто даже открывало имъ путь къ карьерѣ.

Балы отличались, конечно, отъ jours fixes, но преимущественно внѣшностью: залъ обыкновенно оказывался роскошно

убраннымъ цвѣтами, а иногда и гирляндами между стѣнными многоручными подсвѣчниками (тогда для освѣщенія употреблялись исключительно бѣлыя, восковыя свѣчи); музыка была оркестровая; костюмы соотвѣтствовали строгому этикету; занимались на балахъ единственно танцами. На этихъ самыхъ танцахъ каждый изъ участвующихъ сосредоточивалъ все свое вниманіе и стараніе: танцовали съ сознаніемъ, что танцы искусство естественно позироваться; танцовали граціозно, con amore, съ увлеченіемъ. Слѣдствіемъ же того неминуемо оказывалось общее оживленіе, entrain électrique de tout le monde. Стройно, въ истинно-художественномъ порядкѣ и ансамблѣ сходились, перевивались и расходились пары; не было путанія въ начинаніи и окончаніи фигуръ; не сталкивались безобразно другъ съ другомъ, не оттаптывали ногъ у дамъ и пр. и пр. Было весело и отрадно не только тому, кто самъ танцовалъ, но и тому кто глядѣлъ на эту поистинѣ красивую картину, создавшуюся по вдохновенію самой Терпсихоры. Еще великолѣпнѣе и привлекательнѣе представлялись маскерадные балы. Тутъ являлись заранѣе и тщательно подготовленныя кадрили (не нынѣшнія, конечно, contredanses françaises) въ 4 или въ 8 паръ, или въ аллегорическихъ эмблемахъ (напр. четыре возраста, четыре времени года, изящныя искусства и т. д.), или въ національныхъ одеждахъ (русскіе бояре, швейцарцы, неаполитанцы, шотландцы, англійскіе матросы, дикіе американцы и т. д.), или въ историческихъ костюмахъ (древняго рыцарства, à la Henri IV, à la Louis XIV и т. д.). Смотря по характеру костюмовъ, были также особенно придуманы не только музыка, но и туры и па. Подготовленіемъ таковыхъ кадрилей занимались долгое время, серьезно и съ любовію. Вообще на маскарадныхъ балахъ старались выказать эстетическій вкусъ и остроуміе. Являлись иногда и юмористическія маски, напримѣръ, Донъ Кихотъ на его боевой клячѣ „Розинантѣ“; „Schneider-Cacadu“ сидящій за работою на подвижномъ столѣ; Чортъ, несущій на спинѣ корзину, въ которой сидитъ вѣдьма гадающая на картахъ и т. п.

Еще бо́льшимъ оживленіемъ отличались ежегодныя публичныя гулянія: въ святочную и святую недѣлю на Адмиралтейскомъ бульварѣ, въ Духовъ день въ большомъ Лѣтнемъ саду и 22 іюля (именины императрицы - матери) въ Петергофскомъ паркѣ.

Эти гулянія были типическія проявленія дѣйствительно народнаго русскаго празднества.

На этихъ гуляньяхъ, какъ припоминаю, появлялся иногда одинъ господинъ почтеннаго и даже „внушительнаго“ вида съ двумя мальчиками (лѣтъ 15-ти и 12-ти), всѣ трое въ костюмахъ времени императора Павла Петровича. Гуляющая публика звала его обыкновенно то „комендантомъ“, то просто „генераломъ“, а по фамиліи Башуцкимъ. Кафтаны и исподняя одежда у нихъ, равно какъ и „камзолъ“ (длинный жилетъ), были ярко-кармазиннаго цвѣта. У его превосходительства кафтанъ былъ украшенъ тройнымъ рядомъ золотыхъ позументовъ, у сыновей же его только однимъ рядомъ; на головѣ отца красовался напудренный парикъ съ боковыми, горизонтально лежавшими локонами и съ довольно-длинною косою, туго обвитою чернымъ гро-греномъ, а сверху большая треуголка съ золотымъ галуномъ, съ высокимъ, изъ коротенькихъ перьевъ, плюмажемъ и съ кокардою въ видѣ огромнаго банта. На мальчикахъ же надѣты были сверхъ натуральныхъ буклей маленькія треуголки, окаймленныя узкимъ позументомъ. Костюмъ генерала довершали широкій золотой шарфъ, ботфорты съ широкими раструбами, торчавшая изъ подъ кафтана огромная шпажища, большія перчатки (какія нынѣ только еще у кирасировъ) и огромная шпанская трость въ правой рукѣ. Отецъ еще тѣмъ отличался отъ мальчиковъ, что шея его была обвита кружевнымъ шарфомъ, широкіе концы котораго падали на грудь: а у мальчиковъ были широкіе отложные, гофрированные воротники рубашекъ. Эта оригинальная тройка, представлявшая живой протестъ противъ новаго вѣка, памятна мнѣ не только изъ эпохи 1816—1818 годовъ, но я встрѣчалъ ее и позже, въ 1822 и въ 1823 годахъ.

VII.

Что въ русскомъ обществѣ, относительно разныхъ видовъ проявленія музыки, преобладала любовъ къ пѣнію, весьма понятно. Если уже само по себѣ признается неоспоримымъ, что вообще человѣку, какой бы ни былъ онъ націи, пѣніе ближе и къ понятію, и къ воспріимчивости его, то тѣмъ паче относится это къ русскому человѣку тогдашней эпохи, все еще слишкомъ мало освоившемуся съ инструментальной музыкою,

а главное, съ самаго почти рожденія своего „взлелѣянному“ русскою народною пѣснью. Правда, что съ 1802 года въ Петербургѣ существовало уже „Филармоническое Общество“, основанное преимущественно стараніями богатаго графа Юрія Віельгорскаго; правда, что въ концертахъ этого Общества (какъ я, конечно, гораздо позже узналъ) исполнялись симфоніи Гайдна и Моцарта и ораторіи Генделя, Грауна, Фр. Шнейдера и др.; но наша тогдашняя публика, видимо, не была еще достаточно подготовлена, чтобы вполнѣ понимать и „переварить“ эту серіозную музыку. То что она изъ всѣхъ, не преимущественно къ пѣнію относящихся, твореній въ состояніи была „понимать“, заключалось въ сочиненіяхъ „галантнаго“ (какъ тогда выражались), т.-е. легкаго, салоннаго стиля, передаваемыхъ „звуками унылыхъ клавикордовъ“, въ сочиненіяхъ, слѣдовательно, опять-таки преобладающаго лирическаго характера. Бывало, что тамъ и сямъ, въ видѣ исключенія, любители или любительницы занимались и сонатами Гайдна или Моцарта (даже и Бетховена*); но большею частію въ салонахъ петербургскаго общества слышались произведенія Іог. Вангалля, И. Плейеля, Дан. Штейбельта, Адальб. Гивореца и. т. п. Послѣ 1815-го года (кажется) отважились перейти къ сочиненіямъ Клементи и его учениковъ: Людв. Бергера и Джона Фильда.

Скрипачи принимались уже за творенія Роде и Балльо, и находились даже смѣльчаки, которые отважились приступить къ композиціямъ Л. Шпора. Дилеттанты съ дилеттантками вздыхали надъ дуэтами Іос. Майзедера для скрипки съ флигелемъ. Квартетная игра считалась рѣдкостью: сколько знаю, исполнялись квартеты у Ѳ. П. Львова (отца Алексѣя Львова), у графовъ Віельгорскихъ, у А. Д. Улыбышева (тогда молодого чиновника Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), у полковника И. Ф. Ласковскаго и у немногихъ другихъ.

Не помню я, кто ознаменовалъ себя въ то время, какъ преподаватель на скрипкѣ, но хорошо помню трехъ лучшихъ тогда въ Петербургѣ фортепіанныхъ учителей: Джона Фильда, который въ 1820 г. переселился въ Москву, Егора (собственно

*) Напр. у князя Н. Б. Голицына.

Георга Эрнеста) Мюллера (ученаго контрапунктиста) и Карла Арнольда*), уроженца г. Дюссельдорфа (композитора салонныхъ пьесъ), впослѣдствіи выѣхавшаго въ Норвегію и умершаго капельмейстеромъ театра въ г. Христіаніи.

Всѣхъ трехъ я тогда лично видалъ и слыхивалъ играющихъ на флигелѣ, такъ какъ Арнольдъ обучалъ старшую мою сестру и, бывъ дружевъ съ Фильдомъ и съ Мюллеромъ, познакомилъ ихъ съ моимъ отцомъ, большимъ любителемъ изящныхъ искусствъ. Отецъ когда-то въ молодости своей игралъ даже на „флютѣ“ (flûte douce)**), а знатокомъ все-таки онъ не былъ, да и самъ не считалъ себя таковымъ; но за то онъ радушно принималъ художниковъ и артистовъ, отъ всей души ихъ угощалъ и не скупился вознаграждать, когда приглашалъ ихъ участвовать въ домашнихъ нашихъ концертахъ.

Этому же обстоятельству я равномѣрно обязанъ тѣмъ, что около 1817 года, у насъ же въ домѣ, увидѣлъ и услышалъ я пріѣхавшаго въ Петербургъ для концертированія, знаменитаго Гуммеля. Въ памяти моей и по сію пору рисуется средняго роста мужчина съ полнымъ, здоровымъ, добродушнымъ лицомъ, съ маленькимъ брюшкомъ, въ широкомъ черномъ фракѣ, съ высокими, тугонакрахмаленными воротниками рубахи и съ большимъ бѣлымъ шейнымъ платкомъ. Одно только меня смущаетъ: на гравюрѣ, какая находится при одномъ изъ изданій его концертовъ, у него надо лбомъ приглаженные волосы, тогда какъ я ясно и твердо помню, что у него была на головѣ плоская ермолочка (calotte) изъ чернаго бархату. Изображенъ ли Гуммель на той гравюрѣ въ парикѣ, или же этотъ портретъ относится къ болѣе раннему времени? По внѣшнему виду можно бы было Гуммеля скорѣе принять за добраго нѣмецкаго „шульмейстера“, чѣмъ за такого великаго, поэтическаго художника-фортепіаниста, каковымъ онъ дѣйствительно былъ. Когда маэстро пересталъ играть, но еще не всталъ со стула, подошли къ нему матушка и „оба Арнольда“ и стали разговаривать

---

*) Его въ нашемъ кругу, для отличія отъ моего отца, который былъ ниже средняго роста, звали «le grand Arnold», а по-нѣмецки «der lange Arnold».

**) Такъ и понынѣ многіе дилеттанты зовутъ большую флейту для отличія отъ квартъ-флейты и пиколло.

съ нимъ. Должно быть, рѣчь коснулась русскихъ народныхъ пѣсенъ.

О чемъ бы, однакоже, Гуммель ни спросилъ, только „долгій“ Арнольдъ вдругъ повернулся и, увидѣвъ меня, прятавшагося за стуломъ младшей тетушки, быстро подошелъ и взялъ меня за руку. „Komm' her, sei ein guter Junge, und sing' hier diesem lieben Onkel ein russ'sches Liedchen vor!“*) Тутъ и матушка нагнулась ко мнѣ и шепнула: „будь паинька, спой пѣсенку!“ А меня и просить-то вовсе не нужно было; пѣсни пѣть я самъ по себѣ любилъ, а деревенскія и подавно, да и не впервые мнѣ приходилось распѣвать ихъ предъ чужими. Не помню нынѣ, конечно, что̀ именно такое я пропѣлъ; но Гуммель съ довольнымъ видомъ выслушалъ, а потомъ, погладивъ меня по головѣ, сказалъ матушкѣ: „Der Kleine hat musikalische Anlagen, Gehör und Stimme; er muss Musiker werden!“**) — „Mein Mann, отвѣчала матушка, весело засмѣявшись, denkt aber daran, einen Finanzminister aus ihm zu machen“***). — „Nun, сказалъ Гуммель, улыбнувшись, das ist freilich *auch* keine schlechte Carrière!“†)

Пѣніемъ много и охотно занимались въ Петербургѣ, и встрѣчались между любителями и любительницами прекраснѣйшіе, и даже хорошо выработанные голоса. На русской же сценѣ, во второй половинѣ десятыхъ годовъ, должно быть, дѣйствительно было мало выдающихся пѣвицъ и пѣвцовъ, кромѣ высокаго тенора Василія Самойлова (отца знаменитаго впослѣдствіи трагика). Очень вѣроятно, что причиною этого недостатка въ хорошихъ пѣвицахъ и пѣвцахъ на сценѣ отечественной оперы были слѣдующія обстоятельства. Во-первыхъ, большой недостатокъ вообще въ преподавателяхъ солистнаго пѣнія, а въ хорошихъ въ особенности; во-вторыхъ, непомѣрная дороговизна уроковъ у весьма немногихъ хорошихъ учителей (не дешевле 10 р. за cachet), такъ что пользоваться ими было доступно

---

*) Поди сюда, будь добрымъ мальчикомъ, и спой вотъ этому милому дядѣ русскую пѣсенку.

**) У мальчика музыкальныя способности, слухъ и голосъ; ему надо быть музыкантомъ.

***) Но мужъ мой о томъ думаетъ, какъ бы сдѣлать изъ него министра финансовъ.

†) Ну! это, конечно, *также* не дурная карьера!

только лицамъ привилегированнаго общества: въ-третьихъ, наконецъ, глупый, а все-таки общій предразсудокъ противъ касты сословныхъ сценическихъ артистовъ, что̀ и удерживало талантливыхъ членовъ общества поступать въ ряды артистовъ. А это предубѣжденіе до того сильно вкоренилось, что даже и либеральнѣйшіе люди, хотя вслухъ и порицали тупость этихъ взглядовъ, хотя весьма радушно принимали сценическихъ артистовъ въ семейныхъ своихъ кругахъ и даже дружились съ ними, но все-таки никоимъ образомъ не рѣшились бы дозволить сыну или брату поступить на сцену, а того менѣе дочери или сестрѣ выйти замужъ за „артиста-комедіанта“.

Теноръ Самойловъ бывалъ у насъ въ домѣ, равно какъ и артисты нѣмецкой труппы: теноръ Затценховенъ и комикъ Линденштейнъ съ женою, примадонною. Давалъ ли Самойловъ уроки пѣнія, не знаю; Затценховенъ же и m-me Линденштейнъ занимались преподаваніемъ пѣнія. Кстати упомянуть, что дѣтское мое вниманіе останавливалось на томъ, что, когда m-me Линденштейнъ исполняла какую-нибудь „кудрявую“ (какъ я выражался) оперную арію, у нея сильно и даже очень замѣтно напрягались шейныя мышцы. Самыми лучшими учителями пѣнія тогда считались К. К. Кавосъ, преподаватель при Смольномъ монастырѣ (впослѣдствіи генералъ-директоръ всей музыки императорскихъ театровъ и главный капельмейстеръ русской оперы), да нѣкто Джуліани, который не разъ пѣвалъ на нашихъ вечерахъ.

Вся обстановка нашего житья-бытья весьма рано возбудила во мнѣ влеченіе къ поэзіи и къ искусствамъ, а въ особенности къ музыкѣ и къ театральнымъ представленіямъ. Да и самъ отецъ мой словно нарочно поощрялъ и развивалъ начинавшуюся уже тогда во мнѣ къ нимъ страсть. Онъ какъ бы радовался моей памяти и моему умѣнью довольно вѣрно копировать разныхъ оперныхъ и драматическихъ артистовъ, и любилъ, когда послѣ обѣда онъ ложился на диванѣ въ кабинетѣ отдыхать, чтобы я, усѣвшись возлѣ дивана, убаюкивалъ его тихимъ напѣваніемъ какой-нибудь пѣсенки.

Въ устраиваемыхъ у насъ и у нашихъ знакомыхъ, дѣтскихъ спектакляхъ я постоянно участвовалъ, и раза два исполнялъ роли дѣтей въ спектакляхъ для взрослыхъ, а именно въ двухъ модныхъ тогда драмахъ Коцебу: „Ненависть къ людямъ

и раскаяніе“ и „Дитя Любви“. Отецъ мой часто посѣщалъ театры и почти постоянно возилъ меня съ собою. Вслѣдствіе сего я уже на 6-мъ, 7-мъ году хорошо познакомился съ модными репертуаромъ нашихъ русскихъ и нѣмецкихъ сценъ.

Вотъ названія главнѣйшихъ изъ оперъ, какія приходилось мнѣ тогда видѣть и слышать.

а) На русской сценѣ: „Отецъ и дочь“ (Агнеса) Паера; „Титово милосердіе“ Моцарта, „Князь невидимка“ и „Дунайская русалка“ (2-я часть) Кавоса, „Прекрасная Татьяна на Воробьевыхъ горахъ“, „Филаткина свадьба“ и „Ямъ“ Алексѣя Титова, и „Мельникъ колдунъ, сватъ и хвастунъ“ Ѳомина.

б) На нѣмецкой сценѣ: „Zauberflöte“ и „Wie sie alle sind“ (cosi fan tutte) Моцарта, „Tancred“ Россини, „Der Kalif von Bagdad“ Бойельдьё, „Der unsichtbare Prinz“ Кавоса, „Das Donauweibchen“ (1-я часть) Ферд. Кауера, „Die Schwestern von Prag“ Венц. Мюллера, „Doctor und Apotheker“ Диттерсдорфа, „Die zwei Gefangenen“ (Adolf und Clara) Далляйрака.

Въ частныхъ салонахъ распѣвались, конечно также аріи и дуэты изъ модныхъ оперъ, но гораздо больше еще романсы на русскомъ и французскомъ, рѣже уже на нѣмецкомъ языкѣ, хотя (а можетъ быть даже именно и потому что) жанръ послѣднихъ выказывалъ болѣе серьезную, но безспорно и болѣе художественную музыку. Изъ авторовъ русскихъ романсовъ преимущественно распространенными въ публикѣ оказались имена графа Мих. Віельгорскаго, К. Кавоса, Алексѣя и Николая Титовыхъ, Романуса, Кашина, Козловскаго. Сапіенцы; а изъ французовъ Louise Puget и Aug. Panseron*). Серьезные же любители распѣвали Lieder знаменитыхъ нѣмецкихъ авторовъ: Mozart, Hiller, Carl-Maria von Weber (изъ собранія „Leyer und Schwert“ и другія), Reichardt, Andr. Romberg и пр.

Что касается церковнаго пѣнія, то трудами и стараніями Д. С. Бортнянскаго оно, по крайней мѣрѣ въ образцовомъ хорѣ императорской придворной капеллы, получило снова приличествующій молитвенный характеръ. Но бывало, даже и въ описываемое мною время, много еще частныхъ хоровъ, въ которыхъ продолжала преобладать манера слащаваго, же-

*) Романсы Théodor'a Labarre появились только въ 20-хъ годахъ.

манно-драматическаго исполненія сочиненій, писанныхъ или самими капельмейстерами-итальянцами Елизаветинской и Екатерининской эпохи, или же ихъ слѣпыми подражателями. Между таковыми частными хорами въ особенности отличался своей манерностью хоръ пѣвчихъ милліонера Дубенскаго. Этотъ петербургскій богачъ, возлѣ своего палаццо по набережной Фонтанки близъ Аничкина моста, имѣлъ свою домашнюю церковь въ которую однакоже былъ открытъ свободный доступъ всѣмъ богомольцамъ. Пѣвчіе г. Дубенскаго (въ количествѣ, я думаю, около полусотни) качествомъ своихъ голосовъ и стройностью ансамбля дѣйствительно стоили общаго вниманія, а солисты, кажется, чуть ли не были учениками не то Галуппи, не то Сарти. Въ особенности замѣчательно-мягкимъ, симпатичнымъ голосомъ отличался высокій теноръ „Фрицъ“ (крѣпостной Ѳедька, либо камердинеръ, либо просто лакей г. Дубенскаго). Но выборъ сочиненій преимущественно „кудреватаго“, самаго утрированнаго свѣтски-итальянскаго стиля (напр. пресловутыхъ концертовъ пресловутаго капитана Веделя, любимца свѣтлѣйшаго князя Потемкина), а еще болѣе манера исполненія изобличали совершенную безвкусицу и непониманіе молитвы какъ въ самомъ владѣльцѣ хора, такъ и въ притекавшихъ къ службамъ этой церкви членахъ аристократическаго круга. Дѣти инстинктивно чуятъ истину. Однажды съ матушкой мы были у всенощной въ той церкви, чтобы послушать знаменитый хоръ г. Дубенскаго и прославленнаго тенора Фрица. Пріѣхавъ домой, я обратился къ матушкѣ съ вопросомъ: „А зачѣмъ же больнаго Фрица заставляютъ пѣть? Вѣдь ему трудно и больно!“ — „Да кто же тебѣ сказалъ, что онъ боленъ?“ возразила матушка. „А какъ же, maman, развѣ ты не слыхала, какъ Фрицъ-то все охалъ, да всхлипывалъ и стоналъ; все охъ, охъ, охъ!“ И я запѣлъ тутъ, подражая Фрицу: „Свѣ-ѣ-ѣ-ѣте-е, охъ! ти-и-и-охъ, охъ! хііій, охъ!“

VIII.

Въ 1818 году отецъ мой самъ отвезъ старшаго (глухонѣмого) сына, Ивана, въ Берлинъ къ прославившемуся тогда педагогу по части воспитанія таковыхъ дѣтей, пастору Мёрингу. Когда же онъ, возвратился, то сообщилъ, что онъ побывалъ также и въ институтѣ д-ра Карла Лангъ, устроенномъ

въ „дворянскомъ имѣніи“ (Rittergut) Ваккербартсру на полдороги отъ Дрездена къ Мейссену; что это заведеніе ему по сердцу пришлось, и что онъ рѣшилъ отправить туда втораго (старшаго) брата моего, Александра, и меня въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1819 года. „Конечно (прибавилъ онъ, указывая на меня), вотъ этому-то мышенку потребуется года на два еще особеннаго присмотра; ну, такъ пошлемъ съ нимъ на это время и дядьку его Василія“. — Итакъ: alea jacta erat! Жребій былъ брошенъ!

Должно сперва вообще объяснить, что̀ собственно было это Ваккербартсруское учрежденіе.

„Воспитательное заведеніе доктора Карла Лангъ“ (Dr. Carl Lang's Erziehungsanstalt) пользовалось въ свое время европейскою извѣстностію до того, что о немъ упоминалось даже въ нѣкоторыхъ географическихъ учебникахъ десятыхъ и двадцатыхъ годовъ. И дѣйствительно, этотъ пансіонъ во всѣхъ отношеніяхъ выказывалъ нѣчто исключительное, да къ тому же въ хорошемъ смыслѣ исключительное. Но зато и ежегодная плата за воспитаніе мальчика доходила до весьма почтенной цыфры, и въ особенности когда сообразимъ относительную къ продуктамъ тогдашнюю высокую валюту металловъ. Въ годъ платилось по 1000 талеровъ или серебряныхъ рублей, не считая въ томъ числѣ экстренныхъ еще издержекъ на одежду и обувь, на книги, тетради, лѣкарства и пр. и пр. Изъ этого вытекаетъ, что Ваккербартсрускій пансіонъ никоимъ образомъ не былъ „общедоступнымъ“, а скорѣе „выборнымъ“, потому что помѣстить въ него своихъ сынковъ оказывалось доступнымъ богатымъ лишь людямъ.

Съ другой же стороны, однакоже, основные принципы института выказывались совершенно нивеллирующими всѣ сословія и всѣ вѣроисповѣданія. Помню я твердо, что были между нами не только англиканской, римско-католической, греко-россійской и въ преимуществѣ, конечно, лютеранской конфессіи, но также трое или четверо евреевъ; а про разность сословій такъ и подавно говорить нечего.

Такъ, напр., моими товарищами по классу были между прочими: Вильгельмъ фонъ Тюмплингъ (сынъ прусскаго генерала, и самъ впослѣдствіи, въ 60-хъ годахъ, военный министръ, а во время германо-французской войны 1870 года корпусный

командиръ прусской службы); графъ Фитцтумъ фонъ-Экштедтъ (сынъ оберъ-гофмаршала королевско-саксонскаго двора); Анатолій Николаевичъ Демидовъ (впослѣдствіи первый русскій Principe di San Donato); а изъ старшихъ классовъ помню еще: барона фонъ-Гризгеймъ (Griesheim, сына одного изъ тогдашнихъ наибогатѣйшихъ землевладѣльцевъ Тюрингіи) и какого-то Лорда Вилльяма (фамилію я забылъ), весьма симпатичнаго, но болѣзненнаго юношу, который въ 1821 году тамъ же, въ пансіонѣ и умеръ. Но находились между моими одноклассниками также и дѣти другихъ сословій, напр. Бернгардъ Таухницъ (сынъ собственника извѣстной фирмы книгопечатанія въ Лейпцигѣ, впослѣдствіи самъ представитель ея и прославившійся своей эрудиціею по части классическихъ языковъ); Бруно и Данкмаръ Винклеръ (сыновья фабриканта изъ г. Ошацъ); два сына кіевскаго банкира Кунце (помнится: евреи); сынъ сельскаго учителя Густавъ Лангъ (племянникъ содержателя пансіона); Гейнрихъ Боккъ (сынъ дрезденскаго портнаго); Оттонъ Кречмаръ (сынъ деревенскаго судьи (Dorfschultz) села Кёчинброде) и другіе.

Программа воспитанія въ Ланговскомъ пансіонѣ основывалась на принципахъ двухъ знаменитыхъ педагоговъ, жившихъ въ концѣ прошлаго вѣка: швейцарца Песталоцци, и Дессаускаго (кажется) уроженца, Базедова. Песталоцци, бывъ не только обществоннимъ ученымъ, но и спеціально еще врачемъ, проповѣдывалъ, что настоящее искусство воспитанія заключается въ умѣніи уравновѣшивать развитіе интеллигенціи ребенка съ развитіемъ тѣлесныхъ его силъ. Базедовъ же, кромѣ того, утверждалъ, что при толкованіи дѣтямъ научныхъ предметовъ должно не попросту налегать на одну лишь память, а развивать и укрѣплять ее стараніемъ о томъ, дабы ребенокъ получалъ сколь возможно полное и ясное, такъ сказать, „образное“ понятіе о каждомъ, не только осязательномъ, но также и отвлеченномъ предметѣ.

Самъ отецъ мой, а также и первый мой наставникъ (упомянутый въ 5-мъ письмѣ) дядя Шпальте были горячіе поклонники Песталоцци и Базедова, и почти нѣтъ сомнѣнія, что, благодаря только этимъ принципамъ, столь раннее развитіе интеллектуальной моей силы не имѣло никакихъ вредныхъ послѣдствій, и въ особенности никакъ не пошатнуло богатырскаго,

Богомъ мнѣ дарованнаго, организма тѣла. Ибо между первыми моими игрушками находилась также и Базедовская коллекція гравированныхъ „картинъ для развитія въ дѣтяхъ ясныхъ понятій“. Для укрѣпленія же тѣла насъ, дѣтей, не только каждое утро и каждый вечеръ обливали свѣжей (такъ называемой „комнатной) водою, но мы должны были также, зимою дѣлать ежедневно простѣйшія гимнастическія упражненія (въ то время въ Россіи очень мало еще извѣстныя), а въ лѣтнее время на дачѣ, въ своемъ саду, намъ была дана полная свобода бѣгать босикомъ, даже послѣ дождя, по всѣмъ лужамъ, да лазить сколько угодно на крышу и на высокія деревья.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1819 года все наконецъ къ нашему отъѣзду было подготовлено и приготовлено, а маршрутъ былъ назначенъ изъ Кронштадта на парусномъ кораблѣ*) до Штетина, а оттуда въ почтовыхъ дилижансахъ чрезъ Берлинъ въ Дрезденъ. Такъ какъ никому изъ взрослыхъ нашего семейства не было возможно сопровождать насъ, то братъ Александръ и я были отданы на попеченіе нѣкоему д-ру Лихтенштедту и старшей его сестрѣ, отправлявшимся на родину свою, въ Берлинъ. Кромѣ того съ нами былъ отпущенъ, какъ съ самаго начала уже отецъ рѣшилъ, мой дядька, прихрамывающій, но сердечно привязанный ко мнѣ, портной Василій. Много заботившаяся, конечно, о насъ и всегда довольно баловавшая насъ матушка не забыла приготовить намъ на дорогу, и въ особенности для предстоящаго шести-дневнаго плаванія, огромный запасъ „провизіи“: шоколаду, апельсиновъ, лучшихъ вяземскихъ пряниковъ и такъ называемыхъ „корабельныхъ сухарей“, два (или даже три) отборныхъ окорока, нѣсколько фунтовъ свѣжей икры, и пр. да достаточное число бутылокъ мадеры, — конечно „по совѣту домашняго доктора“ согласно съ обычаемъ, установленнымъ для морскихъ путешествій. Родители проводили насъ до Кронштадта, гдѣ мы и простились съ ними. Весьма естественно, что было не мало гореванія и пролитыхъ слезъ. Хотя и долженъ я опасаться, что я покажусь какъ бы безсердечнымъ, но увы! святой долгъ правдиваго лѣтописца вынуждаетъ меня признаться, что при всѣмъ, на самомъ дѣлѣ глубокомъ, гореваніи, меня не мало утѣшала мысль о пред-

*) Пароходовъ въ то время въ Европѣ не существовало.

стоящемъ мнѣ вволю наслажденіи прекрасными предметами сопутствующей намъ „провизіи“. Судьба, однакоже, въ видѣ д-ра Лихтенштета и въ особенности его старой дѣвы-сестры, горько разрушила всѣ мои надежды: намъ дѣтямъ „ради охраненія насъ (какъ было сказано) отъ излишняго обремененія желудка“ доставалось еле-еле что (какъ говорится) „на пустой зубокъ“, а какъ доѣхали мы до Штетина, то отъ всей „провизіи“ все-таки ничего не осталось. „Ишь, старая вѣдьма! (не разъ ворчалъ „Василій бѣдныхъ дѣтей обдѣляетъ! ажъ обижливо глядѣть!“

Зато, однакоже, и я — хотя и не преднамѣренно — ихъ наказалъ, т.-е. важнѣйшимъ образомъ напугалъ; а помогать мнѣ въ этомъ, такъ буря помогала. Вотъ какъ это происходило.

Къ концу перваго уже дня почтеннымъ членамъ фирмы „Лихтенштетъ и К°“ приходилось склониться предъ грозной силою, называемой „морской болѣзнью“: г. докторъ и милая сестрица его видѣли себя вынужденными оставаться въ своихъ койкахъ, и всѣ ихъ помышленія, конечно, были обращены лишь на чрезвычайно траги-комическое состояніе собственныхъ ихъ тѣла и души. Потому ли что, какъ нѣкоторые увѣряютъ, дѣти вообще менѣе подвергаются этому бичу непривыкшихъ къ морскому элементу „земныхъ крысъ“ (какъ выражаются моряки), или по индивидуальной нашей крѣпкой организаціи, только на самомъ дѣлѣ морская болѣзнь и не думала даже пристать къ намъ. Такимъ образомъ, къ счастію, — а разумѣется и къ полному удовольствію брата и моему, — попеченіе о насъ принялъ на себя самъ Богъ Господь. На хромаго дядьку Василія расчетъ былъ плохой: ради и безъ того уже малонадежной лѣвой ноги, также и правая его ходуля мало оказалась въ состояніи бороться съ качаніемъ корабля. Слѣдовательно мы оба, съ братомъ, нашлись въ полной свободѣ шляться по всему верхнему деку, сколько душѣ угодно, а избрали мы для пребыванія нашего верхній этотъ декъ какъ потому, что на вольномъ воздухѣ мы себя лучше чувствовали чѣмъ въ душной каютѣ; такъ и еще болѣе потому, что самая-то обстановка корабля и вся эта матросская жизнь и суета были совершенною для насъ новизною и весьма сильно подстрекали естественное наше дѣтское любопытство. Добрые матросы-

финны (корабль былъ финляндскій) шутливо отвѣчали на наши вопросы, и благодушно помогали Небесному Отцу въ дѣлѣ о насъ попеченія.

Первые два дня наше плаваніе пользовалось попутнымъ вѣтромъ; но на третій день, въ виду восточнаго берега острова Готланда, поднялась непогода. Вѣтеръ не только совершенно перемѣнился и сталъ валять съ противоположной стороны, но вскорѣ превратился въ настоящій „штормъ“. Куда дѣвался братъ Александръ и какимъ образомъ онъ окончательно (какъ потомъ оказалось) все-таки очутился въ общей каютѣ, я не догадался въ свое время спросить его, а потому и понынѣ не вѣдаю. Помню только, что самъ-то я растерялся, замотался и попалъ какому-то матросу подъ ноги. Морякъ же схватилъ меня въ охапку и съ словами: „Эй, баршукъ! ни мишай!“ (или въ родѣ того) сунулъ меня куда-то, да и покрылъ чѣмъ-то. Почувствовавъ, что я лежалъ на чемъ-то довольно мягкомъ и что я защищенъ со всѣхъ сторонъ отъ вѣтра, что мнѣ даже стало тепло, я вскорѣ успокоился и заснулъ, видно, очень да очень крѣпко, какъ подобаетъ заснуть здоровому, но сильно умаявшемуся ребенку. Это случилось уже къ самому вечеру. Спалъ я, видимо, довольно долгое время, да проснулся отъ какого-то шума извнѣ, только это былъ уже не ревъ урагана. Вдругъ что-то лежавшее на верху моей импровизированной „спальни“ исчезло, проникли ко мнѣ свѣтлые лучи яснаго утренняго солнца да раздался хриплый голосъ съ чухонскимъ выговоромъ: „Во-те, твоя баршукъ!“ Затѣмъ показались головы брата и дядьки, а между ними круглые, зеленые очки на большомъ семитскомъ носѣ почтеннаго моего „попечителя“. Меня, конечно, вытащили изъ моего убѣжища, которое было ничѣмъ инымъ, какъ огромнымъ сверткомъ длиннаго якорнаго каната (то, что, кажется, моряки называютъ „кабелярингъ“), а снятая съ него крышка оказалась толстой циновкою. Прежде всего разразилась надо мной бѣглая брань д-ра Лихтенштета, распѣвомъ на высокихъ нотахъ весьма гнусливаго тенорино. Отъ худшихъ (легко возможныхъ) послѣдствій гарантировали меня, съ одной стороны, обнимавшіе съ радостнымъ рыданіемъ благополучно найденнаго „Іосифа“, братъ Александръ и дядька Василій, а съ другой стороны, тутъ же стоявшій капитанъ корабля. Но самъ я ничего не слышалъ и ничего не замѣчалъ,

вытаращивъ глаза на красивую панораму, развернувшуюся предо мною далеко чрезъ спокойно плясавшія волны Ботническаго залива: освѣщенный яркимъ отливомъ свѣтлаго майскаго утра представился намъ широко-раскинутый по западному берегу острова Готланда, главный его городъ Висби. Столь далеко въ сторону отогналъ насъ отъ прямого пути ураганъ прошлой ночи.

На седьмой день нашего плаванія мы прибыли въ Штеттинъ, гдѣ отдохнули дня два или три. Затѣмъ дотянулись, общимъ въ то время порядкомъ, въ королевско-прусскомъ почтовомъ дилижансѣ до Берлина, гдѣ опять отдыхали три дня для реставраціи костей и нервовъ, сильно пострадавшихъ отъ всѣхъ „удобствъ“, предоставленныхъ тогда путешественникамъ по красиво устроеннымъ казеннымъ шоссе въ биткомъ набитыхъ пассажирами, душныхъ и вовсе не diligemment двигавшихся каретахъ соломеннаго цвѣта. Единственно, что мнѣ тутъ понравилось, заключалось въ пѣсняхъ, играемыхъ на трубѣ самодовольнымъ „Schwager'омъ“ т.-е. почтальономъ-возницею. (Сознаюсь: послѣднія фразы ужъ очень тяжелы и шероховаты; но позвольте не перемѣнить ихъ, такъ какъ онѣ лучше всего возбудятъ картинное понятіе о „пріятностяхъ“ тогдашнихъ вояжей по сушѣ). Наконецъ-то мы, долго ли, скоро ли, а все-таки прикатили къ ближайшей цѣли нашего путешествія, въ столицу короля саксонскаго, въ славный своею мѣстной красотою г. Дрезденъ, гдѣ д-ръ Лихтенштетъ всѣхъ насъ троихъ, т.-е. брата Александра, меня и портнаго Василія сдалъ съ рукъ на руки уполномоченному довѣріемъ отца банкиру, носящему громкое имя „Julius Cäsar“.

Брату Александру шелъ тогда 12-й уже годъ и онъ въ Петербургѣ цѣлыхъ четыре уже года посѣщалъ школу реформатской церкви, учрежденную въ началѣ текущаго вѣка знаменитымъ въ свое время проповѣдникомъ-пасторомъ (швейцарцемъ) Іоанномъ фонъ Моральт'омъ, удостоеннымъ вниманія и уваженія какъ Государя Императора Александра Павловича и Августѣйшей Императрицы-матери, такъ и поздже Государя Императора Николая Павловича. Слѣдовательно брату моему уже были извѣстны имя и историческое значеніе великаго римскаго покорителя древнихъ галловъ. Услышавъ, еще до отъѣзда нашего изъ дома, отъ отца имя Дрезденскаго

банкира, братъ, конечно, не преминулъ и мнѣ растолковать, кто̀ и что̀ былъ герой, впервые носившій и столь прославившій имя Юлія Цезаря. Весьма естественно, что мы и въ продолженіе также нашего путешествія довольно часто возвращались къ той же темѣ и другъ другу сообщали наши фантазіи о ней, такъ что у насъ подъ конецъ сложилось полное убѣжденіе, что дрезденскій банкиръ „Herr Commerzienrath Julius Cäsar“ долженъ непремѣнно быть потомокъ того героя, статной и видной наружности, и что онъ предстанетъ предъ нами въ рыцарской одеждѣ римскаго императора да съ лавровымъ вѣнкомъ на главѣ!

Каково же было наше, почти на страшный испугъ похожее, разочарованіе, когда, введенные въ рабочій кабинетъ г. коммерціи совѣтника, мы увидѣли предъ собою тощаго мужчинку лѣтъ около сорока, съ худощавымъ, но розовымъ и пріятно улыбающимся лицомъ, ростомъ не многимъ только повыше брата Александра, да къ тому же въ свѣтло-сѣромъ фракѣ съ стальными пуговицами и такого же цвѣта въ узкихъ длинныхъ брюкахъ, а на головѣ, вмѣсто лавроваго вѣнка, рыжеватыя съ просѣдью букли, покрытыя черною тафтяною ермолочкою!

Супруга же „великаго“ Юлія Цезаря которой мы имѣли честь быть представлены не далѣе какъ чрезъ полчаса послѣ нашего прибытія, напротивъ того, была дама высокаго роста, весьма презентабельной, плотной формаціи, какою бы могъ гордиться даже любой поручикъ королевско-прусской гвардіи.

Спѣшу, впрочемъ, прибавить, что это были симпатичнѣйшіе и образованнѣйшіе люди, которыхъ невозможно было не уважать отъ всего сердца.

Мы съ братомъ прогостили у нихъ нѣсколько дней, во время которыхъ г-жа Цезарь насъ водила по всему Дрездену, чтобы познакомить со всемірно (и по праву!) славившимися достопамятниками древней резиденціи ярко блиставшихъ когда-то саксонскихъ курфюрстовъ. Мы проходили по „Шлоссбрюкке, посѣтили: Брюльскую террасу, Цвингеръ съ музеемъ (въ которомъ помѣщается знаменитая галлерея картинъ) и съ „Зеленой камерою“ (хранилище драгоцѣнностей) да „Большой садъ“ (der grosse Garten). Были мы также въ придворной католической церкви, чтобы слушать превосходное исполненіе

„мессы“ (обѣдни) съ музыкою (не помню чьей) и въ „оперномъ домѣ“ (Opernhaus), гдѣ давали „Das unterbrochene Opferfest“ (прерванное жертвоприношеніе) Петра фонъ-Винтеръ.

Въ послѣдующее же воскресенье г. Юлій Цезарь отвезъ насъ въ Ваккербартсру къ д-ру Карлу Лангъ.

IX.

Въ послѣднемъ письмѣ я уже указалъ на основные принципы воспитанія, какихъ придерживались педагоги Ланговскаго заведенія. Сообразно съ оными именно-то и распредѣлялись сколь возможно равномѣрно умственныя и тѣлесныя наши занятія. Будили насъ, конечно, довольно рано: зимою въ 6 часовъ, а въ лѣтнее время часомъ раньше, — барабаннымъ боемъ, что лежало на обязанности „Онкеля“ Букк'а.

Это былъ шуринъ директора, красивый, плотный блондинъ-холостякъ лѣтъ 36-ти съ кудрявой головою, и, какъ говорится, мастеръ на всѣ руки, за исключеніемъ, однакоже, наукъ. Жизненный его путь былъ самымъ пестрымъ, можно сказать: романтическимъ. Юношею еще (говорила молва) состоялъ онъ солистомъ по балетной части при какой-то странствующей труппѣ актеровъ; потомъ присталъ къ обществу молодыхъ людей, скучившихся, подъ названіемъ „Deutscher Turnverein“, вокругъ исторически-извѣстнаго германскаго гимнаста и рьянаго противъ французскаго ига поборника, „Vater Jahn“, подъ руководствомъ котораго Буккъ сдѣлался замѣчательнымъ гимнастомъ и фехтовальщикомъ; въ 1813-мъ году вступилъ онъ въ эскадронъ конныхъ егерей летучаго отряда, прозваннаго „чортовой охотою“ (Wilde Jagd), который тогда устроивался въ г. Лигницѣ (въ Силезіи) славнымъ прусскимъ партизаномъ маіоромъ Фонъ-Лютцовъ. За отличіе въ сраженіяхъ Буккъ, по окончаніи войны, былъ награжденъ знакомъ желѣзнаго креста. Насъ онъ обучалъ гимнастикѣ, танцамъ, фехтованію, плаванію, садоводству, картонажному искусству и декламаціи, при чемъ равномѣрно руководствовалъ онъ и нашими общими играми да театральными представленіями. Онъ былъ честнѣйшій и добродушнѣйшій, вѣчно веселый малый, и мы, дѣти, очень любили своего „Онкельхенъ“.

Барабанный réveil продолжался минутъ съ десять: кого послѣ

того застали еще въ постелѣ, того оставляли безъ завтрака. На одѣваніе и умываніе, — при чемъ требовалось ежедневное треніе губкою не только шеи, но и всего туловища, — опредѣлено было съ полчаса. Потомъ „односпальники“ (если позволите мнѣ такъ выразиться) каждаго дортуара выстраивались въ два ряда, и подъ предводительствомъ своего (тутъ же спавшаго) спеціальнаго гувернера, — изъ неженатыхъ младшихъ учителей, — спускались, — младшія отдѣленія впередъ, — по главной лѣстницѣ внизъ въ рефекторію (трапезную). Это былъ огромнѣйшій квадратный залъ въ нижнемъ этажѣ по срединѣ всего дома, наполовину выступающій за линію настоящаго фронта зданія, съ тремя дверьми въ садъ, и по обѣ стороны котораго находились классныя залы. Въ бельэтажѣ помѣщались музеи (физическій, естественно-историческій, географическій съ этнографическимъ), библіотека и музыкальные классы, служившіе вмѣстѣ съ тѣмъ также и рекреаціонными залами. Третій этажъ занимали самъ директоръ и его два зятя, отставной поручикъ артиллеріи Эмиль Гейнце и Д-ръ Карлъ Фогель съ своими семействами. Въ 4-мъ этажѣ, наконецъ, въ пространныхъ, хорошо устроенныхъ мансардахъ, находились наши дортуары. Отдѣльный же большой павильонъ, находившійся недалеко отъ дома, въ паркѣ, служилъ заломъ для танцованія и фехтованія и въ немъ же на зиму устраивалось нѣсколько снарядовъ для гимнастики. Настоящая же гимнастическая арена была на концѣ весьма пространнаго плаца между домомъ и рѣшетчатой чугунной оградою. По срединѣ этого пространства находился бассейнъ съ фонтаномъ, а по обѣимъ сторонамъ его тянулись ряды многочисленныхъ миніатюрныхъ садиковъ, удѣляемыхъ воспитанникамъ въ собственное ихъ распоряженіе.

Пришедши въ рефекторію, всю середину которой постоянно занимали длинные столы образовывавъ большую, широкую форму „покоя“, мы устанавливались, каждый на опредѣленномъ ему мѣстѣ, за табуреткою, приставленной къ столу. Д-ръ Лангъ занималъ средину, а его два зятя, равно какъ и прочіе учители размѣщались, на равномъ разстояніи другъ отъ друга, между воспитанниками. Прежде чѣмъ садиться, директоръ читалъ молитву Господню, при чемъ протестанты по своему обычаю складывали обѣ руки, а православные и римскіе католики крестились, каждый по своему обряду. А за-

тѣмъ приступали къ завтраку, который состоялъ изъ большой кружки молока, съ порядочнымъ ломтемъ бѣлаго хлѣба. Лѣтомъ давалось парное, зимою же теплое молоко. Въ теченіе зимняго сезона молоко иногда замѣнялось либо овсяной, либо крупяной, немного подмасленной похлебкою, а иногда „водянымъ супомъ“ (Wassersuppe). Это послѣднее произведеніе ультра-экономной нѣмецкой стряпни заключается въ жидкомъ отварѣ изъ кореньевъ, въ которомъ распущено немного масла, и которымъ обливаются поджаренные тоненькіе ломтики бѣлаго хлѣба. Предоставляю Вамъ, любезный читатель, судить, какое впечатлѣніе производилъ подобный режимъ на болѣе или менѣе избалованнаго русскаго барчука? Не знаю я навѣрное, подвергался ли Анатолій Демидовъ подобному завтраку? но думаю, что нѣтъ: ибо онъ съ своимъ французомъ-гувернеромъ, съ своимъ камердинеромъ и англійскимъ грумомъ да съ своими верховыми лошадьми, занималъ особое отдѣленіе въ двухъ-этажномъ флигелѣ во дворѣ, насупротивъ задняго фасада главнаго зданія.

Завтракъ кончался зимою въ половинѣ восьмаго, а лѣтомъ въ половинѣ седьмого часа; ученіе же начиналось ровно въ 8 часовъ. Слѣдовательно зимою нашлось полчаса свободнаго еще времени, а лѣтомъ полтора часа. Зимою мы отправлялись въ рекреаціонные залы (каждое по возрасту отдѣленіе имѣло отдѣльный рекреаціонный залъ), а лѣтомъ въ „наши собственные“ садики. Но нимало не возбранилось, употреблять это же время на репетированіе уроковъ, лишь бы это производилось при движеніи тѣла, т.-е. на ходу.

Отъ 8-ми часовъ до полудня мы находились въ классахъ. По окончаніи ученія давалось четверть часа на уборку книгъ и тетрадей, для коихъ каждому воспитаннику опредѣлялись по ящику въ классныхъ столахъ и по особо запираемому отдѣлу въ общихъ вдоль стѣнъ стоявшихъ шкапахъ.

Послѣ того, мы тѣмъ же порядкомъ, какъ къ завтраку, собирались и устраивались къ обѣду, предъ которымъ и послѣ котораго директоръ опять говорилъ подходящія молитвы. Обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ: изъ супа или похлебки, изъ мяса съ овощами, да изъ „Mehlspeise“ (блюдо, изготовленное въ разныхъ видахъ, изъ муки, масла и яицъ или молока); послѣднее заступало мѣсто пирожнаго. Питьемъ служило конечно „Gänse-

wein“ (гусиное вино) сирѣчь вода, которая дѣйствительно оказалась необыкновенно чистою, потому что была родниковая и сверхъ того тщательно фильтрированная.

Въ часъ мы вставали изъ-за стола и опять препровождали время или въ рекреаціонныхъ залахъ или въ садикахъ, но заниматься репетированіемъ уроковъ послѣ обѣда запрещалось.

Отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ происходило опять ученье. Въ 4 часа мы снова собирались въ трапезную, гдѣ намъ раздавали по большой „Бемме“ (два равныхъ ломтя хлѣба, между которыми намазано немного сливочнаго масла), но хлѣбъ на сей разъ бывалъ полубѣлый. Къ этому каждому доставалось: въ зимнее время по пятку сушеныхъ грушъ или яблоковъ, („Huzeln“) а въ лѣтнее время, глядя по сезону, либо по тарелочкѣ ягодъ (малины или бѣлой и красной смородины, или вишень, или крыжовнику), либо по парѣ большихъ яблоковъ или грушъ, либо по десятку сливъ, а въ октябрѣ мѣсяцѣ, во время собиранія винограда, по грозду бѣлаго или синяго винограду. Это дѣйствіе удовлетворенія нашихъ желудковъ называлось: „vespern“ (вечерить).

До 5-ти часовъ мы снова были свободны, кромѣ тѣхъ, кто обучался музыкѣ. Время же отъ 5-ти до 6-ти часовъ посвящалось спеціальному развитію тѣла: два раза въ недѣлю бывало обученіе танцованію, два раза обученіе фехтованію, а остальные два раза занимались методической гимнастикою.

Съ 6-ти до 8-ми часовъ мы приготовляли наши уроки, затѣмъ ужинали въ 9-мъ часу и проводили потомъ еще часъ съ небольшимъ въ рекреаціонныхъ залахъ. Наконецъ, выслушавъ еще разъ, въ рефекторіи, прочитанную директоромъ или младшимъ его зятемъ Д-ромъ Карломъ Фогель молитву „на сонъ грядущій“, отправлялись въ 10 часовъ въ свои дортуары.

О подробностяхъ метода преподаванія я никакого отчета дать не могу. Это, вѣдь, на вовсе еще не разсуждающаго ребенка не производитъ такихъ живыхъ, а потому-то и глубокихъ, навсегда въ памяти остающихся впечатлѣній, какъ методъ ухода за его тѣломъ: ибо о подаваемой ему тѣлесной пищѣ да о порядкѣ, какому должны подчиняться его движенія, ребенокъ имѣетъ полныя и ясныя понятія. Но о томъ, какимъ порядкомъ и въ какомъ видѣ ему подносится интеллектуальная

пища, онъ никакихъ положительныхъ данныхъ уловить не въ состояніи, и развѣ только можетъ судить о нихъ въ совокупности по результатамъ, да только и сказать впослѣдствіи легко или не легко принимались и переваривались его головою поднесенныя ему интеллектуальныя яства.

На этомъ основаніи и я также о методѣ преподаванія научныхъ предметовъ въ пансіонѣ Д-ра Карла Лангъ могу сказать только о дѣйствіи этого преподаванія на меня индивидуально. Мнѣ дѣйствительно въ теченіе проведенныхъ тамъ трехъ лѣтъ не стоило никакого головоломанія выучиться, сначала у младшаго учителя, кандидата теологіи, Карла Рейнгардтъ, а потомъ у Д-ра Фогеля, этимологіи и синтаксису латинской грамматики, у поручика Гинце ариѳметикѣ до пятеричнаго правила включительно, да въ географіи общему обозрѣнію пяти частей свѣта, и у г. Гейнриха Дрешеръ главнѣйшимъ событіямъ древней, средней и новой исторіи съ соотвѣтственными хронологическими данными. Что въ классѣ Д-ра Ланга по нѣмецкому языку, да у monsieur Mitchel по французскому языку я легко учился и даже иныхъ изъ старшихъ опережалъ, объясняется, пожалуй, еще и тѣмъ, что дома уже я получилъ основательную подготовку, до того, что я съ первыхъ поръ замѣтилъ брату Александру, будто г. Митчель (родомъ альзасецъ) не такъ выговариваетъ по-французски, какъ выговариваютъ у насъ въ Петербургѣ, за что, однакоже, братъ прикрикнулъ на меня, да строго запретилъ, кому-либо говорить о томъ. Столь же легко успѣвалъ я у Рейнгардта на клавикордахъ, а у Букка мнѣ до того все шутя удавалось, что я сдѣлался его любимцемъ и протежѐ, и онъ потомъ во всѣхъ, даваемыхъ нашими воспитанниками въ извѣстные торжественные дни театральныхъ и балетныхъ представленіяхъ постоянно выбиралъ меня въ участники.

И вотъ почему я полагаю, что методъ тамошняго преподаванія безсомнѣнно былъ раціональный и превосходный. По крайней мѣрѣ я, индивидуально, охотно и съ благодарностію признаю, что ваккербартсруское ученіе послужило и позднѣйшему также научному моему развитію весьма прочнымъ основаніемъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ учителей были, конечно, и другіе; но такъ какъ они не преподавали въ томъ отдѣленіи, въ ко-

торомъ я числился, то весьма естественно, что въ памяти моей даже и слѣда не сохранилось о нихъ; ни фигуръ, ни фамильныхъ именъ ихъ не помню.

Изъ мною названныхъ же лицъ двое только на самомъ дѣлѣ достойны нѣкотораго общаго нынѣ еще интереса: это — самъ учредитель и директоръ Ваккербартсрускаго пансіона и младшій его зять. Д-ръ Карлъ Лангъ въ свое время пользовался европейской репутаціею, какъ педагогъ Песталоціевской школы, да былъ извѣстенъ еще въ Германіи не только своими сочиненіями о дѣтскомъ воспитаніи, но также нѣсколькими сантиментально-нравоучительными романами (à la August von Lafontaine). Спеціальною его наукою, кажется, было естествознаніе. Характеръ его оказывался въ уровень его профессіи: ровный, спокойный, добрый, ласковый. Онъ былъ строгъ, но справедливъ и не злопамятенъ; наконецъ онъ выказывалъ глубокую религіозность, безъ малѣйшей примѣси ханжества. Росту онъ былъ довольно высокаго, но скорѣе принадлежалъ къ сухопарымъ, чѣмъ къ плотнымъ. Лицо у него было продолговатое гладко выбритое; волосы цвѣта, какъ говорятъ французы: sel et poivre. Лѣтъ ему на видъ было не болѣе 55, хотя говорили, что ему даже много за 60 перевалило. Одѣвался онъ весьма прилично, въ сертукъ и длинныя панталоны — въ обыкновенные дни сѣраго, а въ праздники чернаго цвѣта; жилетъ и галстухъ бѣлые; жабо гофрированныя, а высоко изъ-за галстука высовавшіеся воротнички туго накрахмаленные. Лѣтомъ носилъ онъ костюмъ того же покроя, но изъ китайки золотистаго цвѣта. Голову его, когда онъ выходилъ (даже во время пѣшеходныхъ путешествій), покрывалъ высокій цилиндръ, на правой сторонѣ котораго красовалась кокардочка бѣлаго цвѣта съ свѣтло-зеленымъ кантомъ. Въ то время, конечно, я не размышлялъ о значеніи этой кокардочки, хотя и не скрылось отъ моей наблюдательности, что такого значка не было на шляпахъ другихъ лицъ. Гораздо позже только догадался я значенія этого украшенія на цилиндрѣ Д-ра Лангъ. Кокардочка гербовыхъ цвѣтовъ Саксоніи была политическая демонстрація: Эрфуртскій дистриктъ, въ силу Вѣнскаго конгресса (1815 г.) былъ отнятъ у Саксоніи и отданъ Пруссіи; но нашъ директоръ, бывъ родомъ изъ тѣхъ мѣстъ, не признавалъ этого насильственнаго отрыва своихъ

родныхъ мѣстъ отъ коренной общей отчизны, и носилъ саксонскую кокарду въ демонстрацію того, что онъ себя пруссакомъ никакъ не считалъ. Умеръ же Д-ръ Карлъ Лангъ еще при мнѣ, осенью 1821-го года, и былъ похороненъ въ Ваккербарстеру же близъ домашней капеллы среди верхняго сада.

Пансіонъ продолжалъ, однакоже, существовать еще нѣсколько лѣтъ подъ вѣдѣніемъ двухъ зятьевъ покойнаго, изъ которыхъ младшій, Д-ръ Карлъ Фогель, какъ имѣвшій ученую степень, считался офиціальнымъ директоромъ. Когда же именно и почему совсѣмъ прекратилось это воспитательное заведеніе, мнѣ неизвѣстно, такъ какъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1822-го года мы съ братомъ воротились на родину.

Д-ръ Фогель, которому тогда было 29 или 30 лѣтъ, ознаменовалъ себя позже (какъ я узналъ въ 1863 г.) своей всеобщей эрудиціею и былъ долгое время директоромъ 1-ой гражданской школы въ Лейпцигѣ, въ какомъ званіи онъ и умеръ въ серединѣ 50-ыхъ годовъ. Одинъ изъ его сыновей знаменитъ своими учеными экспедиціями въ Африку, гдѣ и пропалъ безъ вѣстей о немъ, а старшая дочь Элиза Полько извѣстна въ Германіи какъ сочинительница повѣстей.

X. первое путешествіе во время ученья

Къ основнымъ установленіямъ нашего пансіона, по примѣру обычаевъ славившагося нѣкогда Песталоціевскаго заведенія, принадлежали также ежегодныя, въ сентябрѣ мѣсяцѣ совершаемыя, пѣшеходныя экскурсіи всего института in corpore т.-е. участвовали въ нихъ, подъ предводительствомъ самого директора и въ сопровожденіи большей части учителей, всѣ воспитанники, за исключеніемъ весьма немногихъ, по какимъ нибудь особеннымъ резонамъ отпущенныхъ къ своимъ родителямъ. Экскурсіи эти имѣли двоякую цѣль: развитіе тѣлесной силы пріученіемъ къ перенесенію трудностей и лишеній въ походахъ, и развитіе понятій о дѣйствительномъ мірѣ посредствомъ собственнаго смотрѣнія на житье-бытье людей въ разныхъ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ. Кромѣ того маршруты этихъ пѣшеходныхъ путешествій опредѣлялись всегда такимъ образомъ, чтобы путь ихъ проходилъ черезъ такіе именно

города и мѣстечки, которые либо имѣли историческое значеніе, либо славились своими достопримѣчательными зданіями или заведеніями, или музеями, либо, наконецъ, просто особенною красотою своего мѣстоположенія. Все, что намъ встрѣчалось видѣть, служило во время самаго пѣшеходнаго пути предметомъ разговоровъ какъ самого директора, такъ и каждаго учителя съ группою окружавшихъ его воспитанниковъ. А когда посѣщались историческія мѣста или достопримѣчательныя зданія или музеи, тогда кто-либо одинъ изъ преподавателей бралъ на себя роль всеобщаго объяснителя-чичероне въ виду самаго предмета.

При проходѣ чрезъ горныя мѣстности или чрезъ лѣса, наши наставники обращали вниманіе наше на красоту Божіей природы въ безконечныхъ ея варіаціяхъ; толковали намъ, не мудрствующею, а дѣтямъ удобопонятною, рѣчью о чудесахъ міротворенія: о горахъ и ихъ подземныхъ тайнахъ, о законахъ растительнаго міра, выказывающихся равно какъ въ вѣковомъ дубѣ, вершины котораго нашъ глазъ едва лишь достигалъ, такъ и въ тоненькой травкѣ подъ нашими стопами; о разности породъ и птичекъ и бабочекъ, которыя мимо пролетали; указывали на различія въ характерахъ жилищъ, одежды и обычаевъ обывателей въ разныхъ мѣстностяхъ по мѣрѣ того, какъ мы проходили ихъ одну за другою, и т. п.

Эти чрезвычайно занимательные разговоры и толкованія не только коротавъ маленькимъ пѣшеходамъ время, но и заставивъ ихъ забывать про случившуюся иногда усталость, давали имъ богатую и здравую пищу для ума и сердца, потому что они развивали въ воспріимчивыхъ юношахъ какъ глубокое признаніе безконечныхъ чудесъ не имѣющей ни начала ни конца вѣковой природы, такъ и благотворную, во всякомъ дитяти самимъ Господомъ Богомъ вложенную, искру поэтическаго настроенія. Эти же два начала раціональнаго воспитанія не могутъ не привести къ искренно-душевному убѣжденію въ существованіи поистинѣ вѣчнаго, всѣмъ сердцемъ нашимъ прославляемаго „Единаго Отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ“. Узнавъ, что жизнь, болѣе или менѣе подобная нашей собственной жизни, одушевляетъ не только всякую движущуюся тварь, но и каждое деревцо, каждый цвѣтокъ, — отрокъ не-

вольно окомъ поэтическаго настроенія сознаетъ общую связь, общее сродство между собою и всей окружающею его Божьей природою; онъ невольно же обнимаетъ ее; въ немъ проснется сочувствіе и состраданіе къ каждой твари, къ каждому деревцу и цвѣтку; невольно же и все болѣе да болѣе наипаче „полюбитъ онъ ближняго своего яко самого себя“.

Да! настоящіе зачатки истинной вѣры человѣка могутъ единственно только основываться на развитіи въ ребенкѣ какъ признанія безконечныхъ чудесъ и безпредѣльныхъ красотъ Божьяго міротворенія, такъ равно и безпрекословно таящейся во всякомъ, „созданномъ по Божьему образу“, человѣкѣ божественной искры поэтическаго чувства. Истинная вѣра среди интеллигентнаго міра, по глубокому моему убѣжденію, лишь оттого начала исчезать, что мало-по-малу вообще изъ программы воспитанія стали вытѣснять поэтическое настроеніе, замѣнивъ его сухимъ и бездушнымъ матеріализмомъ.

Въ двухъ таковыхъ пѣшеходныхъ экскурсіяхъ, а именно въ экскурсіяхъ 1820-го и 1821-го года участвовалъ и я. Оба путешествія были разсчитаны на довольно ровныя дистанціи, т.-е. оба простирались приблизительно на 45 миль (315 верстъ). Отхаживали же мы ежедневно среднимъ числомъ отъ 2 до $2^1/_2$ мили, къ тому жъ и съ привалами еще, да въ главнѣйше намѣченныхъ пунктахъ дневали, такъ что каждая экскурсія продолжалась отъ 26-ти до 28-ми дней.

Костюмъ и походная амуниція, для всѣхъ одинакіе, какими мы снаряжались въ эти экскурсіи, были весьма просты, но цѣлесообразны и удобны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно красивы. Одежда состояла изъ двубортной коленкоровой куртки зеленаго цвѣта съ карманами по бокамъ не только снаружи, но и внутри, изъ вырѣзнаго жилета и изъ довольно широкихъ панталонъ. У каждаго воспитанника было по два костюма, одинъ изъ болѣе грубой матеріи — для дороги, а другой парадный, получше. Жилетъ и панталоны, въ дорогу надѣваемые, были изъ сѣрой китайки, а для парада — изъ бѣлой, бумажной ткани, называвшейся „Englisch Leder“ (англійской кожею). Башмаки носились маловырѣзные, съ толстыми подошвами, края которыхъ оковывались вокругъ узкой, такъ сказать, лентою изъ тонкой стали. Рубашки употреблялись съ отложными воротниками, которые слегка подвязывались малиновымъ шелко-

вымъ шарфикомъ. Въ запасъ бралось съ собою по 2 рубашки, по 2 пары нижнихъ штановъ, по 2 пары чулковъ и парѣ башмаковъ, что̀ все вмѣстѣ съ парадным костюмомъ, равно какъ и все нужное для ежедневнаго туалета (въ томъ числѣ и маленькое зеркальце) укладывалось въ наплечный ранецъ, сверхъ котораго прикрѣплялся (какъ у солдатъ) скатаннымъ простой круглый плащъ изъ сѣраго сукна. Шапочка изъ сукна зеленаго цвѣта съ тоненькимъ золотымъ галуномъ вокругъ и съ маленькимъ козырькомъ да довольно крѣпкая палка съ темными пятнами (Ziegenhainer) съ желѣзнымъ оконечникомъ довершали путевой снарядъ.

Въ 1820-мъ году дальнѣйшею и главною цѣлью экскурсіи былъ Гарцъ и къ тому же именно вершина его Броккенъ. По пути къ нему было предназначено посѣтить города; Мейссенъ, Ошацъ (куда насъ въ гости ожидалъ отецъ двоихъ изъ упомянутыхъ уже товарищей моихъ, богатый фабрикантъ Винклеръ), Лейпцигъ, Галле да знаменитый замокъ Вартбургъ. А при возвращеніи отъ Броккена мы должны были знакомиться съ городами Дессау и Виттенбергомъ и съ знаменитой крѣпостью Торгау, откуда предположено было вернуться въ Ваккербартсру черезъ охотничій замокъ Губертсбургъ. Въ Мейссенѣ, конечно, осматривали мы славившуюся королевскую фабрику фарфоровыхъ издѣлій, а въ Лейпцигѣ какъ разъ поспѣли къ большой осенней ярмаркѣ (Michaelis-Messe), пользовавшейся тогда еще огромнымъ значеніемъ въ торговомъ мірѣ средней Европы; нынѣ же, вслѣдствіе легкаго и скораго, а потому и гораздо болѣе удобнаго пути желѣзныхъ дорогъ, какъ торговое сообщеніе, такъ и отправленіе товаровъ измѣнилось во многомъ; а потому лейпцигскія ярмарки европейскаго значенія уже не имѣютъ. Самъ по себѣ Лейпцигъ тогда показался мнѣ очень непривлекательнымъ. Настоящій городъ, т.-е. главная или внутренняя его часть, былъ въ то время нерегулярнымъ многоугольникомъ, окруженнымъ высокою каменною оградою грязнаго цвѣта и довольно широкимъ рвомъ, на днѣ котораго лучи солнца отражались въ какой-то темно-зеленоватой жидкости. Въ эту крѣпостцу вели чрезъ ровъ, съ разныхъ сторонъ, нѣсколько подъемныхъ мостовъ (которые, впрочемъ, видимо никогда не поднимались) и столько же двойныхъ желѣзомъ обитыхъ во-

ротъ, у которыхъ снутри караулили солдаты въ желтыхъ мундирахъ какой-то смѣшной формы. Отъ однѣхъ воротъ до другихъ, напр. отъ Петровскихъ (Petersthor) до Ѳоминыхъ (Thomasthor), которыя выходятъ почти въ соотвѣтственно противоположную сторону, не болѣе полверсты. Улицы узкія, темныя отъ высокихъ старинныхъ домовъ въ 4 и въ 5 этажей. Понравились мнѣ только древнія зданія ратуши и собора св. Ѳомы. Близъ послѣдняго, примкнувъ къ городской стѣнѣ, у самого Thomasthor стоитъ 2-этажный домикъ, въ которомъ нѣкогда жилъ великій музыкантъ Себастьянъ Бахъ. Понравилось мнѣ также увеселительное заведеніе, называемое „Kuchengarten“ (садъ пирожковъ), составившее тогда часть огромнаго парка, принадлежавшаго фабриканту Лургенштейну. Здѣсь угощалъ насъ Д-ръ Лангъ пирожками и вкуснымъ пивомъ золотистаго цвѣта (Weissbier). — Противъ Петровскихъ воротъ, на глàсисѣ, ради ярмарки, были устроены балаганы съ разными представленіями. Сравнивъ ихъ съ нашими балаганами въ Петербургѣ на пасхальной недѣлѣ, я нашелъ все это отвратительнымъ. Затѣмъ осмотрѣли мы поле Лейпцигскаго сраженія (1813 г.), гдѣ, отысканный въ близлежащемъ селѣ Конневицѣ какой-то инвалидъ-чичероне толковалъ намъ многорѣчиво о позиціяхъ соединенныхъ противъ французовъ трехъ армій (изъ чего, конечно, мы, младшіе воспитанники, ровно ничего не поняли) да повелъ насъ къ мѣсту, гдѣ, во время битвы находились будто нашъ Государь Императоръ Александръ Павловичъ, прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III, и австрійскій императоръ Францъ I, дочь котораго Марія-Луиза была супругою общаго ихъ врага — Наполеона, императора французовъ. Мѣсто это было прозвано „Dreiherrenstein“ (камнемъ или скалою трехъ владыкъ); но я никакъ не помню, чтобы я увидѣлъ тамъ что-либо такое, что было бы похоже на камень или скалу. Въ совершенно противоположной сторонѣ окружностей Лейпцига намъ показали мѣсто, гдѣ происходило Лютценское сраженіе (въ 1632 г.), между королемъ Густавомъ Адольфомъ шведскимъ и Валленштейномъ Осматривали мы, наконецъ, еще двѣ достопримѣчательности Лейпцига: въ Дрезденскомъ форштадтѣ (т.-е. предмѣстьѣ) грандіозное (особенно для того времени) типографское заведеніе фирмы Таухницъ и въ селѣ Голисѣ домикъ, гдѣ жилъ

Шиллеръ, когда онъ писалъ свою трилогію „Валленштейнъ“ и „Пѣснь о колоколѣ“.

Объ университетскомъ городѣ Галле того времени я ничего не помню. Въ Вартбургъ показали намъ комнату, въ которой жилъ Мартинъ Лютеръ, подъ именемъ юнкера (т.-е. барича, или дворянина) Георга, когда послѣ Вормскаго сейма (въ 1521-мъ г.) онъ скрывался отъ преслѣдованія католической партіи. Тутъ же занялся онъ переводомъ библіи на нѣмецкій языкъ. Во время этого труда, иногда къ Лютеру (по его же разсказу) являлся самъ нечистый духъ, чтобы помѣшать ему, и наконецъ до того раздосадовалъ реформатора, что сей послѣдній схватилъ огромную свою чернильницу да швырнулъ ею въ искусителя. Ловкій чортъ улизнулъ, а чернильница вдребезги разбилась объ стѣну, оставивъ на ней размашистое черное пятно, которое съ тѣхъ поръ тамошними кастелянами было тщательно охраняемо и до сихъ поръ еще охраняется какъ священная реликвія и всѣмъ посѣтителямъ всегда показывалась, какъ самая выдающаяся достопримѣчательность Вартбурга. Мы, т.-е. отроки Ланговскаго пансіона, съ внутреннимъ трепетомъ разсматривали этотъ въ извилистыя формы разлившійся чернильный кляксъ на бѣлой стѣнѣ, и помощію живой дѣтской фантазіи намъ таки удалось убѣдить себя, что это пятно похоже на силуэтъ фигуры съ рогами и съ конскими ногами.

На Броккенѣ встрѣтить восхожденіе солнца дѣйствительное наслажденіе. Лучами поднимающагося дневнаго свѣтила мало-по-малу разсѣваемые туманы принимаютъ столь различныя, до неимовѣрности фантастическія формы, какъ будто хотятъ подтверждать всѣ старинныя преданія о совершившихся на Броккенѣ вельзевулскихъ празднествахъ. Но эти волшебныя туманныя картины такъ много разъ уже описаны были, что мнѣ здѣсь нѣтъ никакой надобности о нихъ далѣе еще распространяться.

Равно я умалчиваю и о городахъ Дессау и Виттенбергѣ и о Торгауской крѣпости, потому что то, что, какъ новость, занимало 8 лѣтняго мальчика никакъ уже ни ново, ни занимательно для взрослаго, а тѣмъ паче для взрослаго нашей эпохи. Упомяну только еще про древнюю лѣтнюю резиденцію Ангальтъ-Дессаускихъ герцоговъ, замокъ Вёрлицъ, и про охот-

ничій замокъ нѣкогда могущественныхъ курфюстовъ и ихъ потомковъ, довольно обезсиленныхъ королей Саксоніи: Губертсбургъ. Самымъ замѣчательнымъ представляются въ Вёрлицѣ великолѣпные паркъ и сады и въ особенности фонтаны; а между тѣмъ описывать ихъ можно немногими словами: это копіи съ парка, съ садовъ и съ фонтановъ стараго Версальскаго дворца,—монументальныя свидѣтельства о легкомысленной расточительности тщеславнаго владыки довольно миніатюрнаго и бѣднаго княжества*), вздумавшаго соперничать съ самимъ по себѣ уже, конечно, также расточительнымъ, но все же могущественнымъ королемъ одного изъ обширнѣйшихъ тогда и богатѣйшихъ государствъ Европы.

Охотничій замокъ Губертсбургъ достоинъ упоминанія: во 1-хъ, какъ свидѣтель романа разыгравшагося въ началѣ XVIII-го вѣка между курфюрстомъ Августомъ II, прозваннымъ „мощнымъ“ (бывшимъ союзникомъ императора Петра I противъ Карла XII шведскаго) и прекрасной графинею Авророю Кёнигсмаркъ. Плодомъ этого романа явился Морицъ графъ Саксонскій, впослѣдствіи маршалъ французской службы и авантюристъ-претендентъ на руку Анны Іоанновны, герцогини Курляндской, сдѣлавшейся потомъ императрицею Россіи. Во 2-хъ же, Губертсбургъ замѣчателенъ какъ мѣсто, гдѣ въ 1763 г. послѣ семилѣтней войны былъ заключенъ мирный договоръ между Пруссіею и Австріею. Намъ показали комнату, и столъ, на которомъ подписывался трактатъ, а равно и кресла, на которыхъ возсѣдали уполномоченные министры.

XI.

Вторая экскурсія, въ которой также принималъ я участіе, состоялась въ сентябрѣ 1821 года. Цѣлію ея назначалась древняя столица Богеміи, Прага, и предположено было добраться до нея чрезъ Саксонскую Швейцарію и Богемскіе лѣса (или горы) да по пути отдохнуть три дня въ Тёплицѣ, куда насъ всѣхъ пригласилъ русскій богачъ, г. Николай Никитичъ Демидовъ (отецъ нашего товарища, Анатолія Демидова), поселившійся въ Тёплицѣ на этотъ сезонъ. Изъ Праги же мы

*) Въ началѣ прошлаго вѣка Ангальтскія владѣнія распадались на три отдѣльныхъ княжества.

должны были возвратиться на рѣчномъ кораблѣ внизъ по теченію рѣки Эльбы до Дрездена.

По своему характеру это второе путешествіе во многомъ отличалось отъ перваго. Правда, что при первой экскурсіи дорога наша отъ низменныхъ лейпцигскихъ равнинъ чрезъ Галле къ Гарцу постоянно поднималась въ горы и наконецъ достигла до значительной высоты; правда что и на этомъ пути мы проходили чрезъ довольно густыя (преимущественно дубовые и буковые) лѣса; что обыватели этихъ сѣверо-германскихъ возвышеній, прямые потомки древнихъ тюрингійцевъ, выказывали нѣкоторое племенное различіе отъ обывателей равнинъ между Эльбою и Одеромъ, но общая, все нивеллирующая европейская культура значительно уже поработала и надъ этими также мѣстностями; въ жилищахъ, въ одеждѣ и въ обычаяхъ тюрингійцевъ ничто не поражало насъ ярко выдающимся различіемъ, да къ тому же и нарѣчіе казалось совершенно одинаковое. Даже самыя горы-то казались подчинившимися культурѣ; лѣса, заботливо вычищеные, походили болѣе на парки, а между ними красовались частыя селенія да тщательно насаженные виноградники, и только самъ Броккенъ съ ближайшею его окрестностью сохранили довольно еще слѣдовъ первобытной, нѣкогда здѣсь царившей буйной, дикой природы.

Совсѣмъ иной характеръ выказывали горы между Дрезденомъ и Тёплицемъ. Безспорно что въ самой-то Саксонской Швейцаріи затѣйливые труды трактирщиковъ-спекулянтовъ тогда уже (а нынѣ и подавно) все болѣе и болѣе придавали этой горной мѣстности физіономію художественно-устроеннаго парка; но, такъ какъ наиглавнѣйшимъ художникомъ-строителемъ этого парка все-таки была сама недостигаемая въ своихъ твореніяхъ волшебница-природа, то даже излишнія ухищренія мѣлкаго людского расчета не въ состояніи были уничтожить всей первобытной красоты представляющихся взору безчисленныхъ фантастическихъ картинъ могущественной природы. Несмотря на досадливую облизанность, которая иногда придана видамъ Саксонской Швейцаріи слишкомъ изысканно выстроенными реставраціями, нельзя не восхищаться такими чудными панорамами, какія представляютъ: Фельзенторъ, Бастей, Кушталь, Винтербергъ, Пребишторъ и т. д.

Напротивъ же того, горная мѣстность за культурною частію Саксонской Швейцаріи до высоты Богемскихъ лѣсовъ и самые эти Богемскіе лѣса почти вплоть до Тёплица сохранили, — по крайней мѣрѣ еще въ 1821 г., всю дѣвственность первобытнаго состоянія. Толстые, мохомъ обросшіе стволы и густыя вѣтви сплетавшихся въ темныя куполы вѣковыхъ сосенъ и елей, между которыми иногда попадались также и старыя буковыя деревья, приводили насъ, дѣтей, въ неописанный восторгъ. Какъ вольно и полно дышалось на этомъ широкомъ раздольѣ, среди вольной и широкой природы, далеко-далеко отъ оковъ и стѣсненій мизерной людской суеты. Переходы дѣлывались самые маленькіе, и поэтому намъ не запрещалось разсыпаться по сторонамъ и собирать лѣсные цвѣточки, да гнаться за бабочками или жучками: это было уже не путешествіе, а безпрерывныя игры дѣтей при постоянно мѣнявшихся декораціяхъ.

Въ этихъ лѣсахъ я впервые увидѣлъ угольщиковъ за работою около углежигательныхъ ямъ (Meiler). На самой же границѣ Богемской мы дневали на большомъ казенномъ горномъ заводѣ, Берггисгюбель, и я съ большимъ любопытствомъ глазѣлъ на закоптѣлыя фигуры рудокоповъ въ оригинальныхъ ихъ костюмахъ. Директоръ, нѣсколько учителей и воспитанники старшаго отдѣленія, нарядившись въ одежду рудокоповъ, спустились въ шахту, а намъ остальнымъ, напрасно надѣявшимся на участіе въ этомъ вояжѣ въ преисподнюю, — оставалось только вздыхать!

Дорога, по которой мы спускались въ Богемію, вела мимо селенія Марія-Кульмъ (если не ошибаюсь, то въ ономъ или близъ онаго монастырь); тамъ въ 1813 году соединенные отряды русскихъ и прусскихъ войскъ въ пухъ и прахъ разбили французскій корпусъ, пробиравшійся изъ Богеміи въ Саксонію для подкрѣпленія главной арміи Наполеона, стоявшей въ окрестностяхъ Дрездена. При этомъ самъ командиръ французскаго корпуса *) былъ взятъ въ плѣнъ русскими казаками. Намъ показали чугунный памятникъ (въ видѣ небольшой пирамиды изъ гирляндъ) въ честь павшихъ здѣсь русскихъ воиновъ.

Какъ только мы вышли на Чежскую территорію, то съ

*) Маршалъ Вандамъ.

перваго уже попавшагося намъ на глаза селенія, съ первыхъ уже встрѣчаемыхъ нами поселянъ, съ первыхъ уже отъ нихъ услышанныхъ словъ, мы могли убѣдиться въ огромномъ различіи между той страною, откуда мы пришли, и той страною, въ которую мы вступили: жилища, одежда, складъ тѣхъ лицъ и языкъ — все, все обличало, что мы теперь находились среди совершенно другаго племени. Слѣдовательно эта вторая экскурсія наинагляднѣйшимъ образомъ обогатила наши познанія въ этнографическомъ даже отношеніи, чему конечно весьма много способствовали указанія и разъясненія нашихъ наставниковъ.

Въ *Тёплицъ*, — какъ сама собою разумѣется, — насъ, дѣтей преимущественно занимали богатое угощеніе со стороны *г-на Демидова* и нарочито имъ для насъ устроенныя разныя увеселенія. Для трехдневнаго помѣщенія пансіона былъ нанятъ весь нижній этажъ отеля, находящагося противъ самаго парка. Въ тотъ же самый день, какъ мы прибыли въ Теплицъ, мы нарядившись, конечно, въ парадные костюмы, но съ ранцами на спинѣ и съ палками въ рукахъ да въ путевомъ строю продефилировали мимо г. Демидова и тогдашней владѣтельницы Теплица (какой-то старухи-княгини) и ихъ гостей, возсѣдавшихъ на террасѣ дома, служащаго богатѣйшему въ то время изъ *русскихъ* набобовъ сезонной резиденціею. Затѣмъ усадили насъ въ ближайшей аллеѣ за длинный рядъ столовъ и угощали роскошнымъ обѣдомъ. Послѣ обѣда всѣ раздѣлились на группы, каждая около обычнаго своего наставника, и отправились осмотрѣть курзалъ и паркъ. Въ это же время прибѣжалъ Анатолій Демидовъ съ своимъ гувернеромъ, звать къ своему отцу чай пить д-ра Лангъ и своихъ „земляковъ“, т.-е. меня и двоихъ моихъ братьевъ, ибо съ полгода тому назадъ также и старшій братъ (глухо-нѣмой) Иванъ былъ изъ Берлина переведенъ къ намъ въ Ваккербартсру. О чемъ г. Демидовъ съ нами говорилъ, конечно, я нынѣ не помню. Но что онъ самъ и всѣ окружающіе его лица меня крайне интересовали, и что я съ большимъ любопытствомъ за всѣмъ, что дѣялось въ этомъ обществѣ, слѣдилъ и все высматривалъ, такъ это вѣрно, и тѣмъ болѣе, что и въ послѣдующіе два дня Анатолій *) — болѣе всего, вѣроятно, чтобъ не скучать

*) Самъ по себѣ Анатолій Демидовъ, хотя и крайне избалованный, а потому и пустой барчукъ, былъ, впрочемъ очень ласковый и сердцемъ добрый мальчикъ.

одному между взрослыми — раза по два къ себѣ тащилъ меня въ качествѣ земляка и однолѣтка. Но мы два *русскихъ* земляка, разговаривали между собою *по-французски,* потому что Анатолій Демидовъ не зналъ по-русски. Меня же, во всѣ истекшіе два года моего пребыванія въ Германіи, въ незабываніи роднаго языка поддерживали (кромѣ чтенія иногда присылаемыхъ мнѣ отцомъ русскихъ дѣтскихъ книгъ) разговоры съ братомъ Александромъ, да въ особенности съ моимъ дядькою, хромымъ Василіемъ, грамотнымъ портнымъ и новгородскимъ уроженцемъ, котораго, однакоже, къ крайнему моему сожалѣнію, недавно тогда потребовали назадъ въ Петербургъ.

Какихъ лѣтъ былъ *г. Демидовъ,* я не помню; да и трудно было бы отгадать по болѣзненному его виду: онъ страдалъ, кажется, подагрою. Сидѣлъ онъ все на большомъ, мягкомъ креслѣ-самокатѣ, одѣтый въ сюртукъ темно-коричневаго цвѣта, но съ ногами, закутанными въ теплое шелковое одѣяло малиноваго цвѣта. На головѣ носилъ онъ картузъ изъ темнаго бархата. Черты лица были пріятны (Анатолій очень походилъ на него), выраженіе ласковое, но крайне гордое. Кажется, что были у него небольшія сѣдоватыя баккенбарды.

Прислуга окружала его безчисленная. За кресломъ его торчалъ всегда дѣтина огромнаго роста, въ мундирѣ „егеря“, въ родѣ тѣхъ, какіе бываютъ у иностранныхъ посланниковъ, да у каждыхъ проходныхъ дверей стояло по парѣ лакеевъ въ богатыхъ ливреяхъ. Болѣе приближенными лицами оказались трое. Во 1-хъ, полный, солидный старикъ лѣтъ около 50-ти въ черномъ фракѣ, въ короткихъ штанахъ и въ чулкахъ да башмакахъ, съ напудренными волосами à la Titus. Во 2-хъ, господинъ лѣтъ 33—36, съ наружностью „very becoming“, съ остроумнымъ выраженіемъ въ тонкихъ красивыхъ чертахъ лица, съ густыми, тщательно расчесанными баккенбардами и слегка завитыми спереди волосами каштановаго цвѣта; на немъ былъ синій фракъ съ золотыми пуговицами и черныя длинныя панталоны при башмакахъ. Носилъ онъ золотые очки, а въ рукахъ держалъ цилиндръ. Третье, наконецъ, лицо оказалось молодымъ человѣкомъ никакъ не болѣе 25-ти лѣтъ, съ полнымъ, здоровымъ, но совершенно безвыразительнымъ лицомъ и съ вѣчной улыбкою на толстыхъ губахъ; въ своемъ костюмѣ онъ представлялъ копію съ только что описаннаго

господина, но очковъ не носилъ. Порядочный господинъ находился всегда близко возлѣ г. Демидова, по правую руку его, и иногда возсѣдалъ даже на стулѣ, разговаривалъ съ нимъ, разсказывалъ анекдоты и т. п., однимъ словомъ, занималъ больнаго милліонера. Юноша держался всегда на вытяжку да немного подальше отъ г. Демидова, по лѣвую его сторону. Къ нему послѣдній адресовался съ весьма краткими только приказаніями, когда чего-либо требовалъ себѣ подать. Да и отъ самого-то юноши я другихъ словъ не слыхалъ, кромѣ: „Oui, monseigneur!“ и „non, monseigneur!“

Старикъ же держался совсѣмъ поотдаль отъ набоба, но всегда такъ, чтобы быть въ виду его. Г. Демидовъ, кажется, съ нимъ болѣе объяснялся взглядами и знаками, и старикъ, видимо, понималъ его.

Разъ я спросилъ у Анатолія Демидова, кто эти трое лицъ.

„Le vieux (сказалъ онъ) a été élevé avec mon père; c'est le fils du cocher d'autrefois de feu mon grand père. Papa l'aime beaucoup, car l'autre l'a toujours accompagné dans tous ses voyages. Actuellement il occupe chez papa la place de „grand-maître“ (оберъ-гофмейстеръ). Le jeune garçon là — fut depuis peu seulement nommé „gentilhomme de la chambre“ (камеръ-юнкеръ) de papa; c'est le fils du vieux, et mon père l' avait fait élever au collège à Paris. Les autres le nomment maintenant „m-r Isidor“; mais moi, — voyez-vous, je ne le peux pas souffrir, et je ne le nomme que „Sidiorkà“. Cela le fache éminemment, mais que c'est que cela me fait? Qu'il se fache, j'en suis content. Le monsieur auprès de papa au contraire, je l'aime beaucoup, voyez-vous. Il est fils d'un colonel pauvre, mais c'est un véritable gentilhomme. Papa a bien connu son père, et l'a engagé comme „chambellan“ (каммергеръ) pour qu'il lui tienne compagnie et qu'il l'amuse“ *).

На четвертый день мы простились съ г. Демидовымъ: продефилировавъ мимо него путевымъ парадомъ, весь пансіонъ аккордомъ пропѣлъ ему „Er lebe hoch! hoch! hoch!“

Изъ тѣплицкихъ достопамятностей весьма живо помню

*) Само-собою разумѣется, что чрезъ 70 истекшихъ послѣ того лѣтъ я могъ передать, *хотя и точный смыслъ сообщеній* Анатолія Николаевича, а никакъ *не точныя слова* его. Но выраженія „grand maître“, „gentilhomme de la chambre“ и „chambellan“ — *остались неизмѣненными.*

устроенную тогда въ домикѣ на несовсѣмъ маломъ пригоркѣ *Шлаккенбергъ* самую большую *камеру-обскуру,* какой другой мнѣ уже не встрѣтилось. Въ мезонинѣ этого дома, состоящемъ изъ одной только невысокой комнаты, безъ оконъ, объемомъ около 9-ти квадратныхъ саженей, стоитъ большой круглый столъ, покрытый бѣлымъ лакомъ. Надъ этимъ столомъ виситъ, на разстояніи около аршина открытый желѣзный цилиндръ, выходящій другимъ открытымъ же концомъ чрезъ потолокъ въ уставленный на крышѣ ящикъ большой камеры-обскуры съ стеклянными приборами на всѣхъ четырехъ сторонахъ. Помощію нѣсколькихъ передаточныхъ зеркаловъ, соотвѣтственно помѣщенныхъ внутри цилиндра, является (при ясной, конечно, погодѣ) на означенномъ выше кругломъ столѣ весьма отчетливая, хотя и въ миніатюрѣ, панорамическая картина Тёплица со всею окружностію.

Въ *Прагѣ,* какъ само-собою разумѣется, мы ходили посмотрѣть на знаменитый мостъ черезъ рѣку *Молдаву* имени Карла IV, императора германскаго и въ спеціальности короля-благодѣтеля Богеміи. Мостъ этотъ украшенъ статуею святаго патрона католическихъ чеховъ, *епископа Іеронима Пражскаго.* Легенда повѣдаетъ, что онъ на самомъ этомъ мѣстѣ былъ сброшенъ въ Молдаву по повелѣнію *короля Венцеля* (Вацлава, Вячеслава), котораго онъ всенародно порицалъ за порочную его жизнь, за разореніе государства и опозориваніе древней чешской короны.

Показали намъ также *Градчинъ* и окно въ ратушѣ, изъ котораго возставшіе противъ жестокостей ультра-фанатическаго императора *Фердинанда II* чешскіе протестанты выбросили трехъ совѣтниковъ правительства (въ 1618 г.), что и послужило первымъ толчкомъ для кровопролитной 30-лѣтней войны.

Изъ Праги мы прошли до мѣстечка *Ауссигъ,* гдѣ *Молдава* впадаетъ въ *Эльбу,* а отсюда по этой уже рѣкѣ доѣхали до Дрездена на рѣчномъ кораблѣ (Fluss-Schiff) или, вѣрнѣе сказать, на большой парусной лодкѣ, среди возвышенныхъ береговъ Саксонской Швейцаріи, мимо красиваго городка *Шандау,* крѣпости *Кёнигштейнъ,* и замка *Пильницъ,* лѣтней резиденціи саксонскаго короля. Такъ какъ эти мѣстности хорошо извѣстны всѣмъ туристамъ, то и распространяться о нихъ было бы совершенно излишнее.

XII.

Послѣ смерти *д-ра Карла Ланга* мы, съ братомъ Александромъ, не долго оставались въ пансіонѣ.

Весною 1822 г. мой дядя *Иванъ Андреевичъ Броунъ* возвращался въ Россію изъ Франціи, гдѣ онъ состоялъ при военно-интендантской коммиссіи нашихъ войскъ, оставленныхъ тамъ съ 1815 года въ качествѣ окупаціоннаго корпуса. Воспользовавшись этимъ случаемъ, отецъ мой поручилъ ему, привести и насъ съ собою. Братъ же Иванъ незадолго предъ тѣмъ былъ уже переведенъ въ Дрезденъ, гдѣ онъ поступилъ въ тамошнюю академію живописи въ классъ знаменитаго пейзажиста *Карла фонъ-Кюхельгена*.

Въ концѣ апрѣля мѣсяца мы простились съ нашимъ Ваккербартсру, съ нашими добрыми наставниками и веселыми товарищами.

На этотъ разъ миновало насъ счастіе тащиться въ пресловутыхъ королевско-саксонскихъ и королевско-прусскихъ дилижансахъ. У дяди была собственная своя дорожная коляска (dormeuse), въ которую запрягались 4 лошади „цугомъ“, т.-е. по парѣ въ 2 ряда, управляемыя однимъ возницею. Къ тому же дядя, какъ военный коммиссаръ, бывалый въ походахъ, отлично умѣлъ обходиться съ „швагерами-почтальонами“, которымъ хорошо извѣстный *русскій* военный сюртукъ также внушалъ свою долю „почтительнаго“ вниманія. Такимъ образомъ мы прокатились гораздо успѣшнѣе даже обычныхъ туристовъ, которымъ въ то время приходилось проѣзжать по тщательно-сберегаемыхъ со стороны почтовыхъ вѣдомствъ шоссейнымъ дорогамъ германскихъ владѣній.

Путь намъ лежалъ изъ *Дрездена* чрезъ *Берлинъ, Торнъ* и *Маріенбургъ* (гдѣ нѣкогда резидировали гроссмейстеры Тевтонскаго Ордена) въ *Кенигсбергъ;* оттуда по *Куришгаффу* въ *Мемель;* а затѣмъ извѣстнымъ трактомъ, чрезъ *Митаву, Ригу, Дерптъ* и *Нарву* до роднаго нашего *Петербурга*. Дядя былъ веселаго нрава, любилъ дѣтей, да и самъ по себѣ ненавидѣлъ сидѣть въ дорогѣ насупившись, молчкомъ, и потому постоянно съ нами разговаривалъ; а такъ какъ онъ былъ весьма образованный и многоначитанный человѣкъ, то и находился въ со-

стояніи вполнѣ удовлетворять отвѣтами любознательныхъ своихъ племянничковъ. А разспрашивать было намъ и впрямь о многомъ да многомъ, такъ что и это также путешествіе не преминуло оставить въ моей памяти глубокія, неизгладимыя впечатлѣнія. Названные выше города, однакоже, кому же нынѣ не извѣстны? Да и цѣль-то моихъ воспоминаній не клонится къ тому, чтобы распространяться о всѣхъ моихъ впечатлѣніяхъ безъ разбора. По этой причинѣ я упомяну здѣсь только о томъ, что къ особенно выдающимся путевымъ впечатлѣніямъ, какія въ то время получались мною отъ поѣздки по означенной выше линіи, должны безсомнѣнно относиться тѣ, которыя воспринимались отъ проѣзда по знаменитымъ „дюнамъ“ *Куришгаффа*.

Такъ называется заливъ въ сѣверо-восточной Пруссіи, отдѣленный отъ Балтійскаго моря узенькой земляной косою. Сама же эта коса, именуемая „Куришъ-Нерунгъ“, начиная въ верстахъ около 30-ти къ сѣверу отъ Кенигсберга, тянется верстъ на семьдесятъ съ чѣмъ-то въ томъ же направленіи такъ, что конецъ ея лежитъ какъ-разъ насупротивъ г. Мемеля, путевое сообщеніе съ которымъ производится помощію парома. Твердое основаніе этой косы несомнѣнно незначительное; главный составъ ея заключается въ разсыпчатомъ пескѣ, нанесенномъ въ теченіе безчисленныхъ вѣковъ буйными волнами моря и залива. Изъ этого само собою вытекаетъ, что послѣ каждой бури песчанные берега *Куришгаффа* оказываются болѣе или менѣе подмытыми, рыхлыми, иногда до того, что нечаянно вступающій на поверхность ихъ человѣкъ или животное словно утопаютъ въ этихъ пескахъ, а случается даже и совсѣмъ насквозь проваливаются. Когда, бывъ уже дерптскимъ гимназистомъ, я читалъ романъ Вальтеръ-Скотта „Антикварій“, а равно когда гораздо позже еще (лѣтъ чрезъ пятьдесятъ почти) появился романъ Виктора Гюго „Les travailleurs de la mer“, описанныя въ нихъ сцены на морскихъ дюнахъ представились мнѣ съ картинной ясностію, благодаря воспоминанію о поѣздкѣ по дюнамъ Куришгаффа.

Послѣ краткаго отдыха съ дороги, отецъ отвезъ насъ на Крестовскій островъ, гдѣ онъ на этотъ лѣтній сезонъ въ первый разъ нанялъ дачу. Между Крестовскимъ островомъ того времени и нынѣшнимъ огромное различіе. Въ то время, о ко-

торомъ я говорю, этотъ островъ, составлявшій имѣніе князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, далеко не имѣлъ нынѣшняго вида. Барскій „дворецъ“, конечно, и тогда уже находился на берегу Малой Невки противъ весьма малонаселеннаго Петровскаго острова, съ которымъ, однакоже, Крестовскій островъ не соединялся еще мостомъ. Шоссе отъ барской усадьбы до Елагинскаго моста (чрезъ Среднюю Невку) существовало и тогда; но изъ четырехъ просѣкъ, тянущихся нынѣ поперекъ Крестовскаго острова отъ востока къ западу, существовали только двѣ: сѣверная, ведущая до деревни, и большая, нынѣ доходящая до самого взморья на западномъ концѣ, а въ то время только до рѣчонки, образовавшей пруды около холмика, прозваннаго „Куллербергомъ“. Деревня, раздѣленная вышеупомянутымъ шоссе (превратившимся предъ Елагинскимъ мостомъ въ полукруглую площадь) на двѣ неравныя части, тянулась въ одинъ только рядъ, вдоль дороги, которая, по набережной Средней Невки, служила какъ бы продолженіемъ сѣверной просѣки. Къ востоку было только 33 крестьянскихъ двора, къ западу не болѣе 6 или 7. Напротивъ послѣднихъ, черезъ дорогу, на самомъ берегу, было три или четыре строенія, изъ которыхъ двухъ-этажный домъ, выходящій главнымъ фасадомъ на площадь предъ мостомъ, помѣщалъ въ себѣ кабакъ и трактиръ для чернаго народа, а въ остальныхъ строеніяхъ обрѣтались мелочная лавка, мучные лабазы и т. п. Предъ началомъ деревни (противъ конца сѣверной просѣки) была большая площадь, на которой по праздничнымъ днямъ играла военная музыка и давались, на вольномъ воздухѣ, представленія фокусниковъ и канатныхъ плясуновъ и плясуній. Эти зрѣлища устраивались содержателемъ трактира „для благородныхъ господъ“. „Ресторанъ“ въ то время имѣлъ исключительное назначеніе для обжорныхъ заведеній высшихъ разрядовъ подъ иностранной, преимущественно французской, фирмою. Самое же зданіе трактира въ два этажа находилось къ югу отъ Средней Невки и примыкало къ лѣсу.

Отъ вышеупомянутой рѣчонки, близъ Куллерберга, вплоть до западнаго взморья, тянулся дикій, словно дѣвственный, еловый лѣсъ, въ который проникнуть не было никакой возможности, такъ какъ самый грунтъ этого лѣса былъ страшно болотистый. Тамъ же, гдѣ нынѣ находятся „Крестовскій садъ“

и красивыя усадьбы богатыхъ дачниковъ-собственниковъ, по берегу Малой Невки, у перевоза съ Петербургской стороны, напротивъ Аптекарскаго и Каменнаго острововъ, въ 1822 г. растилался почти необозримый лугъ, среди котораго росли кое-какія деревья, большей частію ивовыя, равно какъ и немногія другія, низко наклонявшіяся съ берега къ волнамъ Малой Невки. Самое прибрежье этого конца Крестовскаго острова было нѣсколько возвышенное, такъ какъ оно состояло изъ плотинообразно-насыпнаго вала, по которому вела довольно широкая пѣшеходная дорога вплоть до рукавца, соединяющаго Малую Невку со Среднею. Чрезъ сказанный рѣчной рукавецъ велъ пѣшеходный мостикъ непосредственно на Каменный островъ. По этой дорогѣ ходили всѣ, кто съ Петербургской стороны пробирался на послѣдне-упомянутый островъ. Близъ перевозной пристани стоялъ довольно мрачнаго вида трактиръ.

Вышеупомянутые крестьянскіе дворы отдавались „господамъ“ подъ дачи, и уже самимъ наемщикамъ предоставлялась забота о томъ, чтобы сдѣлать эти жилища болѣе или менѣе удобообитаемыми и по возможности комфортабельными. По таковой причинѣ эти „дачи“ нанимались обыкновенно лѣтъ на пять. Наша „дача“ находилась по срединѣ, отдѣльно (къ западу) отъ дворовъ, и на воротахъ ея красовалась простая, некрашенная дощечка съ неуклюже-писаннымъ нумеромъ 35. Она состояла изъ дома въ шесть комнатъ, съ мезониномъ въ три комнатки, и изъ хозяйственныхъ принадлежностей съ большимъ сомкнутымъ дворомъ. Спереди, лицомъ къ улицѣ, имѣлся небольшой садикъ, и позади двора простирался огромнѣйшій общій лугъ.

Равномѣрно также и Каменный и Елагинъ островъ въ то время имѣли иной видъ. На послѣднемъ только что приступлено было къ отдѣлкѣ взморья на западномъ концѣ, прозваннаго потомъ „стрѣлкою“; а на Каменномъ аллеи внутренней и сѣверной части не были еще вырублены ради уступки мѣстъ подъ дачи набобовъ изъ среды „случайныхъ“ людей. Тогда въ этомъ грандіозномъ паркѣ, отличавшемся именно-то вѣковыми своими липами и березами, между которыми встрѣчалось не мало также и старыхъ дубовъ и кленовъ, — мѣста подъ дачи какъ бы исключительно были пожалованы только придворнымъ чинамъ, несомнѣнно съ цѣлію облегченія имъ исполняемой службы, когда Императорскій Дворъ находился во дворцѣ

Каменнаго острова. Къ тому же эти дачи не были выстроены въ ущербъ самому парку, такъ какъ всѣ онѣ находились на южномъ его краѣ, вдоль шоссе, ведущаго отъ Каменно-островскаго моста на Елагинъ островъ. Изъ числа ихъ памятны мнѣ красивыя дачи графовъ Дашковыхъ и гг. Бутурлиныхъ, первая неподалеку отъ дворцовыхъ флигелей, другая на поворотѣ шоссе къ сѣверу. Помню я еще роскошную дачу, садъ которой тянулся отъ Елагинскаго моста между шоссе и рукавцомъ Невки, отдѣляющимъ Каменный островъ отъ Крестовскаго. Буде не ошибаюсь, то эта дача принадлежала гг. Нарышкинымъ.

Изъ этого стариннаго боярскаго рода тогда при Императорскомъ Дворѣ особливо выдавались два брата: Александръ и Дмитрій Львовичи Нарышкины; первый занималъ постъ оберъ-гофмейстера, другой — оберъ-егермейстера.

Д. Л. Нарышкинъ, въ ту пору, во время пребыванія царскаго Двора на Каменномъ островѣ, занималъ дачу, пожалованную, какъ разсказывали, Государемъ Императорамъ Александромъ Павловичемъ супругѣ его, Маріи Антоновнѣ Нарышкиной. Пространная эта дача (близъ Колтовской) отличалась своимъ роскошнымъ паркомъ и въ особенности прелестнѣйшимъ цвѣтникомъ, и ее часто сравнивали съ знаменитымъ островомъ Книдомъ, очаровательнымъ, по миѳологіи древнихъ грековъ, обиталищемъ Афродиты, богини красоты и любви. Находилась дача г-жи Нарышкиной напротивъ Крестовскаго острова, на берегу Малой Невки. Ѣхавшимъ въ то время по рукаву нашей многоводной Невы мимо Крестовскаго острова вверхъ, въ направленіи къ Каменному острову, долженъ былъ непремѣнно бросаться въ глаза устроенный близъ берега граціозный открытый храмикъ съ бѣлыми колонками, по срединѣ котораго на бѣло-мраморномъ пьедесталѣ красовалась статуйка Амура Не знаю, кому нынѣ принадлежитъ эта дача и что̀ осталось отъ прежней ея роскоши; въ концѣ 30-хъ годовъ я слышалъ, будто она перешла во владѣніе графини Лаваль.

Императоръ подарилъ Нарышкину въ собственность также и знаменитый царскій хоръ роговой музыки.

О первоначальномъ устройствѣ этого хора я слышалъ слѣдующее*). Придворная охотничья команда, подобно хору при-

*) Отъ упомянутаго уже егермейстера Юшкова.

дворныхъ пѣвчихъ, образовывалась и ежегодно пополнялась изъ молодыхъ крестьянъ удѣльныхъ и государственныхъ имѣній. Этихъ парней старые опытные егеря должны были обучать разнымъ частямъ охотничьей службы; а такъ какъ къ ней принадлежало также и знаніе охотничьихъ сигналовъ и умѣніе выводить оные на употреблявшихся искони въ Россіи охотничьихъ рогахъ, то обучали охотниковъ-парней также и этой „музыкальной“ части ихъ ремесла. Но весьма понятно, что звуки, выведенные этими слишкомъ мало отесанными медвѣжатами, да къ тому же на весьма примитивно-устроенныхъ рожкахъ, звучали вовсе немузыкально. При Елизаветѣ Петровнѣ командою придворныхъ охотниковъ завѣдывалъ Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ, внукъ одного изъ братьевъ царицы Наталіи Кирилловны. Это былъ вельможа, выдававшійся въ ту эпоху своимъ европейскимъ образованіемъ. Слишкомъ неуклюже и дико выдѣлываемые сигналы егерей не могли не оскорблять его слуха и вкуса, и онъ рѣшилъ преобразовать сигнальную команду придворной охоты на манеръ горнистовъ въ иностранныхъ придворныхъ охотничьихъ управленіяхъ. Для этой цѣли выбралъ онъ молодыхъ охотниковъ, наиспособнѣйшихъ парней, замѣнилъ старинные русскіе рога иностранными охотничьими или „лѣсничьими“ рогами, вальторнами*), а для обученія парней правильной на нихъ игрѣ пригласилъ онъ особаго капельмейстера, чеха Мареша. Этотъ музыкантъ хорошо зналъ свое дѣло, а сверхъ того былъ одаренъ смѣтливостью. Обучать на вальторнахъ онъ егерей обучалъ, вслѣдствіе чего добился у своихъ учениковъ самаго нужнѣйшаго, т.-е. правильнаго „анзатца“ или „амбушюра“; но вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма заинтересовавшись своеобразнымъ старинным русскимъ рогомъ, онъ задался также мыслію извлечь изъ него дѣйствительную пользу. И достигъ-таки Марешъ своей цѣли: появился крайне любопытный и оригинальный „инструментъ“ русской роговой музыки, на которомъ, помощію капельмейстерскаго своего жезла, онъ превосходно разыгрывалъ весьма сложныя музыкальныя сочиненія. Этотъ „инструментъ“ состоялъ изъ живыхъ людей, вмѣсто клавишей; числомъ ихъ было 42 человѣка. У двадцати четырехъ было на рукахъ по одному, а у восемнадцати чело-

*) Wald-Horn.

вѣкъ по два рога, другъ отъ друга на полутонъ различные. Самые большіе рога, до 2-хъ аршинъ длиною, имѣли форму первобытныхъ (какъ у древнихъ народовъ) басовыхъ тромбоновъ и поддерживались подставками; средней и меньшей же величины рога сохраняли первобытную свою форму. Вся серія различныхъ звуковъ, какіе получались отъ всѣхъ роговъ съ самого низшаго до самого высшаго, обнимала пять октавъ съ большою секстою, а именно: отъ нижней октавы контра — *до* до верхней октавы отъ ноты *ля,* изображаемой на первой сверху придаточной линіи по системѣ скрипичнаго ключа. Изъ числа всѣхъ роговъ восемнадцать меньшихъ оказывались въ двойномъ комплектѣ.

По естественному свойству металла (желтая мѣдь), изъ котораго сдѣланы были рога, и по прямой формѣ ихъ, звуки этого хора имѣли сильно-вибрирующій, рѣзкій тембръ, а потому, конечно, производили издали гораздо болѣе пріятное впечатлѣніе, чѣмъ вблизи. Это и служило, вѣроятно, причиною тому, что когда къ оберъ-егермейстеру Нарышкину на дачу изволилъ пріѣзжать въ гости Государь Императоръ со свитою придворныхъ, то хоръ роговой музыки помѣщался, хотя и на томъ же лѣвомъ берегу Малой Невки (противъ Крестовскаго острова), но нѣсколько поотдаль отъ Нарышкинской дачи, на Петербургской сторонѣ около мѣста перевоза. Такіе случаи, конечно, были экстренными праздничными событіями для всей окрестности, и тогда со всѣхъ концовъ собирались безчисленными толпами слушатели всѣхъ сословій и возрастовъ, покрывая собою берега Малой Невки, какъ на Петербургской сторонѣ, такъ на Крестовскомъ островѣ, вдоль прибрежнаго вала.

Не только въ лѣто 1822-го года, но и въ послѣдующіе два мнѣ довольно часто приходилось слышать исполненіе хора. Разумѣется, я тогда ни малѣйше не разсуждалъ ни о манерѣ исполненія, ни о системѣ состава хора; объ этомъ я догадался не ранѣе какъ лѣтъ черезъ сорокъ, когда, по волѣ судьбы, я сдѣлался музыкальнымъ теоретикомъ.

Очень живо помню я еще про многія пьесы, которыя своимъ эффектомъ восхищали слушающую публику, а знатоковъ даже просто поражали непостижимой аккуратностью въ исполненіи самыхъ быстрѣйшихъ пассажей. Къ числу таковыхъ пьесъ принадлежали увертюры изъ оперъ: „Калифъ Багдадскій“

Бойельдье, „Семирамида“ Россини, „Іосифъ въ Египтѣ“ Мегюля, „Водовозъ“ Керубини, „Весталка“ и „Фердинандъ Кортецъ“ Спонтини. Но верхъ своего искусства выказывалъ хоръ русской роговой музыки въ шикарномъ исполненіи одной блестящей новинки той эпохи, а именно, увертюры изъ оперы „Волшебный стрѣлокъ“ Вебера, года за два или за три предъ тѣмъ въ первый разъ данной на королевской оперной сценѣ въ Берлинѣ.

XIII.

Елагинскій дворецъ въ то время представлялся блаженнымъ пріютомъ тихаго семейнаго счастія. Тамъ проводили лѣтнее время молодой великій князь Николай Павловичъ съ супругою, великой княгинею Александрой Ѳеодоровной.

Маленькому великому князю Александру Николаевичу только что минуло 4 года, а Маріи Николаевнѣ пошелъ 3-й. Въ это же самое лѣто великая княгиня вела отшельническую почти жизнь по причинѣ вскорѣ ожидавшагося умноженія августѣйшаго семейства*).

Мнѣ не помнится, чтобы въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ много говорили о великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ, ровно какъ и о младшемъ братѣ царя, Михаилѣ Павловичѣ. Когда же изрѣдка заходила рѣчь о молодыхъ великихъ князьяхъ, то всѣ хвалили ихъ скромность и привѣтливость, отзывались о нихъ какъ объ образцовыхъ офицерахъ-служакахъ и искренно негодовали на то, что имъ обоимъ иногда жутко приходилось отъ заносчивости всесильнаго временщика, графа Аракчеева.

Какъ нынѣ, такъ и тогда аллеи Елагина и Каменнаго острововъ служили дачникамъ Крестовской деревни лучшими мѣстами гулянія; въ особенности хорошо было прогуливаться по нимъ въ утренніе часы, до наступленія полуденнаго жара, потому что тогда эти аллеи не наводнялись, какъ подъвечеръ, нахлынувшими со всѣхъ сторонъ, и преимущественно изъ города, массами гуляющихъ всѣхъ возможныхъ разрядовъ и сортовъ. Въ указанные утренніе часы „променировались“ и мы, т.-е. я и меньшій братъ (9-лѣтній мальчуганъ), иногда „подъ

*) Королева Виртембергская Ольга Николаевна родилась 30-го августа 1822 г.

эгидою“ нашего гувернера m-r Myrtille, а чаще всего безъ него. „Сей менторъ“ нашъ, вполнѣ надѣявшись на нашу „bienséance de jeunes gens de bonne famille“, большею частію, ради „своей“ прохлады, предпочиталъ атмосферу виннаго погреба „слишкомъ обыкновенной“ прохладѣ тѣнистыхъ деревъ Елагина и Каменнаго острововъ*).

Во время утреннихъ прогулокъ я довольно часто имѣлъ счастіе поклониться молодому шефу инженеровъ, когда онъ катался въ легкомъ двумѣстномъ фаэтонѣ, запряженномъ обыкновенно парою лошадей, которыми правилъ самъ. Иногда сопутствовала ему великая княгиня, но чаще всего, въ мундирѣ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, маленькій шефъ этого полка Александръ Николаевичъ.

Не разъ также случалось мнѣ видѣть черезъ невысокую рѣшетчатую чугунную ограду Елагинскаго дворца, какъ дѣти великокняжеской четы, окруженныя своими товарищами, подъ надзоромъ гувернантокъ и нянюшекъ, рѣзвились на мягкомъ коврѣ гладко подстриженнаго пространнаго сквера предъ дворцомъ, напротивъ гауптвахты.

Сама же великая княгиня, съ двумя-тремя придворными дамами, располагалась на террасѣ дворца, обращенной къ скверу. Обыкновенно она была одѣта въ простенькій капотецъ изъ легкой бѣлой матеріи, съ накинутымъ на плеча большимъ кружевнымъ платкомъ на манеръ шали. и въ легонькомъ кружевномъ чепцѣ. Хозяйка Елагина дворца сидѣла на небольшой софѣ и такъ же, какъ и ея компаньонки, почти всегда была занята какою-нибудь дамскою работой; великій князь сиживалъ близъ нея на дачномъ стуликѣ у стола, съ карандашемъ въ рукѣ, которымъ прилежно чертилъ что-то на листѣ бумаги. Всѣ знали и говорили, что великій князь очень любилъ рисованіе и военное зодчество и что онъ въ нихъ большой знатокъ.

Ему въ то время шелъ двадцать седьмой годъ. Это былъ статный, высокаго роста, красавецъ, хотя нѣсколько сухощавъ. Лицо, немного продолговатое, а свѣтло-каштановые волосы, хотя подстриженные и приглаженные по строгой формѣ тогдашняго военнаго регламента, выказывали натуральную наклон-

*) Узнавъ, недѣли чрезъ 2 или 3, о „прохлажденіяхъ“ m-r Myrtille, отецъ мой конечно его прогналъ. Тогда такіе гувернеры были не рѣдкостію.

ность къ образованію легкихъ кудрей. Послѣднее обстоятельство, по указаніямъ физіогномики, свидѣтельствуетъ обыкновенно о врожденной мягкости и добротѣ сердца. Большіе, твердо глядѣвшіе, иногда какъ бы насквозь проницающіе, темно-лазуревые глаза подъ красиво и смѣло начерченными бровями, уже тогда живо напоминали величественныя черты державной его бабушки, Екатерины Второй. Въ этомъ поистинѣ идеальномъ, мужественно-красивомъ обликѣ сразу выказывались рыцарское прямодушіе, сосредоточеніе мышленія и непреклонная твердость воли; но эту, на первый взглядъ поражающую, будто суровую, строгость смягчала улыбка, не только игравшая около угловъ тонко-очерченныхъ губъ, но невольно сіявшая сквозь орлиные взгляды, если они въ глазахъ собесѣдника встрѣчались съ выраженіемъ душевной прямоты и чистой совѣсти.

Между тѣмъ какъ въ Елагинскомъ дворцѣ господствовало идиллическое настроеніе, по другую сторону Средней и вдоль Малой Невки, одни празднества смѣнялись другими. Въ кругу крестовскихъ дачниковъ тогда много и съ восторгомъ разсказывали удивительныя чудеса про очаровательные маскированные балы въ Каменно-островскомъ дворцѣ, и про изумительно-блестящія карусели въ костюмахъ; говорили даже, что въ послѣднихъ участвовалъ великій князь Николай Павловичъ и что онъ отличался ловкостью въ этомъ рыцарскомъ искусствѣ. Случилось мнѣ въ теченіи этого лѣта два раза видѣть, какъ по всѣмъ тремъ Невкамъ прокатывались многочисленныя, фантастически устроенныя, гирляндами, цвѣтными вымпелами и фонариками украшенныя гондолы. Каждая гондола была ведена группою гондольеровъ подъ командою рулеваго, въ итальянскихъ народныхъ костюмахъ. Менѣе четырехъ гондольеровъ, кажется, въ группѣ не было; но въ нѣкоторыхъ гондолахъ число ихъ доходило, вѣрно, до восьми. Въ самыхъ же гондолахъ на скамеечкахъ, покрытыхъ богатыми коврами, возсѣдали дамы и кавалеры въ костюмахъ времени императрицы Екатерины. Когда становилось темнѣе (эти празднества были устраиваемы въ началѣ августа мѣсяца), то вся флотилія располагалась на Средней Невкѣ, близъ моста, соединяющаго Театральную площадь Каменнаго острова съ Елагинымъ островомъ. По данному сигналу вдругъ на всѣхъ гондолахъ засвѣчивались разноцвѣтные фонарики, а съ береговъ то Елагина,

то Каменнаго острова, поперемѣнно раздавались звуки полковой музыки. Въ это же самое время начинался блестящій фейерверкъ, всегда устраиваемый на берегу Крестовскаго острова, передъ лѣсомъ, лежащимъ между деревнею и пѣшеходнымъ мостикомъ, что велъ на Каменный островъ, т.-е. на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ то время находились хижины рыбаковъ. Около половины августа мѣсяца празднества эти прекратились, потому что Государь и весь Дворъ переселились въ Царское Село; а въ сентябрѣ Императоръ съ великими князьями уѣхали куда-то на маневры. Гвардейскіе же полки еще ранѣе были отправлены. Такимъ образомъ Петербургъ къ осени притихъ.

Эти роскошныя придворныя празднества тогда подготовлялись и устраивались по планамъ лучшихъ художниковъ, подъ руководствомъ и предсѣдательствомъ оберъ-гофмаршала Александра Львовича Нарышкина, человѣка образованнаго, любителя изящныхъ искусствъ и знатока въ нихъ. Личное благорасположеніе Государя къ Александру Львовичу придавало послѣднему исключительное значеніе въ придворномъ кругу.

Нарышкину (по теперешнему моему соображенію) вѣроятно было тогда около 60-ти лѣтъ, но на видъ онъ казался никакъ не старше 45-ти. Средняго роста и, несмотря на нѣкоторую, при этомъ возрастѣ неизбѣжную, дородность, стройный собою, Александръ Львовичъ по праву считался „bel-homme“, и тѣмъ болѣе, что „внушительный“ этотъ внѣшній его видъ не только поддерживался, но даже еще болѣе украшался самыми округленными, отборно мягкими, плавно-спокойными и къ тому же весьма естественными движеніями тѣла и рукъ. Самой же выдающейся частію всей его фигуры оказывалась нормальнѣйшей формаціи красивая голова и крайне выразительное лицо, не то чтобы полное, но и не худощавое, обрамленное тщательно расчесанными впередъ баккенбардами, съ тонкимъ, нѣсколько остроконечнымъ носомъ, съ кокетливо очерченными губами и съ весьма умными и веселыми (такъ и хочется сказать: „плутовски улыбающимися“) свѣтло-коричневыми глазами. Въ позднѣйшіе годы случилось мнѣ видѣть гравированный портретъ французскаго поэта Альфреда де Виньи, который мнѣ живо напомнилъ тонкія, остроумныя черты Александра Львовича. Говорилъ онъ отлично по-французски, по-англійски

и по-нѣмецки да конечно и по-русски, хотя въ отношеніи послѣдняго говоръ его нѣсколько отзывался преимущественной привычкою къ иностраннымъ нарѣчіямъ. Начитанность и знакомство его съ литературными произведеніями на упомянутыхъ четырехъ языкахъ были изумительны.

Сердцемъ онъ былъ очень добръ, и подчиненные его очень любили за привѣтливость и снисходительность. Съ выдававшимися же изъ числа ихъ особенною способностью и образованностью (какъ напр. съ моимъ отцомъ) Александръ Львовичъ обходился даже какъ съ личными, близкими друзьями. У насъ бывалъ онъ запросто и иногда оставался обѣдать. Отецъ мой состоялъ начальникомъ счетнаго отдѣленія, этого, такъ сказать, главнаго нерва всего дворцоваго управленія. Оттого-то онъ и былъ словно какъ бы правою рукою главноуправляющаго придворной конторы. Поэтому же, вѣроятно, и размѣщеніе отдѣленій этой конторы въ верхнемъ этажѣ зимняго дворца было распредѣлено такимъ образомъ, что собственный кабинетъ оберъ-гофмаршала отдѣлялся отъ комнаты, гдѣ засѣдалъ начальникъ счетнаго отдѣленія, только пріемною залой. А такъ какъ матушкѣ или намъ дѣтямъ не возбранялось заѣзжать за отцомъ къ концу засѣданія, то я имѣлъ довольно часто случай видѣть Александра Львовича вблизи и даже разговаривать съ нимъ, тѣмъ болѣе, что онъ вообще очень любилъ дѣтей. Въ особенности привлекала насъ къ нему его шутливость, которою онъ умѣлъ оживлять свои разговоры. А. Л. Нарышкинъ, какъ извѣстно, славился своимъ острословіемъ, и мѣткія слова его повторялись повсюду.

Въ августѣ мѣсяцѣ того же 1822-го года отецъ мой помѣстилъ меня въ Горный Институтъ*); но я не долго пробылъ

*) Въ то время назывался онъ „Горнымъ корпусомъ“, а ученики „кадетами“. У насъ также все было устроено по военному регламенту, и мы носили форму военныхъ нижнихъ чиновъ, отличавшуюся отъ формы прочихъ кадетовъ только цвѣтомъ мундира, воротника и погоновъ, а именно: мундиръ былъ изъ темно-синяго сукна, воротникъ же и погоны изъ чернаго бархата съ краснымъ кантомъ. На киверѣ, такой же формы какъ и у другихъ кадетовъ, былъ также полукруглый щитъ съ лучами, только вмѣсто военныхъ атрибутовъ на немъ, были изображены эмблемы горнозаводства. Щитъ этотъ, равно какъ и пуговицы, былъ изъ желтой мѣди. Солдатскій кривой тесакъ съ бѣлымъ бумажнымъ темлякомъ, висѣвшій на широкомъ бѣломъ кожаномъ банделирѣ чрезъ правое плечо, торчалъ сзади и исправно колотилъ попеременно то лѣвую ляшку, то правую икру.

въ немъ: вслѣдствіе полученной въ Ваккербартеру классической подготовки оказался я, съ одной стороны, въ нѣкоторыхъ предметахъ болѣе подвинутымъ впередъ чѣмъ мои сверстники, но зато, съ другой стороны — во многихъ другихъ предметахъ до того отставшимъ, что мое ученіе шло весьма плохо и неровно, и всѣ мои старанія и усиленное мое прилежаніе привели только къ сильному разстройству всей нервной моей системы. Слѣдствіемъ того было, что при первой случайной простудѣ отъ быстро наступившихъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ морозовъ, само по себѣ вначалѣ незначительное горловое воспаленіе перешло въ сильнѣйшій крупъ (по-нынѣшнему: дифтеритъ), къ которому вскорѣ присоединилась еще злѣйшая тифозная горячка. Такимъ-то образомъ къ концу ноября я умеръ, т.-е. совершенно пересталъ дышать, и не только всѣ домашніе, но и сами доктора Авенаріусъ и Вольфъ дѣйствительно считали меня настоящимъ покойникомъ. Одна только матушка не вѣрила факту моей смерти и въ теченіе цѣлыхъ четырехъ сутокъ неусыпно продолжала вмѣстѣ съ бывшей моей нянькою втиранія разныхъ средствъ. И впрямь, старанія матушки и крѣпкая моя натура восторжествовали, и на 5-ый день послѣ прочитанной надо мною отходной я воскресъ изъ мертвыхъ.

Само собою разумѣется, что при самомъ началѣ моей болѣзни отецъ меня тотчасъ взялъ изъ Горнаго Института и что я туда болѣе не возвратился. Изъ эпизодическаго моего пребыванія въ сказанномъ заведеніи достойно упоминанія только то, что унтеръ-офицеромъ того дортуарнаго отдѣленія, въ которомъ я состоялъ, былъ сынъ опернаго пѣвца *Самойлова, Василій Васильевичъ,* ознаменовавшій себя, черезъ четверть вѣка послѣ того, какъ одинъ изъ геніальнѣйшихъ сценическихъ художниковъ нашего времени*).

Отецъ мой рѣшилъ наконецъ, чтобы дальнѣйшее мое образованіе продолжало быть классическимъ, почему и намѣревался отправить меня въ Дерптъ, такъ какъ въ то время не только тамошній университетъ, но и тамошняя гимназія пользовались вполнѣ заслуженной высокой репутаціею. Но предварительно

---

*) Въ 1836-мъ году мы опять съ нимъ встрѣтились, о чемъ и будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ.

нужно было отцу узнать, кому изъ тамошнихъ профессоровъ или гимназіальныхъ учителей можно бъ было поручить спеціальный надзоръ не только за научнымъ, но и за моральнымъ и матеріальнымъ моимъ благосостояніемъ. По этому вопросу отецъ мой адресовался письменно къ дерптскому профессору *Парроту* (отцу).

Въ ожиданіи же отвѣта отъ послѣдняго, мнѣ было дозволено прилежнѣе прежняго заниматься музыкою, вслѣдствіе чего мой учитель фортепіанной игры сталъ пріѣзжать къ намъ ежедневно, вмѣсто того, что до тѣхъ поръ онъ давалъ мнѣ уроки по одному только разу въ недѣлю, т.-е. по воскресеньямъ. *Александръ Ивановичъ Черлицкій* считался однимъ изъ лучшихъ бывшихъ учениковъ *Джона Фильда,* переселившагося года за два предъ тѣмъ въ Москву, и состоялъ преподавателемъ фортепіанной игры при Смольномъ монастырѣ. Онъ заставлялъ меня повторять начатые еще въ Ваккербартсру этюды Крамера, которые я, благодаря его стараніямъ, очень скоро себѣ усвоилъ, такъ что къ Новому году онъ далъ мнѣ уже разучивать Фильда „Concert militaire“. Такимъ образомъ, въ нашемъ кружкѣ я вскорѣ прослылъ (едва ли, однакоже, по заслугамъ) за „многообѣщающаго мальчика-артиста“, и знакомые родителей моихъ стали просить ихъ приводить меня съ собою на ихъ музыкальные вечера.

Къ таковымъ знакомымъ принадлежало между прочимъ и семейство банкира *Переца.* Разъ (это было въ срединѣ января мѣсяца 1823 года) *т-те Перецъ* желала, чтобы я на ихъ вечерѣ сыгралъ Рондо изъ упомянутаго „военнаго концерта“ Фильда, а для того, чтобы мнѣ напередъ привыкнуть къ новому флигелю изъ недавно вновь открывшейся тогда мастерской *Тишнера,* она просила отца пріѣхать со мною въ тотъ же день къ обѣду къ нимъ въ 5-мъ часу. Вслѣдствіе того я въ назначенный день, по приказанію отца, въ 3 часа отправился въ каретѣ за нимъ въ придворную контору, гдѣ по обыкновенію я долженъ былъ дожидаться окончанія засѣданія въ пріемной залѣ, прилегающей (какъ выше уже объяснено) къ кабинету оберъ гофмаршала. Когда отецъ покончилъ свой докладъ, онъ вышелъ ко мнѣ, чтобы отправиться внизъ. Въ этотъ моментъ дежурный курьеръ при пріемной широко растворилъ входную дверь, и въ залу неожиданно вошелъ самъ Государь.

„Ah!“ воскликнулъ Императоръ, увидѣвъ насъ низко ему поклонившихся, и остановился. „Nun, wie geht's, lieber Arnold? Das ist wohl Ihr Söhnchen?“

Отецъ, еще разъ поклонившись, отвѣчалъ: „Zu Gnaden, Majestät!“

Государь, посмотрѣвъ на меня съ благосклонной улыбкою, потрепалъ меня ласково по щекѣ и сказалъ: „Fixes Kerlchen, wie? — Nun Adieu!“ затѣмъ милостиво махнулъ отцу рукою, и отправился съ вышедшимъ между тѣмъ навстрѣчу монарху, оберъ-гофмаршаломъ въ кабинетъ послѣдняго *).

„Ну, мышенокъ!“ сказалъ отецъ, когда мы спускались внизъ по извѣстной круглой лѣстницѣ: „послѣ такого необычайнаго счастія ты долженъ сегодня особенно отличиться!“

И впрямь я въ тотъ вечеръ сыгралъ Фильдово рондо съ большимъ увлеченіемъ!

XIV.

Наконецъ-то въ мартѣ мѣсяцѣ профессоръ Парротъ сообщилъ, что г. *Вильгельмъ Хахфельдъ* (Hachfeld), „Gymnasial-Oberlehrer“ (старшій учитель гимназіи), квартирующій въ самомъ зданіи училища, готовъ принять меня пансіонеромъ, вслѣдствіе чего меня тотчасъ же и отправили.

Благополучно пріѣхавъ въ Дерптъ и бывъ какъ слѣдуетъ водворенъ къ очагу новыхъ пенатовъ, я на другой же день былъ подвергнутъ пріемному экзамену и, благодаря основательной ваккербартсруской подготовкѣ, принятъ въ „Кварту“, т.-е. въ 4-ый сверху классъ **).

Поговоримъ сначала о самомъ городѣ, какъ онъ представлялся въ то время, тѣмъ болѣе, что это можетъ служить какъ бы фондомъ для нѣкоторыхъ изъ описуемыхъ картинъ нравовъ и обычаевъ тогдашнихъ гимназистовъ и студентовъ.

Обычная почтовая дорога отъ Петербурга въ Ригу, по моему убѣжденію, вѣроятно и нынѣ еще, прилегая съ сѣвера

*) Вообще государь императоръ, какъ не разъ тогда поговаривали въ петербургскомъ обществѣ, по возвращеніи съ Веронскаго конгресса, выказывалъ себя особенно милостивымъ и ласковымъ.

**) Въ Дерптской гимназіи тогда, по примѣру германскихъ гимназій, было всего пять классовъ, изъ которыхъ старшій или высшій именовался: *первымъ*, *Prima* (т.-е. classis), а младшій или низшій: *пятымъ*, *Quinta*.

мимо лежащей предъ самымъ городомъ мызы Ратхофъ (Rathof), спускается внизъ въ долину, образованную прибрежьемъ Эмбаха и точно такъ же, какъ „во время оно“, полуоборотомъ къ востоку, ведетъ къ главному тогда такъ-называемому „каменному“ мосту. Это названіе ему дано было весьма логически, по самому матеріалу, для отличія его отъ другаго, далѣе къ западу (кверху противъ теченія Эмбаха) находящагося моста, который былъ и именовался „деревяннымъ“, и къ которому съ сѣвера вела улица, отвѣтвлявшаяся отъ почтовой дороги. Означенный каменный мостъ тогдашняго времени представлялся точнѣйшею копіею тѣхъ пяти мостовъ, которые, будучи сооруженными въ эпоху (кажется) императрицы Екатерины Великой чрезъ Фонтанку, въ 60-ыхъ еще годахъ соединяли противоположные берега этой рѣчки. Перешедъ этотъ мостъ, мы очутились на довольно большой „ярмарочной площади“ (Marktplatz), у южнаго предѣла которой съ средневѣковой, сумрачною, патриційскою спесью красовалась, — небольшая впрочемъ, — ратуша. Повернувъ круто вблизи послѣдней налѣво къ востоку, почтовый трактъ черезъ коротенькую улицу повелъ насъ на другую площадь, по правую сторону (къ югу) которой была недлинная, липовая аллейка, а по лѣвую руку миніатюрная имитація петербургскаго гостинаго двора (Kaufhof), но безъ верхняго этажа. Нѣсколько далѣе мы проѣхали чрезъ третью, опять вплоть до Эмбаха простиравшуюся, „рыбную“ площадь (Fischplatz), а оттуда проѣхавъ десятокъ (или около того) домовъ, снова круто повернули къ югу (направо), поднимаясь на гору, къ почтовой станціи (Posthalterei), предъ которой опять-таки простиралась площадь пятиугольной формы. Оттуда вела почтовая дорога прямо на югъ къ Рижской заставѣ, а другая улица, налѣво, за-городъ къ дорогѣ на близъ лежащую мызу Карлово.

Позади ратуши пролегала длинная улица*), отъ рыбнаго рынка къ западу вплоть до линіи ботаническаго сада, гдѣ она встрѣчалась съ улицею, ведшей мимо онаго сада отъ Деревяннаго моста. На первоупомянутой улицѣ, къ западу отъ ратуши, находились прежде всего, по лѣвую руку, главное уни-

*) Послѣ 60-лѣтняго промежутка времени, память моя не сохранила наименованій описываемыхъ мною улицъ.

верситетское зданіе, затѣмъ нѣсколько далѣе, по правую сторону, гимназія, а возлѣ нея лютеранская церковь св. Іоанна. Русская же церковь во имя св. Николая Чудотворца находилась не очень далеко отъ гимназіи по направленію къ Эмбаху, вблизи военно-экзерциціонной площади (Exerzirplatz).

Позади университета возвышалась гора, названная „соборною“ (Domberg) ради красовавшагося нѣкогда на ней, во время владычества ордена „Меченосцевъ“, римско-католическаго каѳедральнаго собора св. Дениса. Всѣмъ, я думаю, извѣстно, что до вторженія „меченосцевъ“ въ Ливонію, на мѣстѣ нынѣшняго *Дерпта* стоялъ русскій городокъ *Юрьевъ*, основанный въ XI вѣкѣ великимъ княземъ *Ярославомъ Мудрымъ*. Позже, однакоже, въ XVI вѣкѣ, царь *Іоаннъ IV Грозный*, пожелавъ возвратить себѣ прежнія русскія владѣнія въ чудской землѣ, началъ войну съ Ливонскимъ орденомъ, и между прочимъ напавъ на Дерптъ, разгромилъ его, при чемъ болѣе всего пострадалъ упомянутый соборъ, который съ тѣхъ поръ такъ и простоялъ въ развалинахъ.

Когда въ 1802 г. былъ учрежденъ Дерптскій университетъ, тогда вскорѣ послѣ того, для помѣщенія университетской библіотеки была возстановлена (въ первобытномъ же, готическомъ стилѣ) восточная часть древняго собора, между тѣмъ, какъ средняя часть его (нефъ) и двѣ огромныя башни у западнаго входа такъ и оставались въ развалинахъ. Самая же гора была засажена липовыми аллеями въ разныхъ направленіяхъ, между которыми красовались скверы съ цвѣтниками и извилистыми дорожками. Отъ университета до задняго (южнаго) предѣла горы была проведена правильная улица, для чего сѣверная, круто-поднимавшаяся сторона Домберга была прорыта, а надъ образовавшимся оттого дефилеемъ выстроенъ красивенькій, деревянный, бѣлой краской выкрашенный мостикъ для пѣшеходовъ, прозванный „Musenbrücke“ (мостъ музъ). Улица вела къ большому 2-этажному дому на южной сторонѣ горы, въ которомъ помѣщалась университетская клиника съ квартирами для состоящихъ при профессорахъ-докторахъ молодыхъ ассистентовъ изъ студентовъ-медиковъ высшаго курса. Полѣвѣе отъ клиники, у восточнаго края горы находилось круглое зданіе анатомической аудиторіи (theatrum anatomicum).

Упомянуть слѣдуетъ наконецъ еще о находившейся напротивъ башенъ собора, къ востоку, отдѣльной возвышенности квадратной формы (остатокъ древнихъ укрѣпленій), которая вполнѣ предоставлялась городскому юношеству для гимнастическихъ игръ, а потому и называлась „Spielberg“ т.-е. горою игръ.

Г. *Хахфельдъ* и его семейство могли вполнѣ служить типическими представителями семейства изъ среды германскаго учительскаго круга тогдашняго времени. Самъ онъ, г. Хахфельдъ, родомъ изъ города Гёттингена, былъ человѣкъ съ обширнымъ запасомъ знаній не только по своей учительской спеціальности (исторія и географія), но также и по части какъ нѣмецкой литературы, такъ и древнихъ языковъ. Относительно характера онъ выказался смѣсью нѣмецкаго „филистера“ и нѣмецкаго „студента-бурша“: въ обращеніи своемъ съ женою и съ дѣтьми (а оттого, конечно, и со мною) онъ былъ полнѣйшій педантъ-филистеръ самой деспотической окраски, при чемъ, однакоже, обнаруживалъ также хорошія качества истаго бурша: чувство справедливости, сердечной доброты и остроумной шутливости. Изъ студенческихъ же слабостей сохранилъ онъ, къ сожалѣнію, вспыльчивость и „amor liquorum nonnullae efficacitatis“. Г-жа Хахфельдъ, съ своей стороны, владѣла всѣми пассивными и активными добродѣтелями идеальной нѣмецкой женщины: она была молчаливо-послушной супругою, превосходной экономкою и заботливой матерью многочисленнаго семейства.

Надъ отдѣленіемъ, которое занимало семейство Хахфельда, была квартира кандидата теологіи г. *Фрейтага,* младшаго учителя латинскаго и греческаго языковъ, молодаго еще человѣка лѣтъ 26 или 27. Онъ былъ пріемышемъ знаменитаго въ свое время проповѣдника, старшаго совѣтника рижской консисторіи (Ober-Consistorialrath) *Зонтага,* и намѣревался, по окончаніи университетскаго курса поступить въ пасторы. Но, будучи довольно пылкаго характера, онъ, какъ молодцоватый „буршъ“, нажилъ себѣ вызовъ на дуэль, въ которой злой его противникъ разсѣкъ ему такъ сильно лѣвую щеку и уголъ губъ, что остался весьма видный шрамъ. Вслѣдствіе этого ему пришлось отказаться отъ священнической карьеры и поступить въ ряды учителей.

Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ избранъ профессоромъ древнихъ языковъ при Главномъ Педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ.

Въ тѣхъ нѣмецкихъ городахъ, гдѣ имѣются университеты, господствующіе между студентами духъ и обычаи болѣе или менѣе переходятъ также и на гимназистовъ, которые, вѣдь, готовятся же раньше или позже поступить въ тотъ же университетъ. Конечно бываютъ разныя степени и виды этого подражанія, смотря по возрасту и по интеллектуальному развитію юношей. Главной чертой духа тогдашнихъ дерптскихъ студентовъ было нѣкое рыцарское молодечество съ маленькимъ оттѣнкомъ, пожалуй, нѣкотораго донкихотства; а между обычаями, перенятыми отъ иностраннаго (германскаго) студенчества, однимъ изъ наиболѣе выдававшихся былъ обычай подшучивать надъ вновь поступившими въ университетъ и испытывать ихъ насчетъ таившейся или отсутствовавшей въ нихъ „порціи“ храбрости и молодечества. Таковыхъ новичковъ почему-то называли (и понынѣ еще называютъ) „фуксами“ (Fuchs, лиса). И въ Дерптской гимназіи слѣдовательно господствовалъ обычай „die Füchse zu schrauben“, прессовать лисъ, т.-е. подтрунивать надъ ними. Наилюбимѣйшимъ пріемомъ таковаго „прессованія“ было извѣстное и на Руси „чествованіе“ качаніемъ на рукахъ, только съ тою разницею, что „фукса“ не просто только качали съ должной осторожностію, а наоборотъ, безъ всякой осторожности по нѣскольку разъ неровно и высоко подбрасывали на воздухъ, такъ что подбрасываемый того и жди, что ударится объ полъ.

Въ первый день моего появленія въ обществѣ „квартанеровъ“ *), они только искоса посматривали на меня, а въ паузахъ между лекціями разспрашивали: кто и откуда я? сколько мнѣ лѣтъ? гдѣ я прежде учился? и т. п. Иногда только кое-гдѣ слышалось: „Solch ein Knirps!“ — „Wie hat man den zu uns gelassen?“ (Такой мальчуганчикъ! Какъ это его къ намъ-то допустили!)

Но на другое утро, когда я, какъ и другіе, по установленному порядку, пришелъ въ классъ четверть-часомъ раньше начатія лекцій, всѣ прочіе ученики были уже собравшись и,

*) Quartani, Quartaner, ученики 4-го класса.

увидѣвъ меня, закричали: „den Fuchs prellen! den Fuchs prellen!“ *) Мое мѣсто, какъ послѣдне-поступившаго, было на самой задней скамейкѣ, близъ боковой стѣны, но отъ скамейки до задней стѣны оставалось много пространства. Едва успѣлъ я положить на столъ свой ранецъ, какъ нѣсколько рукъ сразу меня подхватили и подняли, другіе схватили ноги и подбрасывали. Но къ удивленію ихъ я не полетѣлъ кверху, а напротивъ, сталъ сильно размахивать ногами во всѣ стороны, такъ что державшіе ноги, не ожидая такого дѣйствія, невольно отступили. Дѣло было въ томъ, что когда меня схватили за туловище, чтобы поднять, я, какъ бывшій ученикъ ваккербартсрускаго гимнаста „онкеля Букка“, успѣлъ быстро обернуться и крѣпко обхватить обѣими руками шею ближайшаго противника, такъ что, когда прочіе подбрасывали мои ноги и тѣло, я, повиснувъ у него на шеѣ, началъ невольно прижимать ее и въ то же время брыкаться ногами. Когда же озадаченные квартанеры отступили и оттого мои ноги сами собою очутились на полу, тогда я расплелъ руки и выпустилъ шею совершенно обомлѣвшаго отъ испуга и боли товарища. Затѣмъ мигомъ вытащивъ изъ своего кармана ножикъ и раскрывъ его, я проскочилъ въ близкій отъ меня задній уголъ, сталъ къ нему спиною въ твердую позицію, и закричалъ (конечно по-нѣмецки): „Подойдите-ка только! Перваго, кто меня тронетъ, пырну ножемъ!“ — Все это произошло въ теченіе не болѣе одной минуты.

Въ этотъ самый моментъ раздался низкозвучный энергичный голосъ: „Оставить фукса въ покоѣ! Я беру его подъ свою защиту!“ — Всѣ, повинуясь, отошли отъ меня.

Это былъ самъ *Primus* (старшій по классу) *Григоръ фонъ Гельмерсенъ* **), брюнетъ лѣтъ шестнадцати, высокій и полный, съ выдающимся на смугломъ лицѣ ястрѣбинымъ носомъ. Онъ протянулъ мнѣ руку, въ которую я смѣло положилъ свою, и похвалилъ меня за находчивость, ловкость и силу.

Послѣ того подошли и прочіе, также протягивали руки и также хвалили находчивость фукса.

---

*) «Подбрасывать лису!»

**) Григорій фонъ Гельмерсенъ позже поступилъ въ Горный институтъ въ С.-Петербургѣ.

Когда же въ свое время явился учитель, всѣ мы спокойно сидѣли на своихъ мѣстахъ.

Съ тѣхъ поръ меня фуксомъ уже не считали, а относились ко мнѣ, какъ къ равному товарищу. Вообще должно признаться, что господствующій тогда въ нашей гимназіи духъ никакъ не былъ такого свойства, чтобы усмирять врожденныя мои наклонности къ воинственности, а напротивъ, еще пуще ихъ развивалъ. Когда по воскреснымъ или другимъ праздничнымъ днямъ наша „Кварта“, по предварительному соглашенію, собиралась на „Шпильбергѣ“, насупротивъ башенъ собора, то любимѣйшими нашими играми были или „атака“ или „турниръ“. Первая исполнялась слѣдующимъ порядкомъ. Раздѣлялись по жребію на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая выбирала себѣ предводителя. Партіи эти, ставши другъ противъ друга, на разстояніи десяти шаговъ, выстраивались въ плотныя шеренги, а каждый отдѣльный „воинъ“ скрестивъ руки на груди, выдвигалъ правое плечо впередъ. По данному предводителями сигналу, обѣ „боевыя“ линіи плавно сходились и начинали другъ друга пихать плечами. Задача состояла въ томъ, чтобы одна шеренга вытѣснила другую съ позиціи и отбросила ее шаговъ на пять назадъ. Руками тутъ дѣйствовать не дозволялось; члены воевавшихъ колоннъ должны были единственно дѣйствовать правымъ плечомъ. Побѣдители имѣли право садиться верхомъ на побѣжденныхъ, и тріумфальной кавалькадою объѣзжать кругомъ все пространство Шпильберга.

Когда же рѣшено было играть въ турниръ, тогда старшіе, слѣдовательно болѣе плотные и сильные, товарищи выбирали себѣ партнеровъ изъ младшихъ, которые должны были сѣсть первымъ на плечи; ноги сѣдока крѣпко поддерживались руками несшаго его. Сѣдокъ представлялъ „рыцаря“, несущій его — „боеваго коня“. Выбиралось трое судей и четыре „герольда“: судьи должны были рѣшать, на чьей сторонѣ побѣда, а герольды наблюдать за правильностью и честностью турнира. Порядокъ состязанія опредѣлялся по жребію, нумерами на билетикахъ, которые „рыцари“ вынимали изъ шапки старшаго судьи. Получившіе №№ 1-й и 2-й „рыцари“, выѣхавъ гордо на своихъ „коняхъ“, были поставлены герольдами такъ одинъ противъ другаго, чтобы солнечные лучи равною долею падали

на того и на другого бойца, а затѣмъ старшій судья махаиѣмъ платка подавалъ знакъ къ начатію состязанія. Тогда бойцы приближались другъ къ другу: каждый „конь“ толкалъ другаго плечами и тѣломъ, стараясь выбить его съ позиціи, а „рыцари“ схватывались руками и силились сбросить одинъ другаго съ коня. Послѣ №№ 1-го и 2-го, вступали въ бой №№ 3-й и 4-й, а потомъ №№ 5-й и 6-й и т. д. Дозволялось только схватываться руками, а толкать кулаками или же бить строго запрещалось. Когда что-либо подобное было пущено въ дѣло, то всѣ четыре „герольда“ тотчасъ бросались разнимать бойцовъ, и судьи „нечестно турнировавшаго рыцаря“ въ 1-й разъ объявляли побѣжденнымъ, а за 2-й разъ лишали права участвовать въ турнирахъ.

Случалось однакоже иногда, что уединенный Шпильбергъ служилъ не только ристалищемъ для рыцарскихъ турниров и воинственныхъ игръ, но также и полемъ дѣйствительныхъ сраженій, въ видѣ кулачныхъ боевъ между соединенными арміями Кварты и Квинты „классической“ гимназіи съ одной стороны и соединенными силами представителей „реальнаго направленія“, т.-е. учениковъ двукласснаго уѣзднаго училища (Kreisschule) съ другой стороны. Изъ этого видно, что горячій „споръ о преимуществѣ классической или реальной системы образованія юношества“ – весьма уже старый. Разница только въ томъ, что доводы и аргументы на Шпильбергѣ излагались съ каждой стороны гораздо горячѣе, а къ тому же въ весьма вѣскихъ и чувствительныхъ формахъ.

Нельзя не отдать справедливости основно-установленному тогда вообще въ Дерптской гимназіи методу преподаванія научныхъ предметовъ въ томъ, что послѣднее не налегало преимущественно и непосредственно на память, а старалось, сколь возможно удобопонятнымъ для юной еще силы уразумѣнія изложеніемъ и толкованіемъ вызвать въ обучаемыхъ живое воспринятіе. Большое, конечно, значеніе имѣетъ также индивидуальная оживленность самого преподавателя, потому что она невольно возбуждаетъ интеллектуальную силу учащихся къ дѣятельности, между тѣмъ какъ сухое, педантическое преподаваніе нѣсколько усыпляетъ, слѣдовательно ослабляетъ эту силу.

Г. Фрейтагъ, хотя и придерживался метода яснаго, удобо-

понятнаго толкованія, но не умѣлъ насъ достаточно оживлять: преподаваніе его отзывалось нѣкоторой педантической сухостью. Зато гг. *Хахфельдъ* (по географіи) и *Бубрихъ* (по исторіи) своими весьма оживленными, словно картинными изложеніями заставляли, какъ бы шутя, мое воображеніе отчетливо работать, такъ что все ими разсказанное, само собою, безъ труда укладывалось въ памяти. Не менѣе успѣшно шли уроки высшей ариѳметики и планиметріи у старшаго учителя г. *Соколовскаго*, потому что для этихъ предметовъ требуется работа не памяти, а соображенія, т.-е. здраваго смысла. Довольно оживленно также преподавалъ старшій учитель г. *Германнъ* уроки нѣмецкаго языка и въ особенности декламаціи; но у него былъ одинъ большой порокъ: онъ былъ уроженецъ города Дрездена, и выговаривалъ нѣмецкія слова какъ истый саксонецъ, напр. Kassenpup вмѣсто Gassenbub и т. п. Насчетъ же метрики онъ дѣйствительно, какъ говорится, „собаку съѣлъ“. Весьма слабо, напротивъ того, шли уроки русскаго языка у младшаго учителя г. *Тихвинскаго,* малоросса и бывшаго питомца Кіевской семинаріи. Правда, впрочемъ, что правила русскаго языка въ то время вообще преимущественно изучались практическимъ путемъ, помощью чтенія и анализа твореній новѣйшихъ писателей (Карамзина, Озерова, Гнѣдича, Крылова, Батюшкова, и только-что въ славу тогда входящаго Жуковскаго); но этимъ мы у г. Тихвинскаго не занимались.

А лучшей вообще русской грамматикою пока еще, кажется, считалось твореніе нѣмца на нѣмецкомъ же языкѣ: „Russische Sprachlehre von Dr. Wilhelm Tappe, Oberlehrer an der St. Peter-Pauls-Schule zu St. Petersbourg 1810. По этой грамматикѣ учили же и насъ въ Дерптской гимназіи*).

Сынъ упомянутаго выше г. Германна, Теодоръ, былъ почти двумя годами старше меня и сантиментально-поэтическаго настроенія. Вслѣдствіе прилежнаго изученія книги своего отца о метрикѣ греческихъ, латинскихъ и нѣмецкихъ стихотворцевъ, онъ пристрастился къ писанію виршей. Нашедши во мнѣ толикую же долю поэтической (хотя и не сантиментальной, а

*) Съ граматиками Н. Греча и А. Востокова я познакомился позже, въ 1828 г., когда я слушалъ лекціи профессора русской литературы г. Перевощикова.

болѣе къ веселому юмору клонящейся) натуры да нѣкую также страсть къ „виршествованію“, Теодоръ подружился со мною. А такъ какъ, по убѣжденію Теодора, главная суть стихотворства должна была заключаться въ „полномъ владѣніи всѣми возможными метрическими формами“, то мы съ нимъ и условились, всѣ наши разговоры, чего бы таковые не касались, всегда облекать въ различныя „по очереди“ метрическія формы, напр., одинъ день говорить все гексаметрами или дистихами, на другой день — тяжелыми Софокловыми анапестами, на третій Торквато-Тассовскими ottave-rime, на четвертый — стихами новѣйшихъ формъ à la Göthe, Schiller или Voss, и т. д.; и т. д.

Вотъ и начали мы, вмѣсто того напр., чтобы просто сказать: „Guten Morgen! wie hast du geschlafen?*)“ высокопарно другъ друга такъ „апострофировать:“

„Guten Morgen, mein Freund! es sei dir Phöbus geneiget!
„Hat dir die Göttin des Schlafs freundliche Träume gewährt?**)“

А иной разъ и такъ:

„Guten Morgen
„Sonder Sorgen
„Wünsch', o Freund, ich Dir!
„Glückt's zu thuhen
„Wohl zu ruhen,
„Ist's zur Freude mir!“***) и т. п.

Поупражнявшись въ теченіе почти года на таковомъ „парнасскомъ жаргонѣ“, мы съ Теодоромъ Германнъ получили такую рутину въ стихо- и риѳмо-плетеніи, что иной разъ даже крайне затруднялись говорить простою, обыкновенною рѣчью какъ всѣ прочіе смертные.

---

*) Доброе утро! какъ ты спалъ?

**) Доброе утро, мой другъ! будь Фебъ къ тебѣ благосклоненъ!
Сна богиня ль тебѣ сладковидѣнья дала?

***) Добро утро
Безъ заботы
Богъ пошли тебѣ!
Коль удался
Сонъ спокойный,
То отрадно мнѣ.

Тѣмъ временемъ наступилъ май мѣсяцъ 1824 года, а съ нимъ и годичные экзамены. Хорошо ихъ выдержавъ и будучи переведенъ въ „Терцію“, я поѣхалъ домой, въ Петербургъ, на каникулы.

Затѣмъ насталъ и августъ мѣсяцъ, а съ нимъ и новый учебный годъ. Не „квартанеромъ“, не „мальчуганомъ“ глядѣлъ и выступалъ уже я, а „юношей-терціанеромъ“, готовившимся, подъ руководствомъ самого директора гимназіи, г. д-ра Карла Розенбергера, читать и переводить „Caji Julii Caesaris commentarium de bello gallico“.

Прошло нѣсколько недѣль пока дошла и до меня очередь быть вызваннымъ къ переводу. Въ это полугодіе предполагалось пройти три послѣднія книги (VI—VIII) комментарія. Пока читалась VI-я книга, я свои переводы готовилъ по принятому искони обычаю, т.-е. въ прозѣ; но когда мы дошли до геройскаго возстанія Арвернскаго князя Верцингеторикса, духъ „піитическаго тщеславія“, зѣло меня искусивъ, натолкнулъ на мысль, подражать лавровѣнчанному поэту Торквату-Тассу и приготовить переводъ въ восьмистишіяхъ, которыя я твердо выдолбилъ наизусть.

Насталъ великій день ожидаемаго торжества, ибо по нѣкоторому, въ предшествующемъ урокѣ, сильному марганію глазами г. Розенбергера и грозному метанію взглядовъ въ мою сторону всѣ были увѣрены, что на сей разъ я непремѣнно буду вызванъ. И впрямь, едва г. Розенбергеръ занялъ свое мѣсто у каѳедры, какъ тотчасъ и возгласилъ: „Arnolde! Tibi hodie Caesaris commentarii continuationem germanicis nobis verbis reddere oportet. Ita, mi fili, incipe!“ *)

Я всталъ и началъ: „Libri septimi, capitulum quartum. Simili ratione ibi Vercingetorix, Celtilli filius, Arvernus“ **) и. т. д. Послѣ прочтенія оригинала надлежало дѣлать аналитическую переконструкцію, а когда и это было исполнено, послѣдовала команда: „Verte germanice“ ***).

---

*) «Арнольдъ! сегодня тебѣ слѣдуетъ переводить намъ на нѣмецкій языкъ продолженіе комментарія Цезаря. Итакъ, сынъ мой, начинай!»

**) Начало 4-ой главы седьмой книги означеннаго творенія въ оригиналѣ.

***) «Переводи по-нѣмецки».

Собравшись съ духомъ, я началъ не безъ нѣкотораго паѳоса и съ отчетливой скандировкой:

„Damals geschah'es, dass zu gleichen Zwecken,
„Vercingetorix, des Celtillus Sohn,
„Arverner, — um den Aufruhr zu erwecken"... *)

Далѣе — увы! — продолжать не удалось! Чуть-чуть не поперхнулся я даже на послѣднемъ словѣ, ибо предо мною стояла съ покраснѣвшимъ грознымъ лицомъ, быстро, какъ молнія, соскочившая съ каѳедры маленькая фигурка д-ра Розенбергера. „Halt! halt! genug!"**) оралъ онъ самымъ гнѣвнымъ голосомъ, почти дискантомъ. „Это какіе вы еще стихи изволите намъ рецитировать? какимъ это вы новымъ воспользовались ослинымъ мостомъ? ***) По окончаніи уроковъ приказываю вамъ оставатся туть до самаго вечера подъ арестомъ!"

„Г. директоръ!" взмолился я: „это не чужое, — это не съ ослинаго моста, — это мой собственный переводъ, — извольте посмотрѣть!" И я быстро, выхвативъ изъ кармана тетрадь, въ которой находилась черновая рукопись, со всѣми сдѣланными въ стихахъ поправками, представилъ ее ему.

Г. Розенбергеръ, успѣвъ нѣсколько успокоиться, взялъ тетрадь и сталъ читать про себя, мурлыкая: „Zwecken, — — erwecken, — — decken"; hm! — „Sohn — — schon, — — Thron", hm! — „erhalten, — — Gewalten", hm! ****) Потомъ сказалъ совершенно спокойнымъ уже, но нѣсколько насмѣшливымъ голосомъ: „Вижу, вижу, что стихи-то собственной вашей фабрикаціи, но рѣшеніе мое перемѣнить не могу. Pro primo: Юлій Цезарь своего комментарія стихами не писалъ, а pro secundo: еслибъ и писалъ его стихами, то уже навѣрно — не такими бы плохими виршами"...

---

*) „Во время оно, то жъ питавъ желанье,
„Верцингеториксъ, сынъ Цельтилла, самъ
„Арвернецъ, чтобы возжигать возстанье...

**) „Стойте! стойте! довольно!"

***) Ослинымъ мостомъ классическими педантами прошлаго вѣка былъ названъ всякій печатный переводъ творенія какого-либо античнаго автора. А почему дано такое названіе — само собою легко объяснимо.

****) Это онъ произносилъ слова составлявшія римы соотвѣтствующихъ строкъ перваго осмистишія злополучнаго моего перевода, сопровождая ихъ восклицаніями: *гмъ!*

Съ этого же втораго полугодія 1824-го года, въ награду за переходъ мой изъ Кварты въ Терцію, отецъ разрѣшилъ мнѣ не только вновь систематически заниматься фортепіанной игрою, но также и брать уроки пѣнія. Съ этой цѣлью г. Хахфельдъ пригласилъ лучшаго тогда въ Дерптѣ учителя, г. Августа Ф. Вейраухъ, родомъ саксонца. Какъ фортепіанистъ былъ онъ, кажется ученикомъ Лудвига Бергера, который съ своей стороны былъ ученикомъ Клементи. Пѣніе г. фонъ-Вейраухъ изучалъ у Ваккаи, а теорію музыки у Азіоли. Онъ былъ не только превосходнымъ музыкантомъ, но вообще многосторонне-образованнымъ человѣкомъ и даже нѣсколько выдающимся нѣмецкимъ поэтомъ. Изъ числа литературныхъ его произведеній драма „Die Stände von Blois“ была дана на дрезденской придворной сценѣ, а позже появилась и въ печати; а изъ музыкальныхъ его сочиненій романсъ (на собственныя слова) „Nach Osten hin, nach Osten“ получилъ большое распространеніе *).

Какъ учитель онъ выказалъ великую добросовѣстность, не безъ примѣси педантической строгости, при чемъ иногда горячился и доходилъ до ручной расправы. У меня, напр., ему, видно, въ особенности полюбился весьма густой тогда курчавый мой чубъ. Да проститъ его Богъ, ибо все-таки я многимъ ему обязанъ. Преимущественно хорошо умѣлъ онъ научить правильному положенію рукъ и методическому слѣдованію пальцевъ (doigter, аппликатура) и тщательно вырабатывалъ нормальную постановку голоса (mesa di voce). Лучшей и люби-

*) Текстъ этого романса былъ въ 20-хъ годахъ великолѣпно переведенъ В. А. Жуковскимъ на русскій языкъ, а мелодіею (съ русскимъ уже текстомъ „Къ востоку, все къ востоку“) воспользовался въ 30-хъ годахъ А. С. Даргомыжскій для прелестнаго его тріо (меццо-сопрано, теноръ и басъ). Въ 40-хъ годахъ появилось въ Парижѣ изданіе этого романса съ текстомъ Мг. *** „Adieu“, — при чемъ авторомъ музыки былъ выставленъ Францъ Шубертъ. Между тѣмъ ни въ вѣнскихъ (подлинныхъ), ни въ лейпцигскихъ (тщательнѣйшихъ) изданіяхъ полнѣйшаго сборника романсовъ Шуберта этой пѣсни нѣтъ, и, конечно, быть даже не могло. Каково же было мое удивленіе, когда въ 1871 году я въ Москвѣ увидѣлъ изданіе г. Юргенсона пѣсенъ Шуберта „подъ редакціею Н. Гр. Рубинштейна“, въ которомъ красовался также романсъ „Прости“ (въ переводѣ А. Н. Плещеева „Близка пора разлуки“) по стопамъ легкомысленнаго французскаго издателя столь же неосновательно приписанный Шуберту!!! Въ 1825-мъ году г. фонъ-Вейраухъ переселился въ Дрезденъ.

мѣйшей его ученицею считалась (какъ говорили тогда въ Дерптѣ) одна родственница профессора д-ра Мойера, пѣніе которой однакоже мнѣ слушать не приходилось.

10-го ноября получены были въ Дерптѣ первыя, не вполнѣ ясныя еще вѣсти о страшномъ 7-го числа наводненіи въ Петербургѣ и конечно сильно меня перепугали, потому что родители мои въ то время жили противъ новаго Адмиралтейства, на Мойкѣ, на углу Англійскаго проспекта (гдѣ нынѣ находится дворецъ Великаго Князя Алексѣя Александровича), а по распространившимся слухамъ, эта сторона также значительно пострадала. Дня черезъ два или три, наконецъ, появился въ Дерптѣ нумеръ St.-Petersburger Deutsche Zeitung съ подробнымъ описаніемъ наводненія, да и самъ я получилъ письмо отъ старшаго брата Александра. „Изъ Мойки, — писалъ онъ, — около обѣденнаго времени, т.-е. въ 4-мъ часу дня, на нашъ дворъ и въ садъ начала быстро приливать вода и поднималась все выше и выше, такъ что часа черезъ два дошла почти уже до балкона втораго этажа. Изъ сосѣдства притащились къ намъ нѣсколько семействъ съ своими пожитками. Отецъ во́-время еще успѣлъ пріѣхать изъ дворца, но колеса коляски до половины катились въ волнахъ. Отпряженныхъ лошадей кучеръ втащилъ вверхъ по парадной лѣстницѣ на площадку у входа въ квартиру“. Братъ Александръ, будучи задержаннымъ въ департаментѣ, вмѣстѣ съ другими чиновниками, живущими вблизи Офицерской и Екатерингофскаго проспекта, добылъ себѣ лодку, изъ которой и высадился онъ на балконъ нашего дома. Чтобы впустить его, пришлось выставить внутреннюю, зимнюю раму балконной двери. Сынъ же дяди Шпальте, Егоръ Густавовичъ, сослуживецъ Александра, жившій у отца, который пользовался помѣщеніемъ въ зданіи государственнаго банка, по набережной Екатерининскаго канала, нанялъ извощика съ дрожками малаго калибра, т.-е. съ такъ называемой „гитарою“. Пока онъ доѣхалъ по Невскому проспекту до Казанскаго моста, все болѣе и болѣе прибывавшая вода принудила его и возницу подняться и держаться на ногахъ. Когда же они повернули направо вдоль набережной канала, то имъ пришлось уже встать на самое сидѣніе, поддерживая другъ друга. Въ такомъ-то положеніи дотащились они шагомъ до банковскаго зданія, выходящаго

въ переулокъ, который ведетъ на Садовую, и встали подъ одно изъ оконъ квартиры. Тутъ молодой Шпальте постучалъ въ окно. Услыхавъ стукъ, отецъ отворилъ форточку и помогъ сыну влѣзть черезъ нее. Извощикъ же погналъ лошадку, сказавъ, что надѣется добраться до Измайловскихъ казармъ на свою квартиру.

XV.

Въ „Терціи“ началось вообще болѣе серьезное изученіе предметовъ, которые по этой причинѣ исключительно преподавались одними только „старшими“ учителями. По части латинскаго языка мы занимались у двухъ наставниковъ: у вышеупомянутаго директора *Розенбергера* и у г. *Мальмгрена*. Но первый считался какъ бы только адъюнктомъ, а главнымъ на самомъ дѣлѣ преподавателемъ латинскаго языка былъ второй. Г. *С. Мальмгренъ*, родомъ шведъ, имѣлъ весьма высоко въ то время чтимое званіе доктора филологіи всемірно славившагося Упсальскаго университета. Его выговоръ латинскаго языка звучалъ такъ элегантно и мелодично, какъ мнѣ позже не приходилось болѣе слышать ни отъ кого, не исключая даже многихъ знаменитыхъ германскихъ филологовъ *). Г. Мальмгренъ занимался съ нами четыре раза въ недѣлю по часу: два урока посвящались чтенію Овидіевыхъ „Метаморфозъ“, а другіе два урока изученію подробнаго синтаксиса. Чтеніе Овидіевой поэмы производилось весьма тщательно: г. Мальмгренъ, строго требовалъ, чтобы мы читали стихи Овидія

„Не такъ какъ понамарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“,

да съ соблюденіемъ точнаго ритма стиховъ. Послѣ перевода какого-нибудь предложенія, особенно выдающагося поэтическими метафорами, мы должны были передать его по-латынѣ же, другою конструкціею и другими словами. А словосложеніе

*) Изъ числа всѣхъ латинистовъ, съ которыми впослѣдствіи свела меня судьба, по сужденію (музыкальнаго) моего слуха, къ д-ру Мальмгрену, относительно именно-то образцоваго выговора, ближе всего подходили только бывшій профессоръ Берискаго университета д-ръ философіи *Людвигъ Эккартъ* (уроженецъ г. Вѣны), да славный нашъ соотечественникъ, профессоръ прежде Московскаго, а нынѣ Новороссійскаго университета, д-ръ филологіи *Ѳеодоръ Евгеніевичъ Коршъ*.

преподавалъ г. Мальмгренъ не только теоретически, но и практически, заставляя насъ сочинять письма и коротенькія статейки. Вызванные переписывали на доску свои произведенія, а остальные должны были критиковать да поправлять. Однимъ словомъ, г. Мальмгренъ училъ насъ такъ-называемому „мертвому“ языку, какъ хорошими преподавателями принято учить „живымъ“, т.-е. современнымъ языкамъ.

Равномѣрно любили мы также уроки исторіи у г. *Хахфельдъ*, который своимъ лекціямъ умѣлъ придавать особенное оживленіе своимъ поэтическимъ направленіемъ. Въ подходящіе моменты онъ читывалъ намъ (конечно въ нѣмецкомъ переводѣ) относящіяся къ предмету мѣста изъ произведеній древнихъ поэтовъ или лѣтописцевъ.

Такъ, напр., говоря о древнихъ египтянахъ и ассирійцахъ онъ читывалъ намъ повѣствованія Геродота; упоминая о троянской войнѣ, приводилъ отборныя мѣста изъ Иліады Гомера; исторія Эдипа и его сыновей сопровождалась сценами изъ трагедій Софокла и Эсхила. Съ подробностями войнъ эллиновъ съ персами онъ насъ знакомилъ помощью Ѳукидида; съ характеристикою нѣкоторыхъ позднѣйшихъ героевъ — приведеніемъ мѣстъ изъ Плутарха; съ нравами аѳинянъ времени Перикла, — чтеніемъ изъ комедій Аристофана и т. п. Также и для вящшаго разъясненія средней исторіи онъ умѣлъ находить подходящій поэтическій матеріалъ. Исторія Карла Великаго иллюстрирована была имъ чтеніями изъ „Хроники“ епископа Григорія Турскаго и изъ „Пѣсни о Роландѣ“ *). Повѣствованіе объ окончательномъ дѣленіи владѣній Карла Великаго на Германію и Францію въ 842 г. сопровождалось сообщеніемъ въ оригинальныхъ нарѣчіяхъ торжественныхъ клятвъ Людовика Германца и Карла Лысаго, произнесенныхъ ими въ присутствіи ихъ воиновъ, на Страсбургскомъ полѣ **); кровавая борьба англійскихъ принцевъ Бѣлой и Алой розы добавлялась отрывками изъ трагедій Шекспира, (въ переводѣ Шлегеля); характеристика императора Максимиліана I, разъяснялась мѣ-

*) „Das Rolandslied“, сочиненіе священника Конрада (Pfaffe Konrad) около 1175 года, подражаніе еще болѣе древней французской (франко-галльской) эпопеи.

**) Первый произнесъ клятву на франко-галльскомъ, второй на франко-германскомъ языкѣ.

стами изъ старинной поэмы „Theuerdank“ *), и т. д. Иногда г. Хахфельдъ приносилъ съ собою какую-нибудь средневѣковую хронику и читалъ намъ уже прямо изъ нея разсказы объ историческихъ происшествіяхъ, такъ что послѣднія, въ передачѣ ихъ на современномъ имъ нарѣчіи, получали какую-то особенную, увлекательную окраску. Во мнѣ же спеціально съ тѣхъ поръ и возродилась особенная страсть къ древнимъ трактатамъ и хроникамъ, такъ что и понынѣ еще не могу равнодушно видѣть лежащій на столѣ какой-нибудь, стариною отзывающійся, фоліантъ; невольно порываюсь открыть и хоть мелькомъ просмотрѣть его.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1825 года умерла г-жа Хахфельдъ, а вслѣдствіе того домашняя обстановка этого семейства совершенно измѣнилась, такъ что г. Хахфельдъ не нашелъ болѣе ни удобнымъ, ни даже возможнымъ содержать у себя пансіонеровъ. По его же рекомендаціи я былъ помѣщенъ въ семейство пастора-адъюнкта г. Юлія Бубрихъ, младшаго брата, вышеупомянутаго гимназіальнаго учителя. Новый мой попечитель жительствовалъ неподалеку отъ гимназіи. Семейство его состояло изъ жены, сына Теодора, однихъ почти со мною лѣтъ, малютки дочери и пансіонера-гимназиста Генр. Тондорфъ. Послѣдняго я уже зналъ, такъ какъ онъ хотя и двумя годами старше меня, былъ моимъ товарищемъ по „Терціи“. Молодой же Бубрихъ былъ „квартанеромъ“ и весьма пустымъ малымъ.

Г. пасторъ былъ мужчина лѣтъ подъ-сорокъ, брюнетъ, небольшаго роста, съ полнымъ румянымъ и довольно пріятнымъ лицомъ, окаймленнымъ баккенбардами и съ кругленькимъ, какъ нѣмцы говорятъ, „поповскимъ брюшкомъ“ (Pfaffenbäuchlein). Человѣкъ онъ былъ, можно сказать, разносторонне-образованный и обладалъ свѣтскими манерами тогдашнихъ лифляндскихъ нѣмцевъ интеллигентной сферы. Кромѣ того онъ очень любилъ музыку, съ литературою которой онъ былъ хорошо знакомъ, даже имѣлъ отборную музыкальную библіотеку, порядочно игралъ на фортепіано и пѣвалъ, не безъ вкуса, изряднымъ теноркомъ. Характера пасторъ Бубрихъ оказался мягкаго, а нрава веселаго, и вообще былъ милый, любезный

*) Поэма Мельхіора Пфинцингеръ, секретаря самого Максимиліана, сочиненная около 1515 года.

человѣкъ. Но такъ какъ на земномъ нашемъ шарѣ совершенствъ не бываетъ, то и у добраго нашего Юлія Бубриха нашелся маленькій недостаточекъ: онъ любилъ нѣсколько лелѣять свой мамончикъ и не имѣлъ даже силы отказать ему въ какой-нибудь сласти, что̀ иногда давало поводъ къ довольно забавнымъ сценамъ. Такъ, напр., я помню, разъ онъ возвратился домой изъ уѣзднаго училища, гдѣ онъ состоялъ преподавателемъ Закона Божія. Столъ къ обѣду былъ уже накрытъ, и мы всѣ стояли у своихъ стульевъ, выжидая появленія главы дома, перемѣнявшаго въ своей спальной выходное платье на домашній костюмъ. Наконецъ, выходитъ г. пасторъ и говоритъ меланхолическимъ голосомъ: „Садитесь, садитесь, мои любезные! Ты, мамочка, — обращается онъ къ женѣ, — разливай супъ, а я пока около васъ похожу. Мнѣ что-то не совсѣмъ можется“. — „Ахъ!“ восклицаетъ пасторша, придавая своей физіономіи соотвѣтственное выраженіе: „надѣюсь, что не опасно? Да, ужъ очень некстати!“ — „А что?“ любопытствуетъ г. Бубрихъ. — „А то“, отвѣчаетъ она, „что сегодня какъ разъ любимый твой супъ: mok-turtle! *) — не изготовить ли тебѣ наскоро хоть овсянаго отвара?“ — „Брръ!“ слышится со стороны мужа, „нѣтъ, душечка; налей мнѣ немножко mok-turtle, ну съ полтарелочки или хоть неполную тарелку; попробую, авось не повредитъ!“ И садится нашъ хозяинъ, и хотя все еще по временамъ охаетъ, а между тѣмъ налитая ему заботливою хозяйкою преполная даже порція черепашьей похлебки исправно опоражнивается. Но вотъ нашъ пасторъ встаетъ и опять прохаживается, охая. Между тѣмъ кухарка ставитъ на столъ второе уже блюдо. Хозяйка приступаетъ къ раздаванію поданнаго. Г. Бубрихъ пошевеливаетъ носомъ и вдыхаетъ въ себя несущійся ему навстрѣчу ароматъ. „Мамочка, это, кажется, фрикассе изъ зайца?“ — „Да, папочка, фрикассе изъ зайца“. — Хозяинъ все еще похаживаетъ, пока намъ раздаютъ, но похаживаетъ уже въ раздумьѣ; наконецъ не вытерпѣлъ: „Дай-ка, мамочка, кусочекъ и мнѣ. Попробую; авось не повредитъ!“ А на его тарелкѣ лежатъ уже два-три кусочка. Когда онъ съ ними покончилъ, то спросилъ уже самъ: „А третьимъ блюдомъ-то что у тебя?“ —

*) Черепашій супъ.

„Kirschtörtchen“ (пирожки съ вишневой начинкою). — „Знаешь что, мамочка, ты положи мнѣ немножко, а я пока подкрѣплю себя рюмочкой малаги; тогда оно будетъ безопаснѣе“. Сказано — сдѣлано, а между тѣмъ нѣжная супруга накладываетъ на его тарелку съ два десятка пирожковъ! — Ничего! недугъ г. Бубриха прошелъ безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій.

Хотя и была у пастора Бубриха эта маленькая слабость, но вообще мы съ нимъ прекрасно ладили. Къ тому же, такъ какъ въ книгѣ судебъ человѣческихъ вѣроятно въ то уже время мнѣ было написано сдѣлаться современемъ серьезнымъ музыкантомъ, то для раціональной подготовки къ этому поприщу едва ли можно было тогда найти болѣе подходящихъ руководителей для меня какъ двухъ братьевъ Бубрихъ. Выше уже я упоминалъ, что у пастора Бубриха была довольно отборная музыкальная библіотека и что самъ онъ порядочно игралъ на фортепіано, да пѣлъ теноромъ. Братъ же его владѣлъ довольно хорошимъ басомъ и сносно игралъ на скрипкѣ. Товарищъ мой, Тондорфъ, могъ, въ случаѣ необходимости, справляться съ баритонными партіями, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, а у меня былъ довольно объемистый, и моимъ маэстро Вейраухомъ нѣсколько уже выработанный, альтъ. У насъ нашелся даже сильный и высокій (хотя правду сказать, нѣсколько пискливый) сопрано, въ лицѣ двоюродной сестрицы нашей г-жи пасторши: она была учительницей городскаго женскаго училища (Städtische Töchterschule), дѣвица „необъявимыхъ лѣтъ“, но съ музыкальнымъ инстинктомъ и безъ чопорныхъ претензій. Такимъ образомъ, по вечерамъ, въ воскресенье и праздничные дни уже непремѣнно, а иногда и въ будни, составлялись свои концерты, по большей части экспромтомъ, т.-е. безъ всякаго приготовленія и безъ напередъ установленной программы. Исполнялись симфоніи Гайдна и Моцарта*) и увертюры тогдашняго репертуара (западной Европы) въ переложеніи для фортепіано въ 4 руки; это выпадало на долю г. пастора вмѣстѣ со мною. Сонаты тѣхъ же вѣнскихъ двухъ классиковъ, преимущественно для скрипки съ фортепіано, откачивали два брата Бубрихъ, а иногда и я замѣ-

*) Творенія Бетховена въ то время даже и въ Германіи находили себѣ весьма малое только еще распространеніе.

нялъ пастора-піаниста. Но преимущественно интересовали насъ исполненія (a prima vista) ораторій и оперъ, потому что въ этомъ участвовала вся честная компанія. Боже мой, чего только мы не перепѣвали въ теченіе полутора года. Тутъ были оперы и до-Моцартовской даже эпохи, и французской школы раньше Бойельде, и творенія послѣднихъ годовъ до Фрейщюца включительно. Изъ ораторій, кромѣ двухъ знаменитѣйшихъ твореній Гайдна, я такимъ образомъ познакомился также съ произведеніями: Грауна (Der Tod Jesu), Фридр. Шнейдера (Das Weltgericht), съ многоголосной кантатою Линдпайнтнера (Te Deum) и съ мелодрамою Георга Бенды (Ariadne auf Naxos). Что между пѣтыми нашимъ кругомъ операми были сочиненія Глюка (Alceste, Orpheus, Armida и обѣ Ифигеніи), Моцарта (Zauberflöte, Titus, Die Entführung aus dem Serail, Idomeneus), Керубини (Der Wasserträger, Lodoïska), Спонтини (Die Vestalin), Россини (Der Barbier von Seviglia, Der glückliche Betrogene, Aschenbrödel, Die diebische Elster) и Вебера (Abu-Hassan oder die drei Wünsche, Preziosa, Der Freischütz), конечно, никого не удивитъ, хотя и межъ этими операми встрѣчаются такія названія, которыя изрѣдка только доходятъ до свѣдѣнія нынѣшнихъ любителей музыки. Но на нашихъ домашнихъ концертахъ распѣвались и такія оперы, про которыя нынѣ даже изъ настоящихъ музыкантовъ развѣ двумъ-тремъ только случалось кое-гдѣ прочесть, но которыя въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ довольно часто встрѣчались въ репертуарѣ первѣйшихъ европейскихъ театровъ. Такъ какъ свѣдѣнія объ этомъ репертуарѣ могутъ пополнить понятіе о музыкальномъ вкусѣ тогдашней публики, то я сообщаю здѣсь названія тѣхъ оперъ въ томъ же порядкѣ, какъ они записаны на старыхъ моихъ памятныхъ листкахъ: Ditters von Dittersdorf (Der Betrug durch Aberglauben, Die Liebe im Narrenhause); Jos. Weygl (Der Bergsturz, Die Schweizerfamilie); Cimarosa (Die heimliche Ehe); Naumann (Cora); Abt Vogler (Zamori, Hermann von Unna); Paisiello (Nina oder die Wahnsinnige aus Liebe, Die Herrin als Dienerin); Joh. Adam Hiller (Die Jagd; Die Liebe auf dem Lande; Der Erndtekranz); P. v. Winter (Die Pyramiden von Babylon, Das unterbrochene Opferfest, Der Sturm); Catel (Die Bayaderen); Mehul (Joseph in Egypten); Vincenz Martin (Cosa rara); Simon

Mayer (Telemach); Monsigny (Die Königin von Golkonda); Paër (Camilla); Grétry (Richard Löwenherz); Boyeldieu (Benjowskij; Tantchen Aurora); D'Alayrac (Die Zwei Savoyarden; Adolph und Clara, oder die beiden Gefangenen) *). Крайне интереснымъ и совершенно для меня новымъ родомъ музыки показались мнѣ баллады Іоанна Рудольфа Цумштега (Zumsteeg): „Ritter Toggenburg"; „Die Büssende"; „Die Entführung"; „Leonore"; „Des Pfarrers Tochter von Taubenhayn". Впослѣдствіи (въ 1839 г.) это случайно пріобрѣтенное знакомство съ формою музыкальной баллады оказалось даже весьма практически-полезнымъ для меня.

Но большее еще вліяніе вообще на интеллектуальное мое развитіе имѣло слѣдующее обстоятельство. Лѣтъ за десять предъ тѣмъ, по предложенію вышеупомянутаго старшаго учителя Германна, была устроена гимназіальная библіотека для чтенія, которая поддерживалась и ремонтировалась изъ суммъ, собираемыхъ по ежегодной добровольной подпискѣ не только учениковъ, но и учителей. Эта библіотека помѣщалась въ самомъ зданіи гимназіи и состояла подъ надзоромъ и управленіемъ директора и двухъ учителей. Послѣдніе исполняли вмѣстѣ съ тѣмъ (безплатно) должность библіотекарей и засѣдали каждую субботу отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ въ библіотекѣ для раздачи гимназистамъ желаемыхъ и принятія обратно возвращаемыхъ ими книгъ. Должность эта была весьма логично возложена на двухъ учителей господствующаго, т.-е. нѣмецкаго, языка: гг. Германна и Бубриха (брата пастора). Но главнѣйшая суть дѣла не въ томъ, что оба эти достойные педагоги аккуратно записывали выдаваемыя и возвращаемыя книги, а въ томъ, что, соображаясь со степенью умственнаго развитія каждаго изъ учениковъ, они охотно и съ теплымъ даже участіемъ руководили ихъ въ выборѣ книгъ, и къ тому же безъ всякаго педантизма. Мнѣ лично было весьма удобно пользоваться просвѣщенными и на широко-поэтическомъ пониманіи основанными совѣтами старшаго г. Бубриха (т.-е. учителя), который, будучи холостякомъ, хотя и жилъ на отдѣльной квартирѣ, но обѣдалъ

*) Не должно удивлять, что въ этомъ спискѣ всѣ оперы, даже французскихъ и италіанскихъ маэстро, обозначены нѣмецкими названіями: я передаю послѣднія такъ, какъ онѣ значились на тѣхъ изданіяхъ, которыя были у пастора Бубриха, и какъ мы привыкли ихъ называть.

ежедневно у своего брата и проводилъ съ нами же свои вечера. Онъ всегда съ величайшею готовностью объяснялъ намъ, пасторскимъ пансіонерамъ, всѣ вопросы, съ какими мы къ нему обращались относительно какого-либо научнаго предмета. Такъ и насчетъ выбора для чтенія литературныхъ произведеній онъ мною руководилъ весьма раціонально и указывалъ сначала на болѣе легкихъ авторовъ, не забраковывая однако и тогдашнихъ модныхъ романистовъ и нувеллистовъ не только въ родѣ Вальтера Скотта, Іоганны Шопенгауеръ *), Вилибальда Алексиса, Амедея Гофмана, Ламотъ-Фуке, Гауфа, Шамиссо и т. п., но даже и въ родѣ Каролины Пихлеръ и Клаурена. Точно такъ же и изъ стихотворныхъ произведеній онъ давалъ мнѣ читать сначала лирическія: Бюргера, Теод. Кёрнера, Шенкендорфа, Уланда и т. п., а затѣмъ уже Шиллера, Гёте, да эпопеи Гёте же (Hermann und Dorothea), Фосса, Тассо, Аріоста и т. п., а драмы и трагедіи великихъ германскихъ, испанскихъ и англійскихъ поэтовъ я проходилъ не раньше какъ чрезъ два года. Съ Фаустомъ—Гёте, да съ Жанъ-Пауломъ, Мильтономъ, Петраркою, Данте и пр. познакомился я только будучи уже студентомъ. И опять-таки выходитъ, что въ нормальномъ развитіи юношества весьма важную роль играютъ педагогическій талантъ и душевное настроеніе наставниковъ и преподавателей.

По случаю предстоявшаго, въ день 18-го декабря, одного экстреннаго семейнаго празднества, отецъ мой чрезъ профессора Паррота заранѣе исходатайствовалъ мнѣ отъ директора гимназіи дозволеніе выѣхать на рождественскіе праздники гораздо раньше обыкновеннаго отпускнаго срока. Положено мнѣ было отправиться 12-го декабря; и такъ, какъ разрѣшеніе послѣдовало уже въ половинѣ ноября, то я съ нетерпѣніемъ считалъ истекающіе дни и часы до ожидаемаго отъѣзда. Въ самое это время, въ исходѣ почти уже ноября, пришла совершенно неожиданная печальная вѣсть, что Государь Императоръ Александръ Павловичъ скончался въ Таганрогѣ 19 числа. Тотчасъ же по всѣмъ церквамъ были отслужены панихиды, а на другой день всѣ профессора университета и учителя гимназіи, а также и всѣхъ прочихъ училищъ, состоявшіе въ русскомъ подданствѣ, собрались въ большой

*) Матери «пессимиста» послѣдующей эпохи — Артура Шопенгауера.

актовой залѣ университета для принесенія вѣрноподданической присяги новому Государю Императору, бывшему Великому Князю Цесаревичу, Константину Павловичу.

Приказаніе это, какъ тогда всѣ говорили, послѣдовало отъ Правительствующаго Сената, по распоряженію молодаго Великаго Князя Николая Павловича, который, за отсутствіемъ въ Петербургѣ новаго Государя Императора, имѣвшаго дотолѣ въ качествѣ Намѣстника Царства Польскаго постоянное свое мѣстопребываніе въ Варшавѣ, принялъ за него начальство въ столицѣ. Самъ же Великій Князь, по общему разсказу, тотчасъ по полученіи вѣсти о кончинѣ Государя Императора Александра I, былъ первымъ, который присягнулъ въ вѣрноподданствѣ старшему Августѣйшему своему брату Цесаревичу.

Самая-то внезапная кончина столь боготворимаго своими подданными Царя, конечно, повергла всѣхъ въ неописуемое глубокое гореваніе, но никому и въ голову не пришло, что принесенная, по общему, всею Россіею тогда предполагаемому, законному порядку наслѣдія престола, присяга была преждевременна, и что она будетъ отвергнута самимъ Цесаревичемъ. И впрямь, всюду, повидимому по крайней мѣрѣ, царили полнѣйшее спокойствіе и обычный общественный порядокъ.

Итакъ ничто не препятствовало мнѣ отправиться домой, какъ предположено было, въ день 12-го декабря, такъ что 13-го декабря къ вечеру я былъ уже въ объятіяхъ своихъ родныхъ.

На другое утро, вставъ въ 9 часовъ, мы услышали отъ поднявшейся уже, противъ своего обычая, матушки, что ночью къ отцу прискакалъ курьеръ съ приказаніемъ, прибыть ровно къ 9-ти часамъ въ придворную контору, въ парадной формѣ, для присяги на вѣрноподданство новому уже Государю Императору Николаю Павловичу, такъ какъ Великій Князь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ отказался отъ наслѣдія престола. Все это было такъ ясно и естественно, что не было никакого, хотя бы и малѣйшаго, повода для какого-либо душевнаго безпокойства. А потому матушка безъ всякаго сопротивленія разрѣшила мнѣ ѣхать къ бабушкѣ на Васильевскій островъ. Туда извощикъ повезъ меня чрезъ Неву (противъ 9-й линіи). У бабушки я встрѣтилъ Егора Шпальте, съ которымъ мы вмѣстѣ въ 1-мъ часу и отправились навѣстить

мою замужнюю сестру Юнгъ-Стиллингъ*), жившую на Гороховой улицѣ, между Адмиралтейской площадью и Малой Морской. Дорога туда намъ предстояла чрезъ существовавшій въ то время Исаакіевскій мостъ, мимо Сенатскаго зданія и монумента Петра Великаго. Когда мы доѣхали почти уже къ концу моста, мы наткнулись на стоявшій тутъ постъ солдатъ, которые насъ дальше не пустили. „Нельзя!“ да и только, безъ дальнѣйшихъ объясненій. „Да намъ неподалечку, въ Гороховую!“ возразили мы. — „Сказано: нельзя!“ отвѣчалъ старый унтеръ-офицеръ, „не велѣно!“ — „Да какъ же быть-то намъ?“ спрашивали мы: „вѣдь совсѣмъ близко!“ — „Нельзя!“— Тутъ мы замѣтили, что пѣшеходовъ не задерживаютъ. Мы снова адресовались къ унтеру: „А пѣшкомъ дозволено пройти?“ — „Пѣшкомъ ничего, пѣшкомъ можно!“ Нечего было дѣлать: отпустили мы извощика и пошли пѣшкомъ.

Хотя вся эта случившаяся съ нами процедура крайне озадачила Егора Шпальте и меня, хотя мы вообще никакъ не могли себѣ объяснить, съ какой это стати собрались полки именно въ этомъ мѣстѣ, тогда какъ (по объясненію Шпальте) недѣль около двухъ тому назадъ всѣ гвардейскія части присягали въ своихъ казармахъ, но мы все еще были далеко отъ настоящей догадки. Между тѣмъ, сколько мы ни торопились, а движеніе впередъ становилось все труднѣе: съ площади около монумента и тянувшейся вокругъ строившагося Исаакіевскаго собора дощатой ограды нахлыновали все болѣе и все гуще толпы народа. Вмѣсто того, чтобы намъ хотя какънибудь выйти на площадь противъ Вознесенскаго проспекта, волны этого людскаго океана, въ которомъ бушевало вѣрно ужъ нѣсколько тысячъ головъ, тѣснили насъ все ближе и ближе къ самому зданію Адмиралтейства. Я обѣими руками прицѣпился къ лѣвой рукѣ Шпальте, который года на четыре былъ старше меня. „Протѣснимся-ка ужъ лучше къ воротамъ Адмиралтейства; тамъ все-таки свободнѣе“, предложилъ мой спутникъ. И начали мы дружнымъ натискомъ пропихиваться, такъ, что наконецъ достигли самой стѣны зданія, какъ разъ

---

*) Мужъ ея Ѳедоръ Юнгъ-Стиллингъ былъ сынъ знаменитаго нѣкогда мистика, гейдельберскаго профессора Юнгъ-Стиллинга, друга Гёте, Гердера, пресловутой г-жи фонъ-Крюденеръ и министра почтъ князя А. Н. Голицына.

подъ лѣвую изъ двухъ нишъ съ атлантами. Тутъ вздохнули мы уже посвободнѣе и стали оглядывать стоящихъ вблизи: это большею частью были люди средняго сословія, въ общеевропейской одеждѣ, да кой-какія лица въ лисьихъ тулупахъ, съ смирными, хотя и съ столь же испуганными, тревожными физіономіями, какъ и всѣ мы прочіе. Видно было, что это либо лавочники, либо ремесленики. Какъ разъ около насъ, прижавшись другъ къ другу, стояла группа изъ трехъ лицъ такого типа: сѣдовласый старикъ, молодецъ лѣтъ 30-ти и молодая женщина.

Съ Сенатской площади неслись неистовые, буйные крики; что̀ это именно кричали, нельзя было хорошенько разобрать.

„Дѣдушка! а дѣдушка! почтеннѣйшій!“ обратился Шпальте къ старику: „что это они орутъ? что все это значитъ?“

„Да вотъ давеча“, сообщилъ старикъ, „какъ мы вонъ тамъ около „мунаминта“-то проходили, московцы*) баили, будто хотятъ обидѣть Государя, кому намеднись мы присягнули; корону, значитъ, Богомъ данную, отнять у него. Вотъ они и кричатъ „ура“ Константину Павловичу: допущать его до обиды-то имъ нежелательно“.

„Да это все ложь“, разсердился Шпальте: „Цесаревичъ самъ отказался; письмо съ курьеромъ Сенату прислалъ прошлой ночью“.

„Такъ-то, такъ, милый господинъ! И самъ батюшка митрополитъ имъ то же самое говорилъ, и генералъ-губернаторъ нашъ, графъ Милорадовичъ; да поди-тка, не вѣрятъ! И высокопреосвященнѣйшаго напугали, едва успѣлъ уйти къ собору. А бѣднаго Милорадовича-то такъ-таки уложили. Я самъ видѣлъ, какъ онъ съ лошади-то упалъ“.

„Да баили еще“, вмѣшался тутъ молодецъ, искоса насъ оглядывая, „что Государь-то Константинъ Павловичъ съ аршавской своей-то съ гвардіей сюда идетъ расправу творить, и что ужъ онъ у Пулкова“.

„И супруга ихняя тоже съ ними“, прибавила робко молодая женщина.

„Да-съ! точно-съ и супруга Государева“, уже оживленнѣе

---

*) Т.-е. солдаты Московскаго полка.

сказалъ молодой парень; „вотъ, почему солдатики тѣ и кричатъ, кто Константинъ, а кто и Конституція!“

„Какъ конституція?“ воскликнулъ Шпальте: „да это вовсе не то значитъ!“

„Нѣтъ, господинъ милый! Это должно быть точно есть имя такое — то, значитъ Государева супруга!“

Вдругъ съ лѣвой стороны, на Дворцовой площади раздалось громогласное „ура!“ Въ первый моментъ мы съ Шпальте вздрогнули; но это „ура“ звучало совершенно другимъ тономъ: оно звучало свѣтло, тепло, радостно! Изъ любопытства мы взлѣзли въ находящуюся надъ нами нишу и присѣли около статуи атланта. Голые стволы деревьевъ на бульварѣ не очень-то мѣшали, такъ что чрезъ головы стоявшаго внизу народа все-таки довольно ясно можно было видѣть, что происходило на плацу. Видны были войска отчасти въ мундирахъ, отчасти же и въ шинеляхъ, разставленныя близъ дворца и вдоль бульвара и около угла Невскаго проспекта, а по серединѣ масса толпившагося народа, между которой выдавались треугольныя шляпы съ бѣлыми султанами. Крики „ура“ повторялись нѣсколько разъ, и каждый разъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчалось живое движеніе въ упомянутой толпѣ по срединѣ Дворцовой площади. На другой день ходила молва о томъ, что молодой Царь цѣловался тамъ съ окружавшимъ его добрымъ народомъ. Потомъ вся эта масса гражданъ исчезла изъ глазъ и видны были только густые ряды солдатъ, а въ срединѣ юный монархъ, окруженный генералами. Вскорѣ затѣмъ Императоръ показался верхомъ, а около него еще нѣсколько лицъ также на лошадяхъ, и всѣ они медленно направлялись впередъ къ Сенатской площади.

Тамъ въ это время тоже оказалась перемѣна: около забора строившагося храма тѣснилась весьма густая масса самаго чернаго народа, судя по одеждѣ на фигурахъ, а впереди ихъ волновались въ безпорядкѣ шеренги солдатъ, которыхъ вначалѣ тамъ не видно было. Внизу подъ нами находившіеся, какъ и мы, невольные зрители говорили, что это вновь прибыли роты гвардейскаго экипажа.

Противъ насъ же, вдали, по Гороховой улицѣ и по Вознесенскому проспекту, показались новые отряды пѣхоты. Императоръ Николай Павловичъ со свитою, частію верхомъ, частію

пѣшкомъ, тѣмъ временемъ все понемногу подвигался и уже поравнялся съ зданіемъ Губернскаго Правленія, какъ вдругъ, остановившись со всею своею свитою, посторонился, а мимо него промаршировала рота солдатъ, которая направилась къ мятежникамъ около Петровскаго монумента и тамъ, вставъ, повернулась лицомъ къ той сторонѣ, гдѣ стоялъ Государь Императоръ. Вслѣдъ за тѣмъ послышались по всей линіи бунтовщиковъ дикіе крики: „ура Константину!“ а гдѣ и „ура Конституціи!“ Это всѣхъ насъ озадачило.

Императоръ же Николай Павловичъ, какъ будто ничего особеннаго не было, подвигался спокойно все дальше впередъ, и поравнялся уже почти съ домомъ князя Лобанова, когда прибыли на плацъ подошедшія изъ Гороховой и съ синяго моста войска. Государь подъѣхалъ къ нимъ и что-то имъ сказалъ, на что солдаты отвѣтили восторженнымъ „ура!“ Императоръ во главѣ ихъ подвинулся еще болѣе впередъ, почти вплоть до линіи мятежниковъ, и что-то говорилъ послѣднимъ; а потомъ, когда со стороны ихъ повторялись все тѣ же безумные крики, то повернулъ лошадь и медленно отъѣхалъ немного назадъ*). Около Лобанова дома и позади забора храма св. Исаакія показались эскадроны Конной гвардіи. Послѣдовавшихъ затѣмъ моментовъ въ подробностяхъ нынѣ уже не помню; но очень твердо осталось въ моей памяти, что я видѣлъ, какъ, прежде чѣмъ стоявшія на Адмиралтейской площади вѣрныя части гвардіи и подъѣхавшая между тѣмъ артиллерія начали дѣйствовать, молодой царь два раза еще приблизившись къ мятежникамъ, ихъ увѣщевалъ. Не раньше какъ послѣ третьяго увѣщанія, когда раздававшіеся въ отвѣтъ буйные крики сопровождались даже ружейными выстрѣ-

*) На другой день ходили о томъ различные слухи: нѣкоторые разсказывали, будто какой-то переодѣтый офицеръ (поручикъ Каховскій), другіе же будто какой-то статскій (учитель и поэтъ Вильгельмъ Кюхельбеккеръ), стоявшій близъ того мѣста, гдѣ сходились ряды экипажъ-гвардіи съ рядами Московскихъ ротъ, два раза поднималъ пистолетъ, чтобы стрѣлять въ Царя, но что оба раза стоявшіе около него старые солдаты изъ числа бунтовщиковъ же сильно ударили его по рукѣ такъ что онъ долженъ былъ опустить пистолетъ. Потомъ же оказалось, что Кохавскаго до того еще схватили за убійство графа Милорадовича, и что Кюхельбеккеръ покушался на жизнь не Государя Императора, а Великаго Князя Михаила Павловича.

лами, Государь, возвратившись за колонны вѣрныхъ защитниковъ священныхъ его правъ, уступилъ настоятельнымъ требованіямъ своихъ генераловъ, какъ потомъ всѣ находившіяся тогда около Императора лица подтвердили, и разрѣшилъ наступательныя дѣйствія. Всѣ эти свидѣтели разсказывали, что имъ больно и тяжко было видѣть на лицѣ Государя выраженіе сильнѣйшей борьбы его души между требованіями государственнаго разсудка и влеченіемъ любвеобильнаго сердца.

Двинулась наконецъ гвардейская артиллерія впередъ и выстрѣлила въ толпу мятежниковъ. Но этотъ залпъ произвелъ незначительное только смятеніе между бунтовщиками; зато, къ несчастію, онъ крайне напугалъ стоявшій на бульварѣ народъ. Вся эта безчисленная масса людей съ криками и воплями разомъ быстро отхлынула назадъ къ самой стѣнѣ адмиралтейскаго зданія, при чемъ (какъ потомъ говорили) многіе, въ особенности женщины и дѣти, сильно пострадали отъ давки и топтанія ногъ. Позже объяснилось, что этотъ залпъ былъ пущенъ холостыми зарядами. Не почувствовавъ на себѣ никакого вреда, бунтовщики начали еще свирѣпѣе стрѣлять изъ ружей; но такъ какъ все-таки между ними произошло смятеніе вообще, слѣдовательно и должнаго порядка очевидно уже не было, то и стрѣляли безъ опредѣлительной команды, лишь бы отстрѣливаться, не очень-то разбирая куда именно. Оттого-то не мало отъ нихъ шальныхъ пуль попало въ несчастный народъ, тѣснившійся около стѣнъ адмиралтейства.

Тогда подскакали еще двѣ другія артиллерійскія баттареи, да ближе еще къ монументу Петра, и пустили въ бунтовщиковъ залпы, настоящими уже зарядами, картечью; а вслѣдъ за тѣмъ со стороны Исаакіевскаго собора кавалерія (мнѣ помнятся бѣлые т.-е. кирассирскіе мундиры) произвела атаку. Потомъ послѣдовало еще два залпа артиллеріи. Мятежники обратились въ бѣгство и старались спасаться кто по набережной канала у казармъ конной гвардіи*), кто по Галерной улицѣ или по Англійской набережной и даже на Васильевскій

*) Этотъ каналъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ былъ обращенъ въ подземный протокъ, а сверху надъ нимъ сдѣлана насыпь, да сооруженъ нынѣшній конногвардейскій бульваръ.

островъ по льду самой Невы. Ихъ преслѣдовали еще двумя выстрѣлами, а въ дальнѣйшую погоню за ними поскакала кавалерія, должно быть конные піонеры, потому, что за исключеніемъ кавалергардовъ и конной гвардіи въ самомъ Петербургѣ другіе кавалерійскіе отряды, кромѣ означенныхъ, не квартируютъ.

Въ 7-мъ часу все было покончено, и вѣрныя Государю войска расположились биваками на Петровской, Адмиралтейской и Дворцовой площадяхъ, по Дворцовой набережной, по Невскому и Вознесенскому проспектамъ да по Гороховой улицѣ до мостовъ чрезъ Мойку.

Лишь только установился кой-какой порядокъ, такъ мы съ Шпальте поскорѣе дали тягу чрезъ Гороховую на Большую Морскую, а тамъ далѣе побѣжали по набережной Мойки прямо домой, гдѣ я, къ крайнему моему огорченію, нашелъ своихъ родителей въ ужасной тревогѣ обо мнѣ. Самъ же отецъ пріѣхалъ изъ дворца въ 4-мъ еще часу, сдѣлавъ не безъ труда крюкъ чрезъ Марсово поле и Большую Садовую. Ночью я очень долго заснуть не могъ: все вспоминалъ про ужасы проведенныхъ мною у адмиралтейства семи часовъ, и успокоился только, когда возсіяла въ памяти моей свѣтловеличественная личность молодаго героя Императора. И по сію пору горячо и глубоко живетъ эта память въ сердцѣ 80-лѣтняго старца и отразилась въ словахъ и въ звукахъ гимна:

„Славенъ русскій бѣлый Царь
Православный Государь!
Славенъ милосердьемъ къ намъ,
Доблестью во страхъ врагамъ.
Святъ для насъ Царевъ вѣнецъ,
Царь отечества отецъ!
Боже нашъ, Царя храни,
Благодатью осѣни!
За Царя вся Русь стоитъ,
Онъ оплотъ намъ, мечъ и щитъ;
Отъ измѣны, отъ враговъ —
Боже! будь надъ нимъ покровъ!“

XVI.

Лѣтомъ 1826 года перешелъ я въ Секунду.

Слѣдующіе два классныхъ года могу я считать какъ бы предвѣщательными для моей жизни, какъ бы даже служившими подготовленіемъ къ той безконечной борьбѣ, которая ожидала меня потомъ на будущемъ моемъ, въ то время ни малѣйше еще не предполагаемомъ, поприщѣ музыкальнаго дѣятеля.

Уже въ Квартѣ и въ Терціи случалось мнѣ изрѣдка испытывать отъ старшихъ годами товарищей нѣкотораго рода насмѣшки и какое-то небрежное со мною обхожденіе изъ-за того, что я былъ не въ уровень имъ по лѣтамъ и по воззрѣніямъ. Въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, юноши переходнаго возраста гораздо менѣе снисходительны, чѣмъ общество зрѣлыхъ людей. Очень можетъ быть впрочемъ, что, кромѣ этихъ естественныхъ причинъ, холодность отношеній ко мнѣ товарищей усиливалась еще и довольно явно выказаннымъ учителями вниманіемъ ко мнѣ за небольшія, случайно мнѣ природою дарованныя способности. Не хочу наконецъ отрицать и возможности собственной моей вины въ томъ, что какъ вообще мальчики 14—15 лѣтъ подобнаго же калибера, статься можетъ и я также нѣсколько кичился упомянутымъ отличіемъ. А это школьными товарищами никакъ не прощается.

Однимъ словомъ, настоящихъ друзей у меня тогда не было*). Было три — четыре изъ секунданеровъ, съ которыми я состоялъ, какъ говорится, на пріятельской ногѣ. Остальные же относились ко мнѣ равнодушно, словно я для нихъ и не существовалъ. Но былъ между секунданерами также одинъ, который съ самого начала сталъ всячески ко мнѣ придираться, а когда, несмотря на его 18 лѣтъ, я не дозволялъ ему безвозмездно подтрунивать надо мною, то его нерасположеніе перешло въ озлобленіе противъ меня. Это былъ старшій изъ только-что въ нашу гимназію поступившихъ двухъ сыновей лейбъ-медика М***, по имени Александръ.

Въ двухъ высшихъ классахъ Дерптской гимназіи господство-

*) Упомянутый выше Теодоръ Германъ былъ тогда своимъ отцомъ отправленъ въ Лейпцигъ.

валъ въ двадцатыхъ годахъ духъ подражанія обычаямъ и корпораціонному устройству студентовъ. На этомъ основаніи ученики „Примы“ и „Секунды“ соединились (втайнѣ, конечно, отъ гимназическаго и всякаго иного начальства) въ сомкнутое общество, которое не только отъ времени до времени собиралось на „коммерсы“*) но и содержало особое помѣщеніе какъ для празднованія своихъ коммерсовъ, такъ и для упражненія въ фехтованіи эспадронами. Для этой цѣли каждый „буршъ“, т.-е. членъ этой корпораціи, вносилъ ежемѣсячно не менѣе четвертака серебромъ (1 рубль ассигнаціями) въ кассу общества, которой завѣдывали старшина (Senior) и два его адъюнкта. Въ тотъ годъ сеніоромъ гимназическихъ буршей состоялъ ученикъ Примы, Александръ Дерфельдтъ изъ Петербурга**), молодой человѣкъ лѣтъ 19-ти, пансіонеръ г. директора Розенбергера.

Чтобы сдѣлаться членомъ корпораціи буршей-гимназистовъ, надлежало, чтобы кто-нибудь изъ болѣе старыхъ буршей предложилъ кандидата къ принятію въ кружокъ. Самое рѣшеніе же принятія или непринятія рѣшалось тогда баллотировкой.

Вслѣдствіе вышеизложенныхъ холодныхъ ко мнѣ отношеній товарищей, само собой случилось, что не только никто не предложилъ меня въ кандидаты на вступленіе въ корпорацію, но даже самое-то существованіе этой корпораціи оставалось совершенной тайной для меня.

Тою же осенью умеръ Александръ Львовичъ Нарышкинъ, и самое управленіе Императорскимъ придворнымъ вѣдомствомъ было реорганизовано, почему и отецъ мой получилъ увольненіе отъ занимаемаго имъ поста въ бывшей придворной конторѣ. Одновременно съ этимъ событіемъ возникли какія-то недоразумѣнія между новымъ министромъ финансовъ генераломъ отъ инфантеріи (впослѣдствіи графомъ) Егоромъ Францевичемъ Канкринымъ и моимъ отцомъ, который служилъ начальникомъ Счетнаго отдѣленія также еще и въ департа-

*) Вечернія сходки, на которыхъ сидя вокругъ стола, бурши распѣваютъ пѣсни и пьютъ вино или „крамбамбули“ (жженку).

**) Сынъ тогдашняго генералъ-капельмейстера гвардейскаго корпуса и братъ (нынѣ уже умершаго) композитора Антона Антоновича Дерфельдта, позже наслѣдовавшаго должность отца.

ментѣ внѣшней торговли*). Вслѣдствіе этого мой отецъ вышелъ въ отставку и со всѣмъ семействомъ переселился въ Дерптъ. Само собою разумѣется, что и я также, оставивъ домъ милаго пастора Бубриха, сталъ жить у своихъ родителей. По искони принятому обычаю отецъ сдѣлалъ визиты нѣкоторымъ профессорамъ и дворянамъ, служившимъ прежде въ Петербургѣ по военной либо статской службѣ, съ которыми онъ во время оно имѣлъ случай познакомиться, а затѣмъ сталъ жить, по петербургскому своему обычаю, довольно открытымъ домомъ. Вслѣдствіе того и я свелъ знакомство съ нѣкоторыми юношами моихъ лѣтъ, сыновьями тамошнихъ дворянъ. Почти всѣ эти баронч ики воспитывались дома особенными своими „информаторами“, и наибольшей частью готовились поступить въ петербургскія военно-учебныя заведенія (Пажескій корпусъ, Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ или Инженерное училище и др.).

По переселеніи нашего семейства въ Дерптъ, родители мои начали обходиться со мною какъ бы съ взрослымъ. Вслѣдствіе того я пользовался особой комнатою, находившейся совершенно отдѣльно отъ остальныхъ покоевъ, съ выходомъ въ общія сѣни и съ двумя окнами на улицу. Въ одну прекрасную апрѣльскую ночь 1827-го года я проснулся отъ какого-то необыкновеннаго шума на улицѣ, какъ разъ предъ нашимъ домомъ. Я поднялся и прислушался. Какая-то толпа людей кричала: „Pereat! pereat!“**) Конечно, я тотчасъ вскочилъ, подбѣжалъ къ окну и, отстранивъ занавѣску, старался разглядѣть, какіе это нахалы такъ позорно относились къ дому моихъ родителей. При тускломъ свѣтѣ уличнаго фонаря, стоявшаго на углу нашего палисадника, я увидѣлъ человѣкъ болѣе двадцати, въ числѣ которыхъ я узналъ многихъ изъ нашихъ приманеровъ и секунданеровъ да между прочими, именно-то впереди всѣхъ, моихъ петербургскихъ земляковъ Дерфельдта и Александра М***. Я закипѣлъ неописуемой яростью и, схвативъ стоявшую тутъ же въ углу палку, выско-

*) Въ прежніе годы, когда Е. Ф. Канкринъ былъ еще провіантъ-мейстеромъ арміи, между нимъ и моимъ отцомъ существовали довольно интимныя дружескія отношенія.

**) „Да погибнетъ! да погибнетъ!“

чилъ въ сѣни и началъ судорожно отпирать дверь, выходившую на улицу. Извѣстно, однакоже, что въ 20-хъ годахъ „парадныя“ двери и замки, да и самые ключи къ нимъ, далеко не были еще столь удобоуправляемыми, какъ въ настоящее время. Потребовалось по крайней мѣрѣ три минуты, пока удалось повернуть четырехвершковый и къ тому же нѣсколько заржавѣвшій ключъ да отомкнуть неуклюжую дверь. Визгъ замка и скрипъ двери конечно не остались не замѣченными честной компаніею, и когда я вступилъ на порогъ дверей, то при мерцаніи плохихъ уличныхъ фонарей только и увидѣлъ вдали нѣсколько бѣгло двигавшихся тѣней. На другое утро прошелъ я, какъ и всегда, сперва къ отцу въ кабинетъ, поздороваться съ нимъ, а затѣмъ въ столовую, гдѣ матушка предсѣдательствовала за чайнымъ столомъ. На „инцидентъ“ прошлой ночи никакого даже и намека не было. Это меня немного успокоило. „Слава Богу! подумалъ я, они ничего не знаютъ, и я могу покончить дѣло безъ нихъ“.

Съ этими мыслями отправился я въ гимназію, куда я едва не опоздалъ: не успѣлъ я усѣсться на свое мѣсто, какъ учитель уже взошелъ на каѳедру. Понятно, что утренніе уроки словно вовсе не существовали для меня: молча и угрюмо сидѣлъ я, блѣдный, глубоко въ сердцѣ снѣдаемый злобою, и тѣмъ болѣе, что я инстинктивно чувствовалъ, какъ во все время взоры товарищей съ любопытствомъ были устремлены въ мою сторону. Но вотъ пробило, наконецъ, двѣнадцать часовъ, и я скорѣе собралъ свою классную аммуницію. Какъ только учитель оставилъ классъ, тогда и я быстро подошедъ къ выходной двери, выпрямился во весь ростъ и, обернувшись лицомъ къ товарищамъ, зычнымъ голосомъ произнесъ: „Прошлой ночью предъ домомъ моихъ родителей раздалось „pereat“ изъ устъ пьяной ватаги. Всѣ вы „dumme Jungens!“ *) Съ этими словами я быстро вышелъ, оставивъ всѣхъ въ переполохѣ отъ неожиданнаго моего спича. Дома, конечно, я старался скрывать свое волненіе, и на вопросъ матушки за завтракомъ, почему я ничего не ѣмъ, — отговорился легонькимъ разстройствомъ желудка. Собираясь послѣ завтрака снова въ гим-

*) Выраженіе „dummer Junge“ (глупый мальчишка) и понынѣ еще у нѣмецкихъ студентовъ служитъ формулою для принужденія противника къ вызову на дуэль.

назію, я, сколько возможно было при тревожномъ моемъ состояніи, обсуждалъ заварившееся дѣло, но ни малѣйше не сожалѣлъ о своемъ спичѣ. „Несомнѣнно, — размышлялъ я, — нѣсколько человѣкъ вызовутъ меня драться на „шлегерахъ“ (выточенные эспадроны). Ну, такъ что же? Буду драться; какъ-нибудь, вѣдь съумѣю, а тамъ что Богъ дастъ!“ На всякій случай однакоже взялъ я съ собой свой англійскій складной ножъ.

Когда я подходилъ къ гимназіи, я увидѣлъ шедшаго мнѣ навстрѣчу Александра М***, и остановившись, невольно полѣзъ рукою въ карманъ, чтобы въ случаѣ нужды выхватить ножъ. Но М***, подошедъ съ самой сладчайшей улыбкою и, какъ бы дружески взявъ меня подъ руку, отвелъ меня нѣсколько шаговъ назадъ и началъ уговаривать оставить это дѣло въ покоѣ. „Видишь-ли (говорилъ онъ), все это было одно только недоразумѣніе: это „pereat“ собственно-то было назначено фонъ-деръ-Боргу *); но такъ какъ ночь была довольно темная, а мы всѣ немножко „angeduselt“ **), то и перепутали дома!“ Объясненія М*** показались мнѣ правдоподобными, и я началъ уже успокоиваться, почти даже готовъ былъ, въ свою очередь извиняться за мой утренній спичъ.

Тѣмъ временемъ мы воротились и какъ ходили рука объ руку, такъ и взошли въ гимназію. Классы наши находились въ бель-этажѣ. Когда мы съ М*** начали подниматься по лѣстницѣ, я увидѣлъ, что изъ отдѣленія высшихъ классовъ гуртомъ высыпали приманеры и секунданеры, а впереди ихъ Дерфельдтъ, спускавшійся внизъ по лѣстницѣ намъ навстрѣчу. Когда же онъ дошелъ до насъ, то М***, вдругъ схвативъ меня сзади за руки, скрутилъ ихъ назадъ, а Дерфельдтъ, приступивъ къ столь измѣннически обезоруженному, осыпалъ меня бранью и ударилъ меня по лицу, при дикомъ хохотѣ всей честной компаніи. Въ этотъ моментъ классные часы пробили два, и у входа внизу послышался скрипъ дверей. Гимназисты разомъ шмыгнули въ ввои классы.

Ошеломленный внезапнымъ измѣнническимъ нападеніемъ и

---

*) Г. фонъ-деръ-Боргъ, занимавшій домъ рядомъ съ нашимъ, былъ синдикъ (прокуроръ) университетскаго суда.

**) Подпившіе.

жестоко страдая отъ обиды и безсильной ярости, я упалъ и чуть не скатился съ лѣстницы. Меня удержали поднимающіеся по ней старшій учитель греческаго языка г. Гиргенсонъ и мой старый другъ, учитель исторіи г. Бубрихъ, и съ участіемъ освѣдомились, что со мною случилось? Я отвѣтилъ, будто съ утра уже мнѣ нездоровилось, а теперь вдругъ приключился обморокъ, такъ что я ударился лицомъ о перила лѣстницы. Оба, очень соболѣзнуя мнѣ, совѣтовали отправиться домой, что, впрочемъ, я и самъ намѣревался сдѣлать.

Дома разсказалъ я родителямъ, конечно, ту же басню, не отказался отъ предложеннаго матушкою лѣкарства и легъ даже, по требованію ея, въ постель. Весь остатокъ этого дня и всю ночь размышлялъ я о средствахъ получить полное удовлетвореніе какъ за обиду отца, такъ и за лично мнѣ нанесенное оскорбленіе. Первое мое рѣшеніе было выписаться изъ гимназіи и вызвать Дерфельдта и М*** на дуэль на пистолетахъ. Но чтобы выписаться изъ гимназіи, потребовалось бы согласіе отца, а тогда пришлось бы разсказать родителямъ про все, что случилось, и тѣмъ потревожить ихъ покой. Къ тому же я соображалъ, что если 19-лѣтніе мои противники уже за обруганіе мною всѣхъ „глупыми мальчишками“ отвѣтили мнѣ не вызовомъ на дуэль, а измѣннническимъ нападеніемъ и грубыми побоями, то вѣроятнѣе всего, что въ отвѣтъ на мой вызовъ послѣдуетъ какое-нибудь еще болѣе вѣроломное нападеніе съ худшимъ даже еще оскорбленіемъ. А при таковомъ враждебномъ противъ меня духѣ большинства товарищей оставлять гимназію безъ того, чтобы напередъ получить блестящую сатисфакцію, значило бы выказать подлую трусость. Все это ужасно мучило юную мою душу до самой почти зари слѣдующаго дня. Къ счастію, общая тѣлесная и моральная усталость повергла меня наконецъ въ сноподобное состояніе. Проснувшись въ обычное время, я почувствовалъ себя довольно спокойнымъ, и при ясномъ разумѣ рѣшилъ разомъ вопросъ, какъ мнѣ поступить.

Въ надлежащій часъ отправился я въ гимназію, уложивъ, однакоже, въ свой ранецъ вмѣстѣ съ книгами и тетрадями также и огромный ключище отъ параднаго входа. Занявъ молча свое мѣсто, я, въ виду всѣхъ, съ невозмутимой самоувѣренностью въ лицѣ, вынулъ классную свою амуницію, а

также и ключище, который такъ и не выпускалъ изъ рукъ, пока не взошелъ первый по очереди учитель. Во все продолженіе дополуденныхъ часовъ этого дня царила въ нашемъ классѣ какая-то удивительная тишина, даже въ самыхъ паузахъ между уроками, словно всѣ предчувствовали и ожидали, что будетъ какая-то необыденная развязка вчерашняго происшествія. Въ исходѣ 12-го часа долженъ былъ, какъ и всегда, проходить по классамъ директоръ гимназіи. Этого момента именно-то и выжидалъ я. Наконецъ изъ двери, введшей изъ нашего класса въ Приму, появился г. Розенбергеръ и прошелъ мѣрными медленными шагами по срединѣ класса между двумя рядами ученическихъ столовъ. Когда онъ поравнялся съ тѣмъ рядомъ, въ которомъ сидѣлъ я, то я, вставъ, громко сказалъ: „Г. директоръ, прошу у васъ позволенія сообщить неотлагаемое, крайне нужное объявленіе.“ Эта никогда еще небывалая выходка конечно озадачила всѣхъ: и директора, и преподававшаго учителя, а въ особенности моихъ одноклассниковъ. Г. Розенбергеръ остановился и, принявъ серьезный, недовольный видъ, отвѣтилъ: „Здѣсь не мѣсто и не время дѣлать объявленія; пожалуйте по окончаніи уроковъ въ директорскій кабинетъ“. — „Простите, г. директоръ, — возразилъ я, — но я вынужденъ всепочтительнѣйше просить васъ, выслушать меня именно-то въ присутствіи моихъ товарищей, дабы они не сочли меня трусливымъ доносчикомъ, такъ какъ мое объявленіе касается именно-то ихъ“.

Г. Розенбергеръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ вокругъ на прочихъ секунданеровъ, и такъ какъ нельзя было ему не замѣтить явнаго на ихъ лицахъ смущенія отъ моихъ словъ, то и сказалъ мнѣ: „Говорите!“

„Г. директоръ, — произнесъ я, — въ позапрошлую ночь ватага подгулявшихъ приманеровъ и секунданеровъ имѣла дерзость кричать „pereat!“ предъ домомъ моихъ родителей. А вчера, за то, что я, хотя и по праву, но — признаюсь — сильными выраженіями порицалъ этотъ безсовѣстный поступокъ, приманеръ Дерфельдтъ, при вѣроломномъ содѣйствіи секунданера Александра М***, въ присутствіи гимназистовъ двухъ старшихъ классовъ, ударилъ меня по лицу. Я требую непремѣнно, чтобы Дерфельдтъ, какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени всѣхъ его соучастниковъ просилъ въ присутствіи

же этихъ самыхъ двухъ старшихъ классовъ, формально у меня прощенія. Въ противномъ случаѣ я сочту себя вынужденнымъ обратиться съ своимъ требованіемъ къ г. куратору учебнаго округа".

Г. Розенбергеру, видимо, конецъ моего объявленія не очень-то пришелся по нраву, но законность и логичность онаго отрицать было нельзя. Директоръ пригласилъ меня тутъ же идти съ нимъ въ его кабинетъ для показанія дальнѣйшихъ подробностей, что я и исполнилъ. Потомъ онъ безъ замедленія распорядился о созваніи учительской экстренной конференціи на тотъ же вечеръ.

Послѣобѣденные уроки прошли безъ всякихъ приключеній; но на лицахъ большей части гимназистовъ двухъ старшихъ классовъ явно выражались и тревожное выжиданіе рѣшенія вечерняго учительскаго засѣданія и скрытое озлобленіе противъ меня. Съ моей же стороны я тревожился лишь опасеніемъ, что, быть можетъ, не удастся, какъ вѣдь съ самаго начала я желалъ, не вмѣшивать моихъ родителей въ эту исторію, а вынести ее сполна на собственныхъ плечахъ.

Вечеромъ на конференціи, какъ мнѣ позже разсказали, происходило слѣдующее. Къ учительскому суду были призваны Дерфельдтъ, Александръ М*** и нѣсколько другихъ еще приманеровъ и секунданеровъ въ качествѣ свидѣтелей. Послѣдніе не могли не подтвердить объявленныхъ мною фактовъ. Вслѣдствіе того, по рѣшенію учительской конференціи, было предложено Дерфельдту или исполнить мое требованіе, или быть формально исключеннымъ изъ гимназіи. Дерфельдтъ, собственно-то отъ природы очень мягкій и симпатичный молодой человѣкъ, объявилъ предъ конференціею, что само по себѣ уже ему жаль и стыдно стало его поступка со мною, а потому онъ согласенъ на удовлетвореніе меня. Что же касалось М***, то его тутъ же отправили на трое сутокъ въ карцеръ.

Въ тотъ же вечеръ къ моему отцу явился старшій учитель Мальмгренъ, и они долго разговаривали въ кабинетѣ и даже пригласили матушку на это совѣщаніе. Меня въ тѣ часы не было дома; а когда я позже явился къ ужину, то мои родители были какъ-то въ особенности ласковы ко мнѣ. Черезъ годъ только матушка сообщила мнѣ, что г. Мальмгренъ разсказалъ имъ все происшествіе, котораго они даже и не подо-

зрѣвали. Г. Мальмгренъ совершенно одобрилъ мое поведеніе, сказалъ, что на другой день все дѣло окончательно уладится, и просилъ моихъ родителей, чтобы и они также удовлетворились тою сатисфакціею, какую я потребовалъ, потому что позорное исключеніе Дерфельдта, пансіонера директора Розенбергера, крайне огорчило бы послѣдняго. Затѣмъ онъ дружески посовѣтовалъ моимъ родителямъ скрыть отъ меня, что имъ извѣстна эта исторія, дабы не усиливать душевной моей тревоги.

На другой день, въ 12 часовъ, самъ директоръ растворилъ двери между двумя классами и вызвалъ Дерфельдта и меня. Первый формально просилъ прощенія и протянулъ руку; я подалъ ему свою и началъ было: „Мнѣ самому не легко...“ Но тутъ директоръ (вообще недовольный, что дѣло касалось его пансіонера) вдругъ перебилъ меня, сказавъ довольно ворчливымъ тономъ: „Вамъ тутъ нечего болѣе говорить; предъ вами извинились, какъ вы того требовали, и тѣмъ дѣло должно быть окончено. Ступайте домой, господа!“ Съ этими словами онъ вошелъ въ Приму и затворилъ двери. А мы всѣ вышли изъ класса, и каждый отправился восвояси.

Вся эта исторія однакоже такъ сильно подѣйствовала на меня, что я къ вечеру того же еще дня получилъ гастрическую горячку, которая въ теченіе нѣсколькихъ недѣль приковала меня къ постели. Вслѣдствіе того я прогулялъ переводные экзамены. Родители мои, боясь за мое здоровье, не позволяли мнѣ заниматься во время каникулъ, и въ виду дѣйствительно слишкомъ юнаго моего возраста рѣшили, что лучше мнѣ оставаться еще годъ въ Секундѣ.

Предсказаніе г. Мальмгрена, будто всѣ недоумѣнія между мною и моими товарищами окончательно уладятся доставленною мнѣ сатисфакціею, оказалось несбывшимся съ самаго начала новаго учебнаго сезона. Напротивъ, тутъ-то и открылась между нами настоящая война. Наибольшее число секунданеровъ находилось подъ вліяніемъ М***, такъ какъ онъ не только былъ лѣтами однимъ изъ старшихъ въ классѣ, но также еще состоялъ и вторымъ адъюнктомъ сеніора „буршевой корпораціи“. Вслѣдствіе того на послѣдней сходкѣ буршей-гимназистовъ предъ каникулами, корпорація приманеровъ и секунданеровъ, по предложенію М***, изрекла преданіе меня „анаѳемѣ“, т.-е. совершенному отлученію отъ всякихъ това-

рищескихъ отношеній. Но такъ какъ я заболѣлъ еще до наступленія каникулъ, то „присужденіе гимназическаго фемгерихта“ могло быть мнѣ объявлено только по открытіи уже новаго учебнаго курса, что̀ и было исполнено, по обычаю древняго вестфальскаго тайнаго судилища, въ слѣдующей „таинственной“ формѣ.

Утромъ втораго дня, по начатіи новаго учебнаго сезона, пришелъ я въ гимназію въ обычное время; къ моему удивленію въ нашемъ классѣ никого еще не было. Подошедши къ моему мѣсту, я увидѣлъ, мѣломъ на столѣ написанное слово „анаѳема“. Не успѣлъ я еще стереть эту надпись, какъ разомъ вся ватага хлынула въ классъ и по всей комнатѣ прогудѣло то же самое слово. Я поблѣднѣлъ, но присутствія духа не потерялъ и сохранилъ стоическое молчаніе, котораго и не нарушалъ до окончанія уроковъ.

Дома сталъ я обсуждать мое положеніе. Виноватымъ предъ товарищами въ чемъ-либо я себя находить не могъ. Меня, видимо, желали унизить и угнетать единственно за то, что я моложе и меньше всѣхъ прочихъ ростомъ. „Ладно же! докажу я имъ, что крѣпостью духа я вполнѣ имъ ровесникъ; стану бороться одинъ противъ полсотни!“

Тотчасъ послѣ завтрака я отправился опять въ гимназію, не дождавшись урочнаго часа; кромѣ книгъ и тетрадей захватилъ я съ собою извѣстный тяжеловѣсный ключъ отъ парадныхъ дверей да кусокъ мѣла. Не было еще и половины втораго часа, когда я вошелъ въ нашъ классъ, гдѣ, конечно, въ это время никого не было. Вынувъ мѣлъ, сталъ я по всѣмъ столамъ, противъ каждаго отдѣльнаго мѣста, большущими буквами вычерчивать слово „анаѳема“.

Затѣмъ, я отправился къ д-ру Мальмгрену, который всегда мнѣ оказывалъ особенное свое расположеніе, и, разсказавъ ему, что я учинилъ, просилъ его, въ случаѣ, если бы оно дошло до директора, разъяснить причину, которая меня къ тому вынудила; буде же дѣло не дойдетъ до учительской конференціи, то убѣдилъ его, хранить мое сообщеніе въ глубочайшей тайнѣ отъ всѣхъ. Г. Мальмгренъ успокоилъ меня своимъ дружескимъ сочувствіемъ и обѣщалъ исполнить мою просьбу.

Въ классъ я вернулся какъ разъ во-время, даже не всѣ еще ученики собрались, а нѣкоторые были еще заняты сти-

раніемъ надписей на своихъ мѣстахъ. При входѣ моемъ гг. товарищи значительно переглянулись и потомъ съ нескрываемымъ любопытствомъ слѣдили за мною. А я, скорчивъ равнодушную мину, подошелъ къ своему мѣсту и притворился столь же удивленнымъ какъ они, и молча, такъ же какъ и они, стеръ надпись на моемъ столѣ. Позже приходившіе, конечно, были не менѣе поражены неожиданной выходкой, и шушуканье безпрестанно возобновлялось, пока не вошелъ учитель.

Итакъ первая атака была счастливо отбита: я расквитался съ моими антагонистами и выказалъ имъ, что не страшусь борьбы съ ними. Дурачество съ надписью болѣе не повторялось, и даже слово „анаѳема“ никогда хоромъ не произносилось болѣе. Раза два, правда, отъявленные забіяки пробовали начать ссору и за мои далеко не боязливыя возраженія вздумали даже пуститься въ драку; но въ первый разъ я такъ сильно хватилъ своего противника вышереченнымъ ключищемъ по рукѣ, что онъ вскрикнулъ отъ боли и сначала думалъ, что рука его перешиблена; а въ другой разъ, такъ „примусъ“ класса (бывшій мой сопансіонеръ Тондорфъ) и другіе товарищи вмѣшались въ ссору и заставили зачинщика прекратить свои придирки. Вообще, подъ конецъ того же 1827-го года, нѣкоторые изъ моихъ товарищей, да именно-то тѣ, которые считались лучшими по успѣхамъ и характеру, начали уже безпристрастнѣе и раціональнѣе глядѣть на мое дѣло, и видимо было, что стойкая выдержка моя въ этой, далеко не равной по матеріальной силѣ, борьбѣ, не осталась безъ вліянія на ихъ воззрѣнія.

Но и съ моей также стороны, я сталъ сильно тяготиться своимъ одиночествомъ. Это не въ томъ смыслѣ, будто у меня въ то время никакихъ уже не было знакомыхъ; напротивъ, молодые люди того круга, въ которомъ я тогда вращался по соціальнымъ отношеніямъ моихъ родителей, всѣ одобряли меня, но лишь съ точки односторонняго ихъ „баронскаго“ воззрѣнія на „мѣщанское“ общество гимназистовъ. А все-таки личныя отношенія между мною и молодыми „баронами“ нашего знакомства никогда не переступали за предѣлы общежитейской учтивости: между нами не было никакой взаимной симпатіи, не было никакихъ общихъ идей и стремленій; существовалъ

какой-то рутинный modus vivendi, и только. Да оно и быть иначе не могло: остзейскіе бароны никогда никакихъ русскихъ дворянъ себѣ равными не признавали.

Итакъ я душевно страдалъ, глубоко страдалъ отъ моего одиночества. Но я твердо переносилъ это состояніе, потому что гордое сознаніе моей правоты не допускало меня до сгибанія головы предъ матеріальною силою.

Мало-по-малу однакоже общее мнѣніе гимназическихъ моихъ товарищей все болѣе и болѣе повертывалось въ мою пользу. Находились даже нѣкоторые, которые перестали чуждаться меня, а иногда даже заговаривали со мною въ присутствіи прочихъ товарищей. Таковыми въ особенности выступали, кромѣ вышеупомянутаго Тондорфа, ближайшіе мои сосѣди по мѣсту въ классѣ: фонъ-Генъ*) и Эвертъ**).

Послѣдній былъ въ родствѣ съ вдовою пастора Рейтлингера, которая находилась въ весьма дружескихъ отношеніяхъ съ моей матушкою. Разъ (это было уже въ февралѣ 1828 года) г-жа Рейтлингеръ говорила мнѣ, что Эвертъ весьма сожалѣетъ о непріязненныхъ отношеніяхъ между мною и гимназистами, и что онъ желалъ бы знать, какъ я о томъ думаю? На это я отвѣтилъ, что отъ всей души желалъ бы помириться съ товарищами, но что, вѣдь, не я ихъ, а, наоборотъ, они меня обидѣли, а потому никакимъ образомъ отъ меня перваго шага къ примиренію быть не можетъ. Вслѣдствіе этого г-жа пасторша пригласила меня прійти къ ней вечеромъ другаго дня, прибавивъ, что будетъ и Эвертъ. Такъ мы тамъ и сошлись съ послѣднимъ, и было положено, что на вскорѣ предстоящемъ коммерсѣ буршей-гимназистовъ, Эвертъ предложилъ бы отмѣненіе „отлученія“ моего, сообщивъ корпораціи отъ себя, но никакъ не отъ моего имени, что онъ ручается за мое согласіе на примиреніе.

Эвертъ такъ и сдѣлалъ. Корпорація буршей, за изъятіемъ одного лишь Александра М***, приняла предложеніе Эверта и рѣшила пригласить меня въ свои члены, для чего явиться мнѣ на слѣдующій коммерсъ. А насчетъ М*** было положено, чтобы мы съ нимъ покончили дѣло дуэлью на выточен-

*) Von Hahn, умершій въ прошломъ году, въ чинѣ дѣйств. стат. совѣтн.; онъ состоялъ начальникомъ одного изъ отдѣленій Импер. публичной библіотеки въ Спб.

**) Впослѣдствіи лифляндскій генералъ-суперинтендентъ.

ныхъ эспадронахъ до трехъ „тушей“ *). Сообщеніе мнѣ этого рѣшенія корпораціи было поручено тремъ секунданерамъ: упомянутому уже Тондорфу, Эверту и нѣкоему Лантингу. Перваго и третьяго я попросилъ быть моими секундантами въ предложенной дуэли.

Въ назначенный день, въ 7 часовъ вечера, я зашелъ за Тондорфомъ, который повелъ меня во „святилище“ гимназическихъ буршей. Тамъ дружески встрѣтили меня первый адъюнктъ сеніора, приманеръ Платонъ Аккерманнъ **), и всѣ собравшіеся „бурши“, за исключеніемъ М*** и его двухъ секундантовъ, находившихся въ другой комнатѣ. Сеніора Дерфельдта не было по причинѣ траура по недавно умершемъ отцѣ. Пожавъ по очереди руку каждому изъ буршей, я отправился со своими секундантами въ назначенную для „вооруженія“ меня смежную комнату.

Тамъ я снялъ съ себя сертукъ и рубашку. На меня наложили широкій и толстый, краснымъ сукномъ крытый и тщательно выстеганный замшевый набрюшникъ; обвили шею галстучной машиною, въ четверть аршина вышиною, а на голову надѣли каску изъ толстой, лакированной кожи. Затѣмъ лѣвую мою руку слегка привязали назади, а на правую напялили по самый локоть, длинную перчатку изъ двойной замши, сунули въ эту руку эспадронъ съ рукояткою въ видѣ коробки и съ широкимъ стальнымъ клинкомъ, конецъ котораго, вершковъ на шесть, былъ выточенъ до остроты бритвы. Потомъ Тондорфъ и Лантингъ взяли меня подъ руки и повели обратно въ залъ, гдѣ находились „бурши“ и куда въ тотъ же моментъ вошелъ также и М*** въ сопровожденіи двухъ его секундантовъ и въ такомъ же, какъ и я, нарядѣ.

Секунданты провели мѣломъ поперекъ зала двѣ черты на разстояніи 5-ти шаговъ одна отъ другой и поставили насъ въ этомъ пространствѣ другъ противъ друга. Мы съ М*** скрестили наши эспадроны, а секунданты, занявъ свои мѣста,

---

*) „Тушъ“ (la touche) прикосновеніе. Такъ называется ударъ рапирою, эспадрономъ или саблею, который, не будучи отраженнымъ, болѣе или менѣе попадаетъ въ одного изъ фехтующихъ. Результатомъ „туша“ бываетъ или „шмиссъ“ (Schmiss, бойкій ударъ), т.-е. рана, или „кратцеръ“ (Kratzer), т.-е. царапина.

**) Впослѣдствіи старшій бургомистеръ города Дерпта.

скомандовали: „Los!“ *) И начали мы свою работу: то наступая наносили другъ другу удары, то, повертываясь вправо или влѣво, парировали ихъ. Вдругъ секунданты, простирая свои эспадроны, остановили дѣйствія нашихъ и произнесли: „Es sitzt!“ **) „У Арнольда!“ прибавилъ секундантъ моего противника. Стали освидѣтельствовать: дѣйствительно оказалось, что верхній край брюшнаго моего панцыря былъ разсѣченъ „квартою“ ***), которую нанесъ мнѣ М***, и которую я недостаточно отпарировалъ. Первый „Gang“ (ходъ) оконченъ; насъ вновь поставили въ позицію, и снова, по командѣ „Los!“ начали мы рубиться. Во второй разъ секунданты, разнявъ противниковъ, произнесли: „es sitzt!“ и во второй разъ послышалась прибавка: „у Арнольда“. По освидѣтельствованію оказалось, что и это была также плохо отпарированная мною кварта, такъ что клинокъ превосходившаго меня силою и ростомъ противника, перегнувшись чрезъ мой клинокъ, разсѣкъ мнѣ кожу въ верхней части груди. „Ein Kratzer“ ****), объявилъ Аккерманнъ, исправлявшій должность „Obmann'a“ *****).

Мы въ третій разъ заняли свои позиціи и, по командѣ „Los!“ пустились въ третій и послѣдній ходъ. Понявъ, что мой противникъ преимущественно налегаетъ на кварты, я старался быть предусмотрительнѣе и обращать главное свое вниманіе на отбиваніе во время и сполна ударовъ М***. Онъ же, увидѣвъ, что сильный квартовой ударъ ему два раза удался, былъ увѣренъ, что въ третій разъ еще лучше попадетъ мнѣ въ грудь, и сталъ горячиться. Но, слишкомъ уже стараясь перекинуть свой клинокъ черезъ мой, онъ черезъ мѣру подавался правымъ плечомъ впередъ. Тогда собравшись съ силою и отпарировавъ его кварту ловкимъ отбоемъ его клинка въ сторону, я ударилъ терціею по верхней части правой его руки.

---

*) Сокращенное выраженіе вмѣсто „Geht los“; по-французски; „allez!“ начинайте.

**) „Засѣло!“

***) Искусство эспадроннаго и сабельнаго фехтованія считаетъ пять главныхъ ударовъ (въ разныхъ направленіяхъ), которые именуются: примою, секундою, терціею, простою квартою и польскою квартою.

****) Царапина.

*****) Третейскій судья.

„Es sitzt!“ воскликнули секунданты, къ чему на сей разъ послѣдовала прибавака: „у М***!“ — „Ein kleiner Schmiss!“ *) рѣшилъ третейскій судья и затѣмъ объявилъ: „Die Paukerei ist aus! Vertragt euch!“ **) М*** и я подали другъ другу руки и пошли переодѣваться.

Когда я воротился въ залъ, то стоявшіе прежде у стѣнъ столы оказались придвинутыми одинъ къ другому посреди комнаты, и вся компанія сидѣла вокругъ нихъ, распѣвая студенческія пѣсни и потягивая „крамбамбули“ ***) изъ сосудцевъ разныхъ видовъ и величинъ. Мѣсто „президуса“ въ этотъ вечеръ занималъ вышереченный старшій адъюнктъ сеніора, Родерихъ Аккерманъ, а по срединѣ стола, предъ „обершенкомъ“ Лантингомъ, стояла огромная съ горячимъ „нектаромъ“ кастрюля, изъ которой онъ, помощью ковша, разливалъ „den Stoff“ ****) въ подставляемые ему со всѣхъ сторонъ сосудцы.

Позже явился и сеніоръ Дерфельдтъ, но на нѣсколько лишь минутъ, и то собственно только для того, какъ онъ объяснилъ, чтобы уже самому отъ себя отъ души извиниться предо мною и дѣйствительно помириться. Мы чокнулись и горячо обнялись.

Такимъ образомъ окончилась первая моя житейская борьба.

По случаю однакоже всей этой глупой ссоры прогулялъ я въ предыдущемъ году переводъ въ Приму, вслѣдствіе чего, конечно, и не могъ я попасть въ число „абитуріентовъ“ *****) сего 1828 года. Мои родители вовсе и не требовали отъ меня непремѣннаго въ этомъ году поступленія въ университетъ; но, такъ какъ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ 1825 года, когда изъ-за неудовлетворительнаго экзамена по латинскому языку мнѣ пришлось остаться лишній годъ въ Терціи, я далъ отцу слово, что къ осени 1828 года я, во что бы ни стало, а буду студентомъ, то мнѣ и хотѣлось сдержать слово. А потому я, по благополучномъ окончаніи вышеописанной борьбы, убѣдительнѣйше просилъ родителей о позволеніи оставить гимназію, чтобы частными уроками приготовиться къ августовскому, при

---

*) Маленькая рана.

**) „Дуэли конецъ! Миритесь!“

***) Жжёнка изъ рейнвейна и рома.

****) Матерія, а также: химическій элементъ.

*****) Держащіе выходной экзаменъ

самомъ университетѣ, экзамену на поступленіе въ студенты. Получивъ наконецъ это разрѣшеніе, я, предъ Свѣтлымъ еще Христовымъ Воскресеньемъ, выписался изъ гимназіи, и подъ руководствомъ хорошихъ учителей изъ докторантовъ и кандидатовъ сталъ ревностно заниматься. Богъ помогъ, и къ 1-му сентября того же 1828 года я былъ, какъ и обѣщалъ отцу три года тому назадъ, „Almae matris Dorpatensis Academicorum in catalogum inscriptus studiosus philosophiae“*) по части камеральныхъ наукъ.

XVII.

Такъ какъ родители жили открыто, на петербургскій свой ладъ, то у насъ было не малое знакомство, и оттого въ воскресные и праздничные дни по вечерамъ всегда собиралось довольно много гостей. Въ особенности любили насъ посѣщать молодые люди обоего пола: студенты и дочери знакомыхъ (преимущественно профессоровъ и отставныхъ военныхъ), потому что у насъ не господствовала рутинно-ложная, мелочная чопорность уѣздныхъ городковъ вообще, а нѣмецкихъ городковъ въ особенности. Занимались мы обыкновенно сначала музыкою и разными общественными играми и почти всегда кончали танцами, ибо моя матушка любила, когда молодежь веселилась, и всегда готова была брать на себя роль неусыпной тапёрши.

Изъ всего круга нашихъ знакомыхъ наше семейство ближе всѣхъ сошлось съ семействами: вдовы извѣстнаго въ свое время зеркальнаго фабриканта Амелунга, отставнаго полковника фонъ-Гебгардта и университетскаго синдика Фонъ-деръ-Боргъ.

Съ г-жею Амелунгъ матушка моя была дружнѣе всѣхъ, потому что она познакомилась съ нею уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда эта дама съ своею дочерью довольно долгое время гостила въ Петербургѣ у брата своего д-ра Вольфа, который былъ домашнимъ врачемъ нашего семейства. Кромѣ того, я самъ и раньше уже былъ хорошо принятъ въ домѣ Амелунговъ, такъ какъ и въ Квартѣ и въ Терціи меньшой сынъ былъ мнѣ хорошимъ товарищемъ, и только съ полгода

*) Дерптскаго университета имматрикулованный студентъ философскаго факультета

тому назадъ промѣнялъ Дерптскую гимназію на Инженерный корпусъ.

У нихъ же въ домѣ я, въ началѣ 1826 года, впервые встрѣтилъ 24-лѣтняго мичмана черноморскаго флота Владиміра Ивановича Даля, знаменитаго впослѣдствіи автора народныхъ разсказовъ и ученаго составителя „Толковаго словаря“. Даль не любилъ танцовать, но не скучалъ въ обществѣ молодыхъ дамъ и дѣвицъ и умѣлъ ихъ такъ занимать, что и онѣ даже забывали про танцы. Въ общественныхъ играхъ напр. онъ выказывалъ столько разнороднѣйшаго знанія, литературной начитанности и самороднаго остроумія и столь необыкновенный талантъ къ разсказамъ, что дамы нарочно плутовали противъ него, чтобы хотя бы одного, по крайней мѣрѣ, фанта добиться отъ него. А потомъ, при выниманіи фантовъ, такъ дамы, которымъ это поручалось, всякій разъ, когда вынимаемый фантъ принадлежалъ Далю, уже непремѣнно сопровождали вопросъ: „was soll das Pfand thun?“*) особенной, всѣмъ понятной улыбкою. Тогда со всѣхъ сторонъ подымались радостныя восклицанія: „Erzählen, etwas erzählen!“**) И вотъ съ еще болѣе веселой улыбкою, раздавательница фантовъ поднимаетъ свою руку и говоритъ: „Herr Dahl, Ihr Pfand!“***) Громкіе апплодисменты привѣтствуютъ эти слова, а иныя изъ барышень бѣгутъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ засѣдаютъ солидные старички и старушки и тогда слышатся два-три серебристыхъ голоска: „Papà“, или „Mamà“, komme doch; Herr Dahl wird etwas erzählen!“****) Затѣмъ изъ той же комнаты за возвращающимися дочками тащутся, не одни только папаши и мамаши, но и вся солидная компанія. А „Herr Dahl“, принявъ свой фантъ и усѣвшись въ средину круга, минуты на двѣ задумывается, а тамъ и начинаетъ разсказывать. Въ темахъ для разсказовъ у него недостатка никогда не было. То описываетъ онъ жизнь матросовъ на кораблѣ; то разсказываетъ про свою родину, про Луганскій заводъ; то передаетъ какой-нибудь анекдотъ про шалости молодыхъ мичмановъ въ Николаевѣ, или

*) „Что дѣлать фанту?“
**) „Разсказать, что-нибудь разсказать!“
***) „Г. Даль, вашъ фантъ“.
****) „Папа, мама, приди же; г. Даль будетъ разсказывать“.

про чудака, стараго адмирала Самуила Самуиловича Грейга и т. п. Къ тому же онъ разсказывалъ живо, рельефно; ибо владѣлъ (по крайней мѣрѣ въ то время) нѣмецкимъ языкомъ на столько же, сколько и русскимъ. Отдѣльныя подробности этихъ разсказовъ, конечно, должны были вскорѣ улетучиться изъ моей памяти; но когда въ концѣ 30-хъ годовъ я сталъ читать разсказы „Казака Луганскаго“, то повѣсти эти невольно вызвали во мнѣ вновь ту картину, которую я только что начертилъ, и мнѣ будто послышались серебристые голоски: „Mama, komme doch, Herr Dahl wird etwas erzählen!“

По своемъ пріѣздѣ въ Дерптъ, Даль первое время (кажется въ теченіе двухъ мѣсяцевъ) являлся въ мичманскомъ мундирѣ. Помню очень твердо, что разъ какъ-то, пришедши вечеромъ къ Амелунгамъ, я увидѣлъ въ комнатѣ третьяго сына, студента-медика, сидѣвшаго около стола незнакомаго мнѣ морскаго офицера съ сухощавымъ лицомъ, съ выдающимся лбомъ и довольно большимъ, нѣсколько орлинымъ носомъ, котораго обступали человѣкъ до десяти студентовъ и гимназистовъ, съ любопытствомъ глазѣвшихъ на его занятіе. Предъ этимъ офицеромъ стояла какая-то машинка съ мѣдными трубочками, и предъ машинкою зажженная спиртовая лампочка, а по правую и по лѣвую сторону — коробочки, въ которыхъ лежатъ сломанныя, тоненькія стеклянныя трубочки различныхъ цвѣтовъ. Офицеръ бралъ въ каждую руку по одной изъ такихъ трубочекъ и, начиная дуть въ машинку (отчего огонекъ лампочки вытягивался горизонтально), то протягивалъ, то приближалъ, повертывалъ руками туда и сюда, сплеталъ, вытягивалъ трубочки на огнѣ и т. д. и т. д. Когда онъ окончилъ свои эволюціи, то стеклянныя трубочки стали меньше, а на кончикѣ одной изъ нихъ висѣла какая-то штучка. Онъ отломилъ и подалъ намъ эту штучку. Оказалось, что это была маленькая, микроскопическая коробочка, сплетенная изъ тончайшихъ двуцвѣтныхъ стеклянныхъ нитей. Этотъ-то офицеръ и былъ мичманъ Даль, впервые научившій дерптское общество пріятному, въ часы досуга, препровожденію времени — производству миленькихъ бездѣлушекъ изъ литаго, цвѣтнаго стекла. А самъ онъ былъ великій въ этомъ производствѣ искусникъ: у него выходили удивительныя по формѣ, по выдумкѣ и по исполненію, вполнѣ художественныя вещицы. У моей матушки долго

сохранялся премиленькій вѣночекъ розъ, около полдюйма въ діаметрѣ, работы Даля.

Осенью 1828 года Владиміръ Ивановичъ блестяще сдалъ докторскій экзаменъ и отправился въ дѣйствующую армію для поступленія въ полковые врачи.

За недѣлю до своего отъѣзда онъ вмѣстѣ съ Амелунгами былъ еще у насъ на маскарадной вечеринкѣ, которая давалась въ честь брата Александра, пріѣхавшаго изъ Петербурга погостить у насъ. При этомъ случаѣ Даль показалъ даже свою необычайную гимнастическую ловкость, да къ тому же въ самой оригинальной формѣ. Для понятія произведеннаго Вл. Ив. Далемъ эффекта надобно разсказать краткую топографію нашего зала. На улицу выходило 5 оконъ, а дверей было трое, изъ коихъ однѣ напротивъ средняго окна, а другія двѣ, однѣ противъ другихъ, вдоль зала; однѣ изъ этихъ послѣднихъ служили сообщеніемъ съ переднею. Половинки всѣхъ трехъ дверей, когда были открыты, то вдавались въ залъ.

Уже не мало собралось гостей и въ костюмахъ, и въ обыкновенной бальной одеждѣ, а изъ первыхъ кто въ маскѣ, кто и безъ маски. Вдругъ совершенно неслышной, легкой, скользящей походкою является Пьерро съ сухопарой, блѣдной физіономіей, обрамленной длинными, льнянаго цвѣта локонами, въ широчайшихъ шароварахъ, въ мѣшкѣ до половины икръ, на которомъ красуются шесть огромныхъ красныхъ пуговицъ, на головѣ — китайская широкая шляпа изъ сѣраго войлока, а на ногахъ башмаки, словно австралійскія каноэ, кончающіяся и впередъ и назадъ лодочкой. Пьерро поклонился, повернулся и поклонился еще разъ. Вотъ-те чудо! Да это двойникъ-Пьерро, о двухъ переднихъ лишь половинкахъ, сросшихся въ срединѣ! Пьерро подходитъ къ вдающейся въ залъ половинкѣ дверей, хочетъ пройти сквозь нее и, конечно, стукается головой. Дверь не поддается. Тогда упрямый Пьерро, безъ всякаго шума, и безъ малѣйшаго ломанія себя, словно настоящій горилла, взлѣзаетъ на дверь, а съ другой стороны тихонько сползаетъ. Пошелъ онъ затѣмъ вдоль стѣнъ, (да все поверткомъ, такъ что нельзя было разобрать, какая сторона обращена къ намъ) и набрелъ на среднія двери; тутъ ему противятся двѣ уже половинки. Нашему Пьерро это нипочемъ: онъ перелѣзъ чрезъ обѣ и побрелъ дальше, перелѣзъ такимъ же

манеромъ и черезъ третьи двери. Само собою разумѣется, что вся наша публика, съ веселымъ хохотомъ слѣдила за всѣми продѣлками Пьерро. Послѣ послѣдняго перехода онъ пошелъ черезъ залу къ выходу, все время повертываясь и постоянно раскланиваясь на обѣ противоположныя стороны. Наконецъ онъ изчезъ за притворившимися за нимъ дверьми выхода въ сѣни, при громкихъ апплодисментахъ всѣхъ гостей. Чрезъ полчаса вошелъ въ залу „Herr Doctor Dahl“ въ мундирѣ полковаго врача*).

Семейства фонъ-Гебгардтъ и фонъ-деръ-Боргъ жили въ непосредственномъ нашемъ сосѣдствѣ. Но не столько по этой причинѣ установились дружескія отношенія между нашими домами, сколько потому, что „фрау“ фонъ-Гебгардтъ и „фрау“ фонъ-деръ-Боргъ болѣе прочихъ дамъ дерптскаго „bonne société“ выказались подходящими къ нечопорному естественно-общежительному, веселому и всегда ровному характеру моей матушки. Къ этому присоединились еще и тѣ обстоятельства, что два сынка и дочка фонъ-деръ-Боргъ были сверстниками моихъ меньшихъ братьевъ и сестеръ; а хорошенькая 15-лѣтняя дочь полковника фонъ-Гебгардтъ, „фрейлейнъ“ Луиза была хорошая піанистка, такъ что мнѣ чрезвычайно пріятно было играть съ нею въ 4 руки классическія и салонныя пьесы тогдашняго репертуара. Изъ этого весьма послѣдовательно вытекало, что на нашихъ музыкальныхъ вечерахъ фрейлейнъ Луиза и я занимали не послѣднее мѣсто, а въ мазуркѣ и въ котильонѣ, который уже тогда началъ вытѣснять старый ан-

*) Въ ноябрѣ 1860 года, когда послѣ первой моей поѣздки по Волгѣ, я пріѣхалъ въ Москву, тогда, отыскавъ всѣхъ жившихъ тутъ старыхъ моихъ дерптскихъ знакомыхъ (напр. профессоровъ Иноземцева, Анке и Сем. Куторгу), навѣстилъ я, конечно, также и маститаго уже старца Владиміра Ивановича, который принялъ меня съ его обычной привѣтливостью. Я напомнилъ ему про дерптскія его продѣлки, и старикъ весело захохоталъ, вспомнивъ свою молодость. „Н—да!“ сказалъ онъ потомъ, съ невольнымъ вздохомъ, „мы были молоды тогда! Теперь мнѣ бы этого уже не продѣлать“. Когда же въ 1870 году, послѣ семилѣтней моей дѣятельности въ Германіи, я поселился въ Москвѣ навсегда, тогда въ теченіе трехъ цѣлыхъ лѣтъ моя борьба съ интригами любезныхъ моихъ собратьевъ по Аполлону поглощала до того все мое время и всѣ мои заботы, что о старыхъ дерптскихъ студентахъ и вспомнить было некогда. А въ 1873 году искренне- и высокоуважаемаго Владиміра Ивановича не было уже въ живыхъ. Онъ скончался осенью 1872 года.

глезъ, — обыкновенно фигурировали вмѣстѣ въ первой парѣ. Но, il n'y avait que sympathie artistique.

Иногда случалось, что въ нашихъ музыкальныхъ вечерахъ участвовали и гораздо превосходившія насъ, поистинѣ артистическія силы, именно: одна фортепіанистка и одинъ скрипачъ. Первая была дочь весьма крупнаго негоціанта, m-elle Леонтина Тунъ, лѣтъ 18 — 19, собственно-то не красивая собою, но весьма симпатичная и очень образованная дѣвица. Своимъ инструментомъ она владѣла превосходно, а пьесы, въ особенности классическія, исполняла она съ разумомъ и съ поэтическимъ увлеченіемъ*).

Другой же былъ 23-лѣтній студентъ медицины, Юлій Давидгофъ (Davidhoff), сынъ митавскаго банкира-еврея**). Не вѣдаю я, кто именно былъ его учителемъ, но замѣчательная игра талантливаго студента явно отзывалась классической школою славнаго той эпохи скрипача Карла Липинскаго. Я совершенно свѣжо вспоминаю про эту игру, отличавшуюся, кромѣ чистоты звуковъ, въ особенности грандіозно широкимъ веденіемъ смычка, результатомъ чего являлся весьма мощный и въ то же время пѣвучій, мягкій тонъ. Не мало, правда, способствовало тому также и превосходство имѣвшагося тогда у него инструмента. Это была настоящая скрипка „Nicolaï Amati", необыкновенно красивой формы, такъ что однѣ уже мягкія линіи выпуклостей обѣихъ декъ привлекали къ себѣ вниманіе знатоковъ. Элегантная, совершенно пропорціональная всему инструменту шейка и артистической работы рѣзная львиная головка довершали прелесть этого образцоваго произведенія знаменитаго

*) Въ 1840-мъ году мнѣ сказали, что m elle Леонтина въ 30-хъ годахъ давала концертъ въ Лондонѣ и что вслѣдствіе того она была назначена придворной фортепіанисткой при англійской королевѣ. Сообщила же мнѣ это родная сестра ея, жена моего университетскаго товарища д-ра Беренсъ. А далѣе справиться мнѣ тогда и въ голову не приходило, ибо невѣроятнаго тутъ я ничего не находилъ.

**) Въ 1860-мъ году я встрѣтилъ доктора Давидова (какъ онъ тогда назывался) въ Москвѣ. Въ семействѣ его музыка играла значительную роль. Младшій его сынъ, Карлъ Юліевичъ, тогда уже славился какъ одинъ изъ лучшихъ віолончелистовъ Европы; одна изъ дочерей, Паулина Юліевна, превосходно играла на фортепіано. Заслуги же двухъ старшихъ сыновей доктора Давидова, Ивана и Августа Юліевичей, въ сферахъ общественной и ученой дѣятельности, всѣмъ довольно извѣстны.

Кремонскаго мастера XVII вѣка. Любопытно бы знать, въ чьихъ рукахъ находится нынѣ этотъ замѣчательный инструментъ? Самъ г. Давидгофъ былъ, хотя далеко не красивый, но чрезвычайно симпатичный молодой человѣкъ. Несмотря на научные его, по медицинской части успѣхи, несмотря на обширное его знакомство съ европейской литературою, несмотря, наконецъ, на упомянутую высокую степень музыкальнаго его развитія, скромность его была такъ велика, что, когда я случайно съ нимъ познакомился у актуарія городскаго суда Вильде, весьма солиднаго віолончелиста любителя (у котораго квартировалъ г. Давидгофъ), то мнѣ стоило большаго труда и долговременнаго уговариванія, пока удалось притащить его въ домъ моихъ родителей. Съ искреннимъ уваженіемъ я и по сію пору вспоминаю объ этомъ, во всѣхъ отношеніяхъ достопочтенномъ товарищѣ дерптской моей жизни.

Что музыкальные наши вечера не обходились безъ пѣнія, это само собою разумѣется. Странно только, что „примадоннъ“-то у насъ не было, хотя для хоровыхъ исполненій не было чувствительнаго недостатка въ женскихъ голосахъ. Въ моей памяти не осталось, ни образа, ни даже имени какой-либо пѣвицы-солистки изъ среды дамъ и дѣвицъ нашего круга знакомыхъ. Но между посѣщавшими насъ студентами встрѣчались любители пѣнія съ весьма порядочными голосами, въ особенности для квартетнаго пѣнія. Въ послѣднемъ родѣ отличались на нашихъ вечерахъ: два брата Гёппенеръ (Нёррепег) изъ Ревеля и три уроженца г. Риги, братья Жоржъ и Робертъ Пфанштиль (Pfannstiel) *) и Кавитцель (Cawietzel)**). Самъ же я въ эти годы не пѣвалъ, потому что голосъ мой находился тогда въ стадіи мутаціи.

Отъ времени до времени устраивались у насъ также и сценическія представленія, которыми руководили университетскій лекторъ нѣмецкаго языка Раупахъ (племянникъ славившагося тогда нѣмецкаго драматическаго писателя Эрнста Раупаха), и молодой поэтъ, Баронъ Александръ фонъ-Унгернъ-Штерн-

*) Робертъ Пфанштиль, немногимъ только старше меня, состоялъ впослѣдствіи чиновникомъ особыхъ порученій при Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

**) Когда въ маѣ мѣсяцѣ 1863 года, проѣздомъ въ Германію, я побывалъ въ Ригѣ, то навѣстилъ я также и Кавитцеля, занимавшаго тогда постъ втораго бюргермейстера (товарища городскаго головы).

бергъ, впослѣдствіи (въ 30-хъ и 40-хъ годахъ) переселившійся въ Берлинъ и сдѣлавшійся однимъ изъ любимыхъ романистовъ той эпохи *).

Хотя послѣдній и былъ лѣтъ на шесть или на семь старше меня, но мы съ нимъ вскорѣ подружились. Часто бесѣдовали мы съ нимъ о техникѣ поэтическаго труда, и ему-то я преимущественно обязанъ здравымъ развитіемъ моего воззрѣнія на должное (серіозное) подготовленіе къ каждому задуманному сочиненію. Онъ первый обратилъ мое вниманіе на тѣ письма Шиллера и Гёте, въ которыхъ эти великіе поэты разсуждаютъ о планахъ своихъ твореній и о развитіи характера героя или героини будущихъ своихъ романовъ или драмъ; онъ же знакомилъ меня со статьями Лессинга о драматургіи и разъяснялъ мнѣ глубокое ихъ значеніе; онъ же, наконецъ, указалъ мнѣ на сочиненія Энгеля и барона Секкендорфа объ искусствѣ мимики и пантомимики, и на пользу изученія этой науки также для писателей, и не только драмъ, но и романовъ.

Репертуаръ былъ не великъ, но довольно разнообразный, и никогда не былъ тривіаленъ, хотя мы придерживались исключительно только жанра комедіи. Въ теченіи двухъ зимъ исполняли мы двѣ комедіи Гёте, двѣ — Шиллера; три одноактныя пьесы Теодора Кёрнера и одну комедію Мюллнера, да два лучшихъ творенія Коцебу. Въ этихъ театральныхъ представленіяхъ участвовали также и дамы. Изъ нихъ въ особенности отличались талантливымъ, характеристически-живымъ исполненіемъ дѣвицы: Луиза фонъ-Бёлендорфъ, дочь профессора, и упомянутая выше Леонтина Тунъ.

Между мужскими участниками, лучшими членами нашей труппы оказались, конечно, Раупахъ и Унгернъ Штернбергъ. Но весьма хорошими, т.-е. естественно-типическими, тонкими комиками являлись также два студента, оба медики: Анке (москвичъ) **) и Аккерманнъ (уроженецъ Петербурга); первый

*) Наиболѣе прославился онъ романомъ «Die gelbe Gräfin». Какъ литераторъ подписывался онъ.: «A. von Sternberg».

**) Николай Богдановичъ Анке, впослѣдствіи профессоръ Московскаго университета, былъ крестникомъ моего отца. Его отецъ состоялъ учителемъ и воспитателемъ при основанномъ моимъ отцомъ въ Москвѣ. «Пансіонѣ коммерческихъ наукъ», въ 1810 году переформированномъ и переименованномъ въ «Академію коммерческихъ наукъ». Николай Богдановичъ владѣлъ необыкновеннымъ

изъ нихъ между прочимъ превосходно изобразилъ сонливаго, стараго помѣщика „Herr von Langsalm“ въ комедіи Коцебу „Der Wirrwarr“ (Суматоха), а другой глупаго плута: ночнаго сторожа въ пьесѣ Кёрнера того же названія („Der Nachtwächter“). Раупахъ игралъ всего одинъ только разъ, представивъ хитраго хозяина гостинницы въ классической комедіи Гёте (въ стихахъ) „Die Mitschuldigen“ (Совиновные), и потомъ участвовалъ только еще въ должности режиссера и суфлёра. Унгернъ-Штернбергъ избѣгалъ ролей „jeune premier“, и я также, въ особенности послѣ того, какъ я провалился, изобразивъ съ чрезмѣрнымъ до смѣшнаго паѳосомъ любовника-студента въ простенькой пьескѣ Кёрнера „Der Nachtwächter“. Довольно значительный успѣхъ въ нашемъ кругу имѣло исполненіе одноактной блюэтки Коцебу: „Die Zerstreuten“ (Разсѣянные), именно по внѣшней забавности ея обстановки. Исполнителями являлись Унгернъ-Штернбергъ, упомянутый Аккерманнъ, одинъ студентъ-медикъ Лейтнеръ (изъ Казани) и я. Аккерманнъ да я были почти равны ростомъ (аршина въ два съ половиною), а Штернбергъ и Лейтнеръ на полголовы выше насъ. Унгернъ-Штернбергъ, помощью гримировки и костюма, представилъ стараго капитана донельзя тощимъ, отчего казался еще выше; Лейтнеръ заказалъ себѣ башмаки съ высокими каблуками, а Аккерманнъ, помощью подушекъ, изобразилъ маіора почти шарообразнымъ. Роль же дочери этого квадратнаго толстяка поручили мнѣ. Стоило большихъ хлопотъ найти подходящее къ моему росту женское платье „à décolleté“, да парикъ, который, хоть сколько-нибудь, придалъ бы мнѣ видъ „d'une jeune démoiselle de bonne famille“.

Сыграться мы такъ сыгрались, что обошлись безъ суфлера, и къ тому же въ своемъ исполненіи никто изъ насъ ни малѣйше не позволилъ себѣ утрировать комизмъ нехудожественнымъ себя ломаніемъ. Но самая-то пьеса уже содержала много остроумно составленныхъ, естественно-смѣшныхъ ситуацій, а на подборъ большой ростъ исполнителей прибавляло также своего рода эффектъ. Зрители много хохотали и долго, долго еще вспоминали объ этомъ представленіи, ко-

---

талантомъ подражать голосу и манерамъ различныхъ лицъ и великолѣпно умѣлъ сценически разсказывать юмористическія приключенія.

торое прозвали: „eine Riesenvorführung“ т.-е. выводъ напоказъ великановъ, а также и гигантское представленіе).

Публичнаго театра въ Дерптѣ не существовало, но бывали иногда публичные, съ платою за входъ, концерты. Такъ, напр., въ большой залѣ „Академической муссы“*) раза по два въ зимніе сезоны устраивались концерты съ благотворительной цѣлью, съ участіемъ тамошнихъ любителей, преимущественно изъ студентовъ, а иногда также какой-нибудь оперной пѣвицы изъ Риги или изъ Ревеля. Устраивались эти музыкальныя торжества комитетомъ благотворителей изъ высшаго круга дерптскаго общества; дирижеромъ былъ „университетскій музыкдиректоръ“ Бидерманнъ**). Затѣмъ случалось иногда, что артисты-виртуозы, проѣздомъ изъ Риги въ Петербургъ, соглашались предстать также и предъ дерптской публикою въ собственно отъ себя даваемыхъ концертахъ. Эти послѣдніе давались обыкновенно въ залѣ „большой (или общественной) муссы“.

Помню я, въ особенности два случая, которые, пожалуй, имѣютъ даже нѣкоторое музыкально-историческое значеніе.

Это, во-первыхъ, былъ благотворительный концертъ, данный зимою 1826-го года, къ участію въ которомъ была приглашена изъ Ревеля, жившая тамъ великая прошлаго вѣка знаменитость, пѣвица Мара.

Гертруда Елизавета Шмелингъ, какъ она называлась до замужества, родилась въ 1749-мъ году, и въ 1769-мъ году считалась уже одной изъ первѣйшихъ пѣвицъ всего міра. Съ 1771-го по 1780-й годъ состояла она примадонною при королевско-прусской оперѣ въ Берлинѣ и была высоко почитаема Фридрихомъ Великимъ. Жалованья получала по 3000 Фридрихсдоровъ въ годъ, что въ то время составляло безпримѣрно-щедрое вознагражденіе. Затѣмъ пѣла она въ Вѣнѣ, въ Парижѣ, въ Римѣ, въ Неаполѣ и въ Венеціи, и вездѣ приводила слушателей въ безпредѣльный восторгъ. Но мужъ ея,

*) Musse, отдыхъ. Это слово означало также и клубъ.

**) Въ двухъ таковыхъ концертахъ участвовалъ и я. Въ 1824 г. осенью исполнялась ораторія „Die Glocke“ Андрея Ромберга, въ которой я пѣлъ (будучи гимназистомъ) солистную альтовую партію; а въ 1829 г., будучи уже студентомъ, я игралъ А-мольный концертъ Гуммеля, и исполнилъ баритонную арію: „Nun prangt in vollem Glanz“ изъ ораторіи: „Die Schöpfung“ Гайдна.

віолончелистъ Мара, за котораго она вышла въ 1773-мъ году, безхарактерный человѣкъ и дебоширъ, вскорѣ расточилъ состояніе жены и едва не довелъ ее до крайней нищеты. Наконецъ, въ 1790-мъ году, удалось ей избавиться отъ недостойнаго супруга. Послѣдніе свои тріумфы великая пѣвица стяжала себѣ въ нашей Россіи. Данные ею въ самомъ началѣ сего столѣтія, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, блестящіе концерты, должно быть, доставили ей весьма приличный капиталъ, такъ что она рѣшилась проститься съ своею карьерой, для какой цѣли, въ 1802-мъ году, пріобрѣла себѣ дачу близъ Москвы (около Калужскаго тракта), гдѣ она и поселилась было на покой. Послѣ десяти лѣтъ тихой и мирной жизни, злополучной артисткѣ суждено было лишиться своего пріюта: въ 1812-мъ году дача ея была разорена и сожжена французскими мародерами. Тогда она отправилась въ Петербургъ, а оттуда, по приглашенію нѣкоторыхъ лицъ изъ эстляндскихъ дворянъ, въ Ревель, гдѣ и поселилась въ качествѣ частной учительницы пѣнія. Тамъ же она умерла въ 1833-мъ году и погребена на тамошнемъ кладбищѣ.

Изъ этого краткаго очерка ея жизни выходитъ, слѣдовательно, что въ упомянутомъ концертѣ 1826-го года я слышалъ знаменитую пѣвицу на 77-мъ году ея жизни. Когда очередь по афишѣ дошла до нумера, подъ которымъ значилось: „Arie aus dem Oratorio „Der Tod Jesu“, von Carl Heinrich Graun, gesungen von Madame Gertrude Elisabeth Màra aus Reval“, то предсѣдатель благотворительнаго комитета вывелъ на эстраду худощавую, морщинистую старушку, въ позахъ которой, однакоже, несмотря на маститую ея старость, сохранились еще слѣды истинной величавости и прежней граціозности великой артистки.

Запѣла старушенка — и всѣ мы удивились. Голосъ ея, правда, былъ уже не сильный, скорѣе даже слабый; но не слышалось въ немъ дрожанія: звуки были чисты, серебристы, мягки. А какъ она владѣла этимъ голосомъ! какая мастерски сглаженная, выравненная была у ней колоратура! сколько ума и художественности въ фразировкѣ, сколько благородства и теплоты чувствъ въ выраженіи!

Нынѣшней публикѣ (конечно не безъ исключеній) „маститая“ пѣвица Мара, вѣроятно, не понравилась бы. Нынѣшняя

публика цѣнитъ вѣдь въ пѣвцахъ единственно только силу легкихъ и лихое отмахиваніе пассажей; она отъ пѣвца требуетъ, чтобы голосъ заставилъ окна дрожать, хотя бы и тембръ звучалъ уже нѣсколько натряснутымъ, хотя бы на каждой ноткѣ слышалось уже дрожаніе. Эта публика отъ пѣвицы требуетъ прежде всего привлекательной красоты лица или хоть роскошныхъ формъ, да шикарности въ движеніяхъ. Но съ полвѣка тому назадъ оглушительное форте не выхваливалось еще какъ первенствующее достоинство пѣвца; безпрерывное тремулированіе считалось порокомъ; публика не восхищалась преимущественно кукольною миловидностью и богатствомъ женскихъ прелестей; но зато она была одарена инстинктивнымъ пониманіемъ искусства пѣнія и увлекалась даже пѣніемъ морщинистой старушки, коль скоро она умѣла такъ художественно пѣть, какъ пѣла Гертруда Елизавета Мара, урожденная Шмелингъ!

Другой случай относится къ появленію въ Дерптѣ въ 1828 году гражданина существовавшаго тогда еще „вольнаго города“ Кракова, „маркиза де Контски“, какъ значилось на визитныхъ его карточкахъ. Съ нимъ пріѣхали цѣлыхъ пять „дивъ музыкальнаго искусства“, нарожденныхъ счастливымъ этимъ высокороднымъ отцомъ-импрессаріемъ. Семейство Контскихъ дало два концерта въ „большой муссѣ“ и поэтому прожило въ Дерптѣ около двухъ недѣль. Это было осенью, и я былъ уже студентомъ*).

Вслѣдствіе неотразимаго моего влеченія къ музыкальному искусству и къ жрецамъ и жрицамъ его, я, послѣ перваго же объявленія о прибытіи цѣлой семьи „юныхъ первоклассныхъ виртуозовъ (какъ гласилось въ афишахъ), вездѣ возбудившихъ безпредѣльный восторгъ первѣйшихъ въ мірѣ знатоковъ и имѣвшихъ счастіе играть предъ такими и такими-то Величествами, Высочествами и Свѣтлостями“, — тотчасъ же отправился къ нимъ съ визитомъ, заручившись напередъ позволеніемъ матушки**), подписаться на десять креслъ въ концертѣ и пригласить гг. Контскихъ къ обѣду у насъ на слѣдующій

*) Вотъ почему мнѣ такъ твердо и помнится годъ появленія Контскихъ въ Дерптѣ.

**) Отца моего тогда уже не было въ Дерптѣ, такъ какъ онъ въ началѣ еще года снова поступилъ на службу и уѣхалъ въ Петербургъ.

день. Затѣмъ мы еще нѣсколько разъ имѣли удовольствіе видѣть у себя дорогихъ гостей.

Маркизъ съ своимъ семействомъ помѣщался въ „гербергѣ“ *) того же фуръ-мейстера **), лошади и работникъ котораго привезли знаменитыхъ странствующихъ виртуозовъ изъ Риги въ Дерптъ и по договору должны были доставить ихъ въ Петербургъ. Матери при дѣтяхъ, кажется, тогда не было, по крайней мѣрѣ я ее рѣшительно не помню. Самъ же ясновельможный панъ Контскій былъ мужчина лѣтъ за сорокъ, нѣсколько выше средняго роста, сухощавый, съ орлинымъ носомъ, съ безпокойными сѣрыми глазами, съ густой свѣтло-каштановой, съ просѣдью, живописно растрепанной шевелюрой и съ навощенными, на старинный польскій ладъ, лихо закрученными усами. Когда въ 1873-мъ году я въ Москвѣ, въ послѣдній разъ встрѣтился съ знаменитымъ польскимъ „Паганини“, Аполлинаріемъ Контскимъ, онъ мнѣ живо напомнилъ своего отца.

Изъ пятерыхъ „музыкальныхъ чудъ“ меньшому, т.-е. упомянутому Аполлинарію было около 5-ти лѣтъ ***); но онъ смѣло и храбро отмахивалъ уже на своей скрипчонкѣ нѣсколько выученныхъ пьесокъ бравурнаго содержанія, при чемъ отецъ-импрессаріо ставилъ его обыкновенно на столъ. Трое другихъ сыновей: Каролъ (18-ти лѣтъ), Станиславъ (14-ти лѣтъ) и Антонъ (10-ти лѣтъ) были піанистами, а дочь Евгенія (16-ти лѣтъ) была пѣвица. Послѣдняя, въ своемъ искусствѣ стояла не выше достопочтеннаго дилеттантизма; но голосокъ у ней былъ свѣженькій и пріятненькій и она обладала тонкимъ слухомъ да естественною дикціею; а главное: она была довольно красивенькая дѣвушка, съ роскошными свѣтлокаштановыми локонами ****).

*) Постоялый дворъ.

**) Цеховой хозяинъ-извозчикъ.

***) Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ я довольно часто видался съ Антономъ и Аполлинаріемъ Контскими, и мы вспоминали не разъ про дни нашего дерптскаго знакомства. Слѣдовательно Аполлинарій Контскій долженъ былъ родиться въ 1823 или 1824 году, а не въ 1826, какъ показано въ музыкальномъ словарѣ Н. Д. Перепелицына.

****) Ее въ Дерптѣ приняли съ снисходительнымъ интересомъ, какой выказывали къ семьѣ высокорожденныхъ странствующихъ артистовъ; дѣйствительное же признаніе таланта стяжалъ одинъ лишь Станиславъ.

Изъ трехъ піанистовъ Станиславъ выказывалъ наиболѣе истинную, художническую даровитость. Антонъ и тогда уже обнаруживалъ большой талантъ, клонившійся преимущественно къ бравурной техникѣ; а Карлъ былъ не что иное какъ уваженія достойный музыкальный труженикъ. Слышалъ я потомъ, что онъ сдѣлался хорошимъ фортепіаннымъ учителемъ (въ Парижѣ), чему вполнѣ вѣрю. Станиславъ же (какъ мнѣ впослѣдствіе говорили братья его) умеръ, не достигнувъ и 20-ти лѣтъ. Это очень жаль, потому что, по искреннему моему убѣжденію, изъ него навѣрное вышелъ бы истинно-геніальный художникъ-музыкантъ, между тѣмъ какъ все артистическое достоинство Антона и Аполлинарія Контскихъ, даже и въ то время, когда они находились въ зенитѣ ихъ славы, заключалось единственно только во внѣшней виртуозной техникѣ и въ лихой шикарности ихъ манеры исполненія. Съ этой стороны нельзя не причислить ихъ къ выдававшимся въ свое время музыкальнымъ талантамъ, но геніальной глубины въ нихъ не было. Въ этомъ самомъ и таится причина, что оба брата имѣли несчастіе пережить свою славу, и что дѣятельность ихъ не оставила слѣдовъ, дѣйствительно достойныхъ исторической памяти.

Но старый Дерптъ, относительно музыки, поступалъ какъ скряга, не любящій показывать всякому лучшія свои сокровища. Такъ, напр., жилъ тамъ одинъ, не молодой уже помѣщикъ, Baron Paul von Wulff, который смѣло могъ бы конкурировать со многими славившимися въ то времи иностранными піанистами. Но онъ былъ большой чудакъ и весьма неохотно садился играть въ присутствіи незнакомыхъ ему постороннихъ людей, такъ что услышать его игру считалось большой рѣдкостью. Съ самаго моего прибытія въ Дерптъ мнѣ довольно часто и много разсказывали про чудное его исполненіе Моцартовыхъ сонатъ, Гуммелевыхъ концертовъ и въ особенности Баховыхъ фугъ, но самому услышать его удалось мнѣ всего только одинъ разъ, когда въ 1826 или 1827 году насилу уговорили его участвовать въ одномъ благотворительномъ концертѣ, устроенномъ въ академической муссѣ. Исполнилъ онъ тогда полонезъ Гуммеля „La bella capricciosa“ и двѣ прелюдіи съ фугами Баха — безспорно великолѣпно и въ строгомъ стилѣ классическаго направленія.

Другое еще болѣе цѣнное музыкальное сокровище храня-

лось въ роскошныхъ палатахъ богача Карла фонъ-Липгардтъ, на пригородной его мызѣ „Rathoff". Это былъ, содержимый имъ спеціально и исключительно для себя, превосходнѣйшій струнный квартетъ, въ которомъ амплуа перваго скрипача занималъ 18-лѣтній въ то время виртуозъ Фердинандъ Давидъ, одинъ изъ лучшихъ учениковъ всемірно-славившагося Луи Шпора*). Віолончельную же партію исполнялъ, немногимъ только старше Давида, Ципріянъ Ромбергъ, сынъ извѣстнаго скрипача и композитора Андрея Ромберга и ученикъ своего дяди, Бернгарда**). Самъ же фонъ-Липгардтъ игралъ (не помню уже хорошенько) или на скрипкѣ, или на альтѣ, и иногда также участвовалъ въ квартетныхъ исполненіяхъ. Пришлось ли когда-либо дерптскимъ жителямъ слышать исполненіе этого квартета въ публичномъ, за плату, концертѣ? о томъ моя память ничего не сохранила; но думаю, что нѣтъ, потому что г. фонъ-Липгардтъ, по всѣмъ извѣстной непомѣрной его гордости, на это, безсомнѣнно, никогда не далъ бы своего согласія. Но такъ какъ мой отецъ, чрезъ президента ландгерихта фонъ-Мензенкамфъ познакомился съ дерптскимъ крезомъ, то и я, по поступленіи въ университетъ имѣлъ честь быть ему представленнымъ и удостоивался потомъ не разъ приглашенія на балы и на музыкальные вечера. На послѣднихъ, разумѣется, главная доля исполненій выпадала всегда на квартетный ансамбль. Тутъ впервые я услышалъ сочиненія Бетховена и тогда началъ предчувствовать существованіе инаго, совершенно новаго, какого-то исполинскаго міра звуковъ, оживленнаго глубоко-поэтическими идеалами и выраженнаго прежде негаданными, смѣлыми гармоническими сочетаніями и оборотами. По моей просьбѣ, матушка моя, чрезъ музыкальный магазинъ Карла Пеца въ Петербургѣ, выписала

---

*) Съ Ф. Давидомъ, когда онъ жилъ въ Дерптѣ, я близко не сошелся. Въ 1863 г. мы встрѣтились опять въ Лейпцигѣ, но принадлежали къ различнымъ партіямъ. Онъ былъ противъ Листа и Вагнера, а я за нихъ. Несмотря на этотъ антагонизмъ, мы другъ друга уважали, и когда въ 1868 г. я оставилъ Лейпцигъ, мы обмѣнялись своими фотографіями.

**) Съ Ципр. Ромбергомъ мы тогда же дружески сошлись, а въ 1835 г. встрѣчались опять въ Петербургѣ. Принадлежа однакожъ къ различнымъ кружкамъ, мы не часто видались. Когда же послѣ моей женитьбы, я воротился въ Петербургъ въ 1839 году (осенью), то я Ромберга болѣе не встрѣчалъ.

для меня изъ-за границы фортепіанныя сочиненія Бетховена. Первыя сонаты, которыя Пецъ прислалъ, были Op. 109 и 110, да Op. 13 (Patetica) и Op. 27 (Quasi Fantasia). Что изъ нихъ двѣ первыя для меня тогда были непонятны и напугали своею трудностію, было весьма естественно; но двумя другими я сразу страстно увлекся, до нѣкотораго даже нервнаго возбужденія, въ родѣ бреда, такъ что матушка, по совѣту нашего домашняго доктора, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, не допускала меня до фортепіано.

XVIII.

Еще въ началѣ 1828 года отецъ мой снова былъ призванъ на государственную службу для реформы отчетной части въ коммиссаріатскомъ департаментѣ военнаго министерства, при чемъ былъ назначенъ туда начальникомъ отдѣленія. Вслѣдствіе ли скораго и удовлетворительнаго исполненія этой реформы, или же въ награду за прежнюю его долголѣтнюю службу въ Придворной конторѣ и въ Министерствѣ Финансовъ (я ныне уже не помню), только къ концу того же года отецъ мой удостоился особой Монаршей милости, состоящей въ назначеніи отцу моему, изъ собственнаго Государя Императора Кабинета, ежегодной стипендіи въ 1500 рублей (ассигнаціями) на университетское образованіе его сына. Такимъ манеромъ я высшимъ научнымъ своимъ образованіемъ всецѣло обязанъ Монаршей щедротѣ незабвеннаго Государя Императора Николая Павловича. Требовалось при этомъ, однакоже, чтобы я по прошествіи каждаго полугодія сдавалъ экзамены и о томъ представлялъ бы надлежащія свидѣтельства министру финансовъ графу Е. Фр. Канкрину.

Матушка же съ братомъ Иваномъ и съ многочисленными подростками нашей семьи оставались въ Дерптѣ еще до весны 1829 года, и тогда уже обратно переселились въ Петербургъ. Послѣ того я сталъ жить въ Дерптѣ одинъ, по-студентски.

Университеты наши въ то время имѣли особыя права: общій для всѣхъ прочихъ гражданъ судебный, по полицейскимъ дѣламъ, порядокъ тогда не касался университетскаго міра. Каждый университетъ пользовался собственною своею „юрисдикціею“, т.-е. своею „управою благочинія“. Всѣ вообще студентскія дѣла разбирались и обсуживались въ университетскомъ совѣтѣ

(Senatus Academiae) подъ предсѣдательствомъ ректора, который носилъ титулъ „Magnificus“ (великолѣпный) или „Seine Magnificenz“ (Его Великолѣпіе). Дѣлами академическаго сената по части „благочинія“ (acta ad disciplinam morum attinentia) правилъ и о нихъ „сенату“ докладывалъ синдикъ (прокуроръ) университета; онъ же наблюдалъ за порядкомъ исполненія рѣшеній совѣта. Когда дѣло по части благочинія касалось какого-нибудь простаго лишь нарушенія полицейскаго порядка или денежныхъ разсчетовъ студентовъ съ квартирными хозяевами, съ ремесленниками, магазинщиками и съ подобными лицами, тогда рѣшенія академическаго сената за подписью ректора и скрѣпою синдика считались окончательными; но когда дѣло касалось какого-нибудь дѣйствительнаго, т.-е. уголовнаго уже преступленія, такъ что виновнаго надлежало передать въ руки общаго правосудія, тогда рѣшенію университетскаго суда подлежало только исключеніе виновнаго изъ списковъ студентовъ (relegatio), которое могло быть временное или окончательное. Таковыя рѣшенія получали законную силу по утвердительной подписи (confirmatio sententiae) попечителя университета (curator academiae), который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и попечителемъ всего учебнаго округа. Но этимъ, кажется, и ограничивалось тогдашнее вліяніе г. попечителя на дѣла академической юрисдикціи.

Вообще, сколько я могу нынѣ сообразить съ представлявшимися тогда случаями, попечитель учебнаго округа въ то время исполнялъ обязанность не столько феодальнаго сюзерена надъ судьбою преподавателей и учащихся, сколько ревностнаго блюстителя за распространеніемъ блага просвѣщенія въ ввѣренномъ ему округѣ, и въ этомъ отношеніи онъ поистинѣ бывалъ благотворнымъ посредникомъ между культурными нуждами края и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. На этомъ основаніи на его обязанности, какъ тогда не одинъ разъ поговаривали, лежала по возможности частая личная инспекція гимназій и школъ его округа. Собственно же въ университетскія-то дѣла если можетъ быть и было какое вмѣшательство г. попечителя, то оно, по крайней мѣрѣ, не доходило до свѣдѣнія нашего, т.-е. студентовъ, ибо всѣ вывѣшенныя въ университетскомъ вестибюлѣ „для общаго свѣдѣнія“ объявленія отъ академическаго сената или были подписаны самимъ

ректоромъ, или начинались словами „отъ имени Его Великолѣпія господина ректора“. А потому не удивительно, что во все время моего пребыванія студентомъ Дерптскаго университета мнѣ случалось не болѣе, кажется, четырехъ разъ увидѣть нашего г. „куратора“, да и то лишь какъ участника въ академическихъ торжествахъ. Послѣдній моего времени попечитель, генералъ-адъютантъ баронъ Фонъ-деръ Паленъ даже не живалъ въ Дерптѣ, такъ какъ онъ одновременно носилъ должность генералъ-губернатора остзейскихъ провинцій и поэтому постоянное свое пребываніе имѣлъ въ г. Ригѣ.

Команда „исполнительной полиціи“ Дерптскаго университета состояла всего изъ четырехъ педелей подъ предводительстомъ старшаго или оберъ-педеля, и этого малаго числа служителей университетской германдади было тогда совершенно достаточно для полицейскаго надзора за тѣми слишкомъ 700 студентами, которыхъ въ мое время насчитывалось въ Дерптскомъ университетѣ.

Восемъ лѣтъ провелъ я въ Дерптѣ, и въ продолженіе всего времени ни разу не слышно было, чтобы университетскому начальству приходилось обратиться къ полицеймейстеру, а тѣмъ менѣе къ командиру расположеннаго въ городѣ полка, за помощію въ возстановленіи порядка среди студентскихъ сборищъ по случаю либо торжественныхъ ихъ факельцуговъ*), либо періодически устраиваемыхъ на главной (ярмарочной) площади, публичныхъ коммерсовъ. Когда уличный „скандальчикъ“ производился въ дѣйствительно небольшомъ размѣрѣ, тогда обыкновенно достаточно было появленія одного, либо и двухъ педелей съ воззваніемъ „Im Namen Seiner Magnificenz, bitte, liebe Herren, auseinandergehen!“**) — чтобы возстановился порядокъ. Случалось, — спору нѣтъ, — что происходили (но весьма рѣдко) также и довольно шумныя сходки нѣсколькихъ десятковъ студентовъ, подъ вліяніемъ излишнихъ вакхическихъ изліяній, но даже и съ таковыми „anständige“***) скандалами почти всегда благополучно, и притомъ безъ всякаго грубаго насилія, успѣвали управиться оберъ-педель и четыре его акко-

*) Fackelzug, — процессія съ факкелами.

**) Во имя Его Великолѣпія, пожалуйста, милые господа, разойдитесь!

***) Anständig, порядочный.

лита. Помню я всего только раза два, что „порядочный“ скандалъ возросъ до размѣровъ „большаго“ скандала тѣмъ, что на мѣсто сходки все вновь да вновь притекали цѣлые десятки буршей, и сборище начало принимать нѣсколько буйный уже характеръ. Дали знать ректору (профессору Густаву фонъ-Эверсъ), который, поспѣшивъ созвать нѣкоторыхъ самыхъ любимѣйшихъ студентами, профессоровъ (Блюма, Брёкера, Вильгельма Струве и др.), явился съ ними на мѣсто сходки. Лишь только студенты увидѣли своихъ любимыхъ профессоровъ, какъ вся громко шумѣвшая толпа мало-по-малу утихла. Эверсъ и его сподвижники проникли поодиночки въ разныя кучки и стали уговаривать студентовъ: „Meine Herren, bitte, beruhigen Sie sich! Thuen Sie uns persönlich die Liebe an, gehen Sie auseinander! Um der akademischen Ehre willen, gehen Sie auseinander!“*) Наконецъ толпа, совсѣмъ усмирившись, начала мало-по-малу рѣдѣть. Тогда Эверсъ всталъ на какое-то вблизи находившееся возвышеніе (тумба, наружная лѣстница или т. п.) и звучнымъ голосомъ произнесъ: „Господа, благодарю васъ! завтра ровно въ 12 часовъ я готовъ принять въ залѣ академическаго сената депутацію для разбора сегодняшняго дѣла. До свиданья!“ — Ректоръ и профессора удалились, сопровождаемые восклицаніями „Vivat Magnificus! vivat Academia! vivant professores! — Чрезъ четверть часа площадь оказалась молчаливой пустыней.

Весьма быть можетъ, что нынѣ найдутся люди, которые станутъ сомнѣваться въ справедливости моихъ воспоминаній: одни станутъ удивляться „снисхожденію“ ректора и профессоровъ, другіе не повѣрятъ „уступчивости“ студентовъ. А между тѣмъ дѣло объясняется весьма просто, стоитъ только анализировать обоюдныя отношенія дѣйствующихъ лицъ.

Ректоръ университета былъ главою академической „управы благочинія“, члены которой избирались изъ профессоровъ. Университетскій судъ, слѣдовательно, состоялъ не изъ односторонихъ толкователей одной лишь буквы закона, а изъ людей, морально болѣе или менѣе связанныхъ съ тѣми юношами, степень виновности которыхъ имъ приходилось обсужи-

*) Господа, пожалуйста, успокойтесь. Сдѣлайте намъ личное одолженіе, разойдитесь! Ради академической чести, разойдитесь.

вать. Ибо профессора 20-хъ годовъ (по крайней мѣрѣ Дерптскаго университета) наибольшей частію не чуждались академическаго юношества и охотно принимали у себя молодыхъ своихъ слушателей, коль скоро они мало-мальски умѣли вести себя, какъ принято въ кругахъ интеллигентныхъ людей. Наши дерптскіе ученые не только не забывали, но даже любили вспоминать о томъ, что и они когда-то были „лихими буршами“. Вслѣдствіе же этого душевнаго настроенія своихъ членовъ, университетскій судъ умѣлъ различать шалость молодости отъ дѣйствительно вреднаго обществу проступка и сообразно съ этимъ взглядомъ опредѣлялъ также и приговоры свои; по тому же поводу академическій сенатъ равномѣрно всегда готовъ былъ выслушивать желанія и жалобы подвѣдомственнаго ему юношества, и позаботился объ удовлетвореніи ихъ, буде они были основательны, а въ противномъ случаѣ убѣждалъ доказательно въ недопускаемости оныхъ. Избранные изъ среды таковыхъ профессоровъ ректоры, какъ оно само собою вытекало изъ общаго итога обстоятельствъ, поставляли себѣ не только за долгъ, но даже за честь поддерживать льготы и права университетскаго суда. Таковыми-то именно ректорами были Густавъ Фонъ-Эверсъ (умершій въ началѣ 1829 года) и достойный его преемникъ Фридрихъ Парротъ*).

И вотъ почему тогдашніе дерптскіе студенты, пользовавшіеся преимущественными льготами относительно личной свободы, имѣли полное довѣріе къ своему ректору и къ своему академическому сенату; вотъ почему они уважали и любили ихъ, а оттого безъ малѣйшаго раболѣпія, въ минуты даже возбужденнаго состоянія головъ, охотно и безпрекословно имъ повиновались. Совершенно правъ, слѣдовательно, Шиллеръ, когда онъ говоритъ:

„Предъ рабомъ, разорвавшимъ цѣпи свои,
Не предъ мужемъ свободнымъ, ты трепещи!“ **)

Отношенія же между дерптскими студентами и педелями были столь оригинальны, что нынѣшнимъ студентамъ русскихъ университетовъ только придется удивляться. Прежде всего слѣ-

*) Знаменитый профессоръ физики, впослѣдствіи членъ Императ. Академіи.

**) „Vor dem Sklaven, wenn er die Kette bricht, —
„Vor dem freien Manne erzittre nicht!“

дуетъ упомянуть о томъ, что наши педели, или „пудели“ (какъ мы ихъ звали) бывали не изъ грубаго невѣжественнаго народа, а изъ горожанъ, и довольно грамотные, даже знакомые съ стихами Шиллера, съ сантиментальными романами Августа Лафонтена и съ разбойничьими повѣстями Лейброка. Они почти всегда бывали мягкаго, добродушнаго характера и всѣмъ сердцемъ срослись съ университетскимъ міромъ, а потому отечески расположенные къ молодымъ „буршамъ“. У нихъ была отличная память на физіономіи и имена студентовъ и всегда провѣдывали (Богъ ихъ знаетъ, какъ?) всю подноготную ихъ житья-бытья. Зато и не разъ они указывали одному — другому бѣдняку-буршу на то, чрезъ какого профессора какимъ путемъ ему добиться избавленія отъ платы за слушанье лекцій.

Мы всѣ хорошо ладили и дружески шутили съ нашими стариками-„пуделями“. Они же, съ своей стороны, всегда были готовы скрывать наши шалости, когда это оказывалось возможнымъ безъ риска собственной отвѣтственности. Шутки надъ „филистерами“*) суть традиціонныя, ибо онѣ исполнялись уже встарину въ разныхъ западныхъ университетахъ, и хотя съ точки строгаго благочинія онѣ, конечно, должны были бы считаться нарушеніемъ покоя кого-нибудь изъ согражданъ, но съ другой стороны эти проказы выказывались столь наивношаловливыми и смѣхотворными, да и въ сущности безвредными, даже мало обидными, что и между филистерами онѣ обыкновенно возбуждали болѣе смѣха, чѣмъ гнѣва. Къ наиболѣе повторявшимся шалостямъ принадлежали слѣдующія.

Возвращается буршъ ночью домой. На одной улицѣ видитъ онъ, что у одного изъ оконъ какого-то дома ставни не притворены, а въ самомъ-то окнѣ имѣется форточка. Это его соблазняетъ. И вотъ онъ подходитъ и стучитъ въ окно, при чемъ подражая голосу плаксивой старушки, восклицаетъ: „Machen Sie auf! Um Gottes willen, machen Sie auf!“**) И это продолжается crescendo до тѣхъ поръ, пока форточка не отворится и не появится кто-нибудь за нею съ вопросомъ: „Na, Herr Jesus, was giebt's denn da?“***) Тогда буршъ собственнымъ

*) Филистеромъ называется всякій, кто не членъ университетскаго міра, преимущественно же изъ сословія мѣщанъ.

**) Отворите! ради Бога, отворите!

***) Ну, Господи Іисусе, что же тамъ такое?

уже своимъ голосомъ отвѣчаетъ: „Ach, excusiren Sie! Ich wollte blos 'mal Ihnen eine schöne gute Nacht wünschen!“*) А затѣмъ спокойно уходитъ.

Иной разъ нѣсколько буршей, конечно также ночью, проходя по улицѣ, случайно поражены ярко освѣщенною лучами мѣсяца вывѣской кондитерской. Тутъ вдругъ припоминаютъ они, что на той же улицѣ, насупротивъ кондитерской, находится мясная лавка, вывѣска которой теперь едва замѣтна, потому что та сторона улицы совершенно въ тѣни. „Это не справедливо!“ (говорятъ бурши) „dulcedine caro utilior; utiliori praerogativa convenit!“**) Вслѣдствіе же этого присужденія бурши снимаютъ обѣ вывѣски и перевѣшиваютъ ихъ: вывѣску мясника подъ полное отраженіе мѣсячныхъ лучей надъ входомъ въ кондитерскую, а вывѣску послѣдней на темную сторону, надъ лавкой мясника.

Случалось также иногда, что какой-нибудь буршъ, возвращаясь съ товарищемъ съ торжества Вакха, впадаетъ въ сантиментальность: помнится ему, что его „Linchen“***), уступивъ настойчивой волѣ папаши „Schumachermeister“****), вышла замужъ за какого-то сорокапятилѣтняго „ehrbarn Bürger und Zunftvorsteher, Herrn Knopfmachermeister†) Christoph Leberecht Gottlieb Seidenraup; а сей ревнивецъ держитъ ее-то „Linchen“ — вѣчно взаперти. „Bruderherz“††), обращается влюбленный буршъ къ товарищу, съ которымъ вмѣстѣ рука объ руку они невольно выписываютъ зигзаги по улицѣ, — „Bruderherz, помоги мнѣ какъ истый другъ! Хочу я учинить серенаду своей Linchen, да еще и наказать этого ledernen Kerl†††) Christoph Leberecht Gottlieb Seidenraup“. — „Bene, benissime!“ отвѣчаетъ брудергерцъ: „накажемъ этого Зейденраупъ!“ И идутъ друзья домой. Влюбленный снимаетъ со стѣны свою гитару, а брудергерцъ беретъ старую метлу и перевернувъ ее, прикрѣпляетъ къ ней случайно валявшуюся

*) Ахъ, извините! я хотѣлъ только пожелать вамъ пріятной, доброй ночи!

**) Сластей полезнѣе мясо; полезнѣйшему подобаетъ преимущество.

***) Ласкательное сокращеніе имени Caroline.

****) Башмашный мастеръ.

†) Многопочтенный гражданинъ и цеховой глава, г. пуговичный мастеръ.

††) Братъ сердечный.

†††) Кожаный мужикъ, выраженіе, обозначающее никуда негоднаго, очень наскучившаго человѣка.

въ углу маску такъ, что вмѣсто волосъ торчатъ надъ ней прутья метлы. Вооружившись этимъ матеріаломъ друзья отправляются въ тотъ переулокъ, гдѣ во 2-мъ этажѣ одного изъ домовъ жительствуетъ ревнивый филистеръ „Knopfmachermeister Seidenraup“. Кругомъ все тихо, и ночь довольно темная. Чрезъ кисейныя гардины одного окна слабо мерцаетъ свѣтъ ночной лампы: это спальня. Подъ этимъ-то окномъ влюбленный крѣпко уставившись въ позицію, упирается въ стѣну вытянутыми впередъ руками, а брудергерцъ, взобравшись ему на плечи, привязываетъ метлу, палкою внизъ и маскою обращенной къ окну, и затѣмъ спускается на мостовую. Потомъ подъ нѣжно дрожащіе звуки аккомпанирующей гитары раздается въ два голоса слащаво-сантиментальная пѣсенка. Тамъ и сямъ отворяются форточки, за которыми замѣчаются головки разныхъ „Trinchen, Minchen, Finchen“*) и т. д., то съ золотистыми, то съ свѣтлорыжими локонами: знать, серенада буршей производитъ эффектъ, и пѣвцы удвоиваютъ свое стараніе. Наконецъ просыпается и „Linchen“, а съ нею же и ревнивецъ Зейденраупъ, который тотчасъ и угадываетъ значеніе серенады. Разозлившись, срывается онъ съ одра, бѣжитъ къ окну и торопясь его растворить, заранѣе уже начинаетъ кричать и ругаться, но въ мигъ умолкаетъ, весь объятый страхомъ: едва только успѣлъ онъ нѣсколько растворить окно, какъ кто-то извнѣ тотчасъ его опять захлопнулъ, а въ самыя-то стекла стучитъ, эхидно кланяясь, лохматая, огромная голова съ страшнымъ, блѣднымъ лицомъ и большими черными глазами. Въ то же время на улицѣ раздается смѣхъ молодыхъ голосовъ, а затѣмъ пѣніе удаляющихся трубадуровъ на извѣстный мотивъ „фуксовой пѣсни“**):

„Es ist der Seidenraup, (bis)
„Es ist der lederne Seidenraup,
„Ci-ça Seidenraup,
„Es ist der Seidenraup!“***)

---

*) Ласкательныя сокращенія именъ: Катерина, Минна, Софья.

**) „Fuchslied“, многоизвѣстная студентская пѣсня, содержащая разныя насмѣшки надъ фуксами.

***) Вотъ самъ-онъ Зейденраупъ, (два раза)
Вотъ самъ-онъ, кожаный Зейденраупъ,
Си-са Зейденраупъ,
Вотъ самъ-онъ Зейденраупъ!

И въ таковомъ-то родѣ бывали вообще и всѣ прочія шутки, продѣлываемыя буршами надъ филистерами.

Наибольшей частью эти шалости проходили учинившимъ ихъ безнаказанно, такъ какъ сами филистеры, боясь хлопотъ и потери лишняго времени, не подавали жалобы въ академическій сенатъ. Къ тому же они знали, что когда бы они возбудили дѣло, то проказы надъ ними только стали бы повторяться и усиливаться. Для педелей же, казалось, никакая проказа, гдѣ и когда бы она ни исполнялась, тайною не оставалась, и доказательствомъ тому служило то, что, когда иной разъ слишкомъ уже обидившійся филистеръ на другой день донесъ о сыгранной съ нимъ шуткѣ, вслѣдствіе чего синдикъ университета педелямъ строго предписалъ, отыскать и представить виновнаго въ академическій судъ, то это и было исполнено безъ всякой малѣйшей остановки. Но въ таковыхъ случаяхъ, тотчасъ же вслѣдъ за формальной, однимъ изъ педелей лично объявленной виновному буршу „цитировкою“ для предстанія предъ судъ, была ему таинственно доставлена копія съ рапорта донесшаго „ex officio“ педеля, для его соображенія въ своихъ отвѣтахъ; а въ этомъ рапортѣ, по искони принятому обычаю, самое-то происшествіе всегда представлено было въ наизвозможно смягченномъ и наиболѣе для отвѣтчика выгодномъ видѣ. А потому виновные за подобныя, въ сущности же дѣйствительно не зловредныя, юношески-наивныя шалости обыкновенно отдѣлывались карцернымъ арестомъ отъ двухъ до трехъ дней. Итакъ какъ подобной сатисфакціею всегда оказывались вполнѣ удовлетворенными самые даже сердитые челобитчики, то отъ этой нормы гуманной юрисдикціи отступать никакихъ поводовъ не представлялось. Вѣдь были же оттого, какъ говорится, и волки сыты и овцы цѣлы, а между тѣмъ не разбивались навѣки поистинѣ иногда цвѣтущія надежды цѣлыхъ семействъ изъ какихъ-нибудь пустыхъ проказъ всегда болѣе или менѣе къ шалостямъ расположенныхъ юношей. Такъ думали и разсуждали тогда въ Дерптѣ о студентскихъ дѣлахъ не только члены университетскаго суда, но и всѣ, чай, безъ изъятія горожане, а преимущественно, кажется, честные, ничѣмъ никогда не подкупные наши „полисмены“, педели.

Ибо самъ отъ себя, по собственной иниціативѣ, о таковыхъ

шаловливыхъ шуткахъ никакой педель никогда не доносилъ. Напротивъ бывало даже, напр. дружище старый педель Мартини случайно какъ-то набредетъ на мѣсто шуточной продѣлки въ самый моментъ ея исполненія, — слѣдовательно, когда онъ могъ быть увѣренъ, что, кромѣ развѣ самихъ шалуновъ, никто его не замѣтитъ,—и что же? послѣ тихохонько и осторожно (на всякій случай) произведенной рекогносцировки, онъ быстро удаляется въ противоположную сторону. Насилу удерживая невольно захватывающій его смѣхъ, онъ будто про себя, но довольно внятно ворчитъ: „Kommen Sie mir nicht zu nah'! Ich seh' nichts! Ich will Sie nicht kennen!“ *) А какъ пройдетъ нѣсколько дней и жалобы ни отъ кого не поступило, то, при встрѣчѣ съ проказникомъ, старикъ, весело улыбаясь, дружески грозитъ пальцемъ да шутливо приговариваетъ: „Nun aber, lieber Herr X., 's nächste Mal muss ich Sie denn wohl wirklich fest kriegen!“ **)

Такія же дружескія объясненія происходили и тогда, когда въ случаѣ неизбѣжныхъ послѣдствій отъ принесенной филистеромъ жалобы, педель рано утромъ являлся къ какому-нибудь буршу-проказнику „отъ имени Его Великолѣпія“ съ цитировкою въ академическій сенатъ.

„Ну ужъ вы, Мартини (скажетъ примѣрно виновный), хорошо ли это съ вашей стороны? Сами тогда, знаете, говорили, что ничего не видѣли, что знать меня не знаете, а теперь все-таки выдали?“

„Ахъ, вы милый мой господинъ (возражаетъ обыкновенно тогда старикъ), да поймите же вы хорошенько. Я-то чѣмъ тутъ виноватъ? Самъ-то по себѣ, вѣдь, ни гугу! А вотъ проклятый филистеръ-то жаловался! Ну, г. синдикъ и приказали именно-то мнѣ открыть виновнаго, словно угадали, что чортъ меня тогда натолкнулъ на самое мѣсто происшествія. А сами вы вѣдь знаете г. синдика; у нихъ одинъ только конецъ: или подавай виновнаго, или получай отставку! Такъ какъ же мнѣ тутъ быть? Вѣдь вамъ, милый господинъ, ей Богу, особенно большаго труда не стóитъ, посидѣть маленько

---

*) Не подходите близко ко мнѣ! я ничего не вижу, я знать васъ не хочу!

**) А ну-ка, милый господинъ X., въ слѣдующій разъ ужъ и вправмь мнѣ надо будетъ васъ словить!

въ карцерѣ; дѣло, кажись, вамъ ужѣ привычное! А мнѣ-то, старику, каково будетъ хлѣба насущнаго-то лишиться при полдюжинѣ дѣтей!“

„А сколько дней-то мнѣ карцера будетъ за это?“

„Не много, ей Богу, не много! Больше трехъ дней не будетъ. Вѣдь шалость это была, а не преступленіе! Ну право, милый господинъ, не сердитесь!“

„Да ладно же, не сержусь я“.

„А въ сенатъ-то сегодня къ 12-ти часамъ явитесь?“

„Явлюсь!“

„То-то, милый вы мой господинъ! не забудьте только; а я въ другой разъ такъ и заслужу вамъ; какъ только примѣчу васъ издали, тотчасъ въ другую сторону и поверну!“

И вотъ старыя дружескія отношенія опять налажены.

Разберемъ же, наконецъ, также и суть третьяго, не менѣе, если не болѣе еще важнаго фактора тогдашней дерптской университетской жизни, т.-е. духъ студентовъ двадцатыхъ годовъ. Такъ какъ съ тѣхъ поръ протекло болѣе 60-ти лѣтъ, то я и знаю, что нынѣшнее поколѣніе a priori опредѣлитъ этотъ духъ единымъ, весьма любимымъ въ наше время, громогласнымъ словомъ: „отсталость.“ О словахъ и выраженіяхъ спорить я считаю напраснымъ трудомъ; а такъ какъ та эпоха, о которой я вспоминаю, по лѣтосчисленію дѣйствительно „далеко отстоитъ назадъ“ отъ текущаго 1891 года, то, пожалуй, и духъ дерптскихъ студентовъ тогдашней эпохи, можно (въ томъ же, конечно, лѣтосчислительномъ только смыслѣ) называть „отсталымъ.“ Съ другой же стороны, думаю я, что есть понятія, которыя никогда не старѣютъ, т.-е. такія, которыя искони въ одинаковомъ смыслѣ существовали у всѣхъ народовъ, да и впредь никогда не потеряютъ истиннаго своего значенія. Таковымъ понятіемъ считаю я, между прочимъ, понятіе: порядочный человѣкъ. Что обыкновенные — воръ, грабитель, разбойникъ и т. п. не принадлежатъ къ сонму порядочныхъ людей, въ этомъ и сомнѣнія быть не можетъ.

Столь же мало оспоримо, вѣроятно, и то, что лѣнь, шалость и виверство собственно-то еще не суть пороки, а только слабости, и что можно быть лѣнтяемъ, шалуномъ и виверомъ, все-таки не переставая быть порядочнымъ человѣкомъ. Къ какому же, однако, разряду людей слѣдуетъ относить тѣхъ инди-

видуумовъ, которые считая себя и свои матеріальныя (иначе сказать, животныя) влеченія центромъ всего соціальнаго міра, въ тайникѣ своей души не признаютъ ни воли ни правъ другихъ, и въявь только потому ихъ не нарушаютъ, что боятся преслѣдованія законовъ? Это тѣ самые индивидуумы, соціальный принципъ которыхъ гласитъ: „нраву моему препятствовать не моги“. Ихъ бываетъ два разряда, которые другъ отъ друга ярко отличаются, но именно-то и единственно отличаются одною только внѣшностію: одни въ обществѣ иногда пользуются больше или меньше выдающимся положеніемъ, въ большей или меньшей мѣрѣ утонченными удобствами культурной жизни; другіе же, какъ по своему положенію, такъ и по житью-бытью своему представляютъ прямую противоположность первыхъ. Подобное различіе, впрочемъ, ничего не значитъ, и существуетъ также между порядочными людьми разныхъ классовъ. Но между двумя разрядами непорядочныхъ людей существуетъ еще и другое, хотя также лишь внѣшнее, но весьма разительное различіе. Первый разрядъ всѣми усиліями старается на сколько можетъ, подражать внѣшнимъ соціальнымъ обычаямъ и манерамъ порядочныхъ людей интеллигентнаго міра и этимъ самымъ невольно высказываетъ признаніе высокаго моральнаго преимущества послѣднихъ. Другой же разрядъ слишкомъ тяготится этимъ моральнымъ перевѣсомъ разума и добра надъ животнымъ зломъ, а потому рѣшился возставать противъ всѣхъ обычаевъ цивилизаціи подъ предлогомъ, что будто „слѣдуетъ во всемъ сливаться съ простымъ народомъ.“ Но, къ сожалѣнію, они избрали себѣ образцомъ не настоящаго русскаго крестьянина-труженика, а фабричнаго разгульнаго лѣнтяя, т.-е. они являются — выражаясь словами графа Л. Толстого, — „плодами просвѣщенія“, а еще вѣрнѣе сказать: „плодомъ преднамѣренно-изуродованнаго просвѣщенія“. Это никакъ не типъ русскаго народа; это смѣсь завистливаго хищничества и надменнаго своеволія, напускнаго невѣжества, грубаго животнаго увлеченія и совершеннаго безбожничества подъ флагомъ кабачнаго либерализма.

И въ этомъ отношеніи я совершенно согласенъ называть „далеко отсталымъ“ духъ дерптскихъ студентовъ двадцатыхъ годовъ. Правда, что и между ними также встрѣчались и лѣнтяи, и забубенныя головы, шалуны, и слабохарактерные ви-

веры, но всѣ они безъ исключенія были все-таки вѣрными, честными товарищами, и поэтому самому уже не могли не быть порядочными людьми, изъ какого бы сословія они ни происходили. Главнѣйшей же гарантіею противъ всякаго проникновенія въ кругъ тогдашнихъ дерптскихъ студентовъ хотя бы даже однѣхъ лишь идей, руководящихъ „героевъ нашего времени," служили „землячества" или „ландсманшафты" съ ихъ принципами и уставами.

Принципомъ этихъ уставовъ служило убѣжденіе, что „буршу" прежде всего слѣдуетъ быть „порядочнымъ человѣкомъ", т.-е. такимъ, который умѣетъ не только поддерживать собственное свое достоинство, но также и не нарушать достоинства другихъ; другими словами: отъ бурша требовалось соблюденіе „рыцарской чести" и „рыцарской учтивости" *). По уставамъ всѣхъ корпорацій, всякаго рода перебранка, а тѣмъ паче ручная драка между буршами строжайше запрещалась. При возникновеніи всякой ссоры между двумя буршами, угрожавшей зайти за предѣлы простаго недоумѣнія, присутствовавшіе другіе товарищи обязаны были развести ссорившихся, и если не удалось уладить недоумѣнія примиреніемъ, то по крайней мѣрѣ прекратить дальнѣйшее личное столкновеніе антагонистовъ, предоставляя имъ единственно только право рѣшить возникную ссору правильной по уставу дуэлью (Paukerei).

Дуэли по внѣшней своей обстановкѣ раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ сообразно съ степенью обиды, а эти степени находились довольно ясно опредѣленными въ уставѣ корпораціи. Въ сомнительныхъ же случаяхъ столкновенія между буршами подвергались даже обсужденію и опредѣленію третьейскимъ судомъ, который составлялся изъ трехъ сеніоровъ землячества и четырехъ секундантовъ.

Низшій разрядъ дуэли былъ установленъ за ссору изъ-за какого-нибудь колкаго, неприличнаго выраженія. Этого рода дуэль происходила на выточенныхъ эспадронахъ (или палашахъ) при полномъ предохранительномъ вооруженіи и бывала двухъ нюансовъ: въ рубахахъ и безъ рубахъ. Процедура подобнаго поединка была мною уже описана въ главѣ XVI. Въ случаѣ подобныхъ столкновеній, по предварительномъ раз-

*) Courtoisie.

борѣ обстоятельствъ ссоры вышерѣченнымъ судомъ, не считалось постыднымъ дѣломъ, когда, конечно до выхода еще „на мензуру“ (на позицію между очерченными на полу предѣлами разстоянія), обидчикъ объявлялъ, что сказанное имъ было послѣдствіемъ необдуманной запальчивости, а не намѣренія дѣйствительно обидѣть товарища. Тогда, какъ само собою разумѣвается, дѣло оканчивалось частной „примирительной“ пирушкою на счетъ кающагося обидчика. Если же объявленное извиненіе противникомъ не было принято, тогда третейскій судъ имѣлъ право сократить дуэль, опредѣливъ быть ей лишь „одноходною“, т.-е. съ прекращеніемъ ея послѣ перваго уже „туша“. Съ другой же стороны бывшему обидчику, за отказъ въ принятіи его извиненія, предоставлялось право вызвать противника на новую дуэль.

Изъ приведеннаго въ упомянутой главѣ описанія обычнаго разряда дуэли между буршами, можно легко убѣдиться въ томъ, что, благодаря полному предохранительному вооруженію, „пауканты“ (т.-е. сражающіеся) никакъ не рисковали чѣмъ-либо болѣе, какъ только полученіемъ какого-нибудь „шмисса“ или на верхней части груди, или на верхней части руки. А подобныя раночки, въ сущности всегда бывали такъ незначительны, что никогда не требовали ни тщательнаго за ними ухода, ни соблюденія строгой діэты, ни даже особеннаго покоя. Пишу я это по собственному опыту; ибо азъ грѣшный каюсь, что пять разъ былъ самъ „паукантомъ“, а на 3-мъ разѣ отъ противника-лѣвши (имѣвшаго, слѣдовательно, значительный „фортель“ надо мною) получилъ по правому плечу „порядочный“ *) шмиссъ. Но этотъ шмиссъ, послѣ умѣлаго слѣпленія его, ни малѣйше не препятствовалъ мнѣ тотчасъ напялить форменный сертукъ, участвовать въ тотъ же вечеръ въ частной пирушкѣ, а затѣмъ ежедневно выходить какъ ни въ чемъ не бывало, что однакоже не мѣшало нормальному, не далѣе какъ чрезъ недѣлю времени, совершенному сростанію разсѣчки. Шрамъ конечно остался, да въ этомъ развѣ особенная какая бѣда?

Болѣе опасными, правда, являлись высшіе разряды дуэлей,

*) Порядочнымъ шмиссомъ называлась въ два дюйма длины и въ полдюйма глубины.

поводами къ которымъ бывали болѣе серьезныя ссоры. При каждомъ высшемъ разрядѣ поединковъ опасность для дуэлянтовъ возрастала отъ постепеннаго убавленія частей предохранительнаго вооруженія, а два наивысшихъ разряда были соединены также съ измѣненіемъ самаго рода оружія.

При поединкѣ 2-го разряда хотя набрюшникъ, галстукъ и боевая перчатка сохранялись, но шлемъ былъ замѣненъ ваттированной шапкою съ большимъ четыреугольнымъ кожанымъ козырькомъ.

Когда обида требовала еще болѣе строгаго удовлетворенія, тогда вызывавшему приходилось предварительно выписаться изъ числа студентовъ и тѣмъ вынудить противника послѣдовать его примѣру. Такъ какъ, слѣдовательно, эти дуэли происходили не между настоящими студентами, а между лицами, не принадлежащими уже къ университетскому міру, то таковые поединки назывались „филистерскими“ (Philisterpaukereien).

При филистерскихъ дуэляхъ низшаго разряда оружіемъ служили тѣ же студентскіе эспадроны и сохранились предохранительные набрюшникъ, галстукъ и боевая перчатка, но только въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, въ особенности послѣдняя; а на голову надѣвался простой цилиндръ.

Высшимъ затѣмъ разрядомъ считалась обыкновенная, такъ называемая „французская“ дуэль на шпагахъ, а наивысшимъ разрядомъ — поединокъ на пистолетахъ.

Оставляя въ сторонѣ всякое разсужденіе объ исключительномъ допущеніи или безъисключительномъ воспрещеніи вообще землячествъ и дуэлей въ студентскомъ мірѣ, не могу я, однакоже, не указать на тотъ никѣмъ—какъ я увѣренъ — не отрицаемый фактъ, что въ описываемое мною время не только не слышно было про какой-либо случай грубой перебранки или того хуже кулачной расправы между студентами, но что дѣйствительно послѣдніе строго соблюдали между собою тотъ тонъ товарищества, который предписывался корпораціонными уставами. И это легко объясняется. Порядочный человѣкъ охотно подчинялся уставу, который, вполнѣ совпадая съ собственными его воззрѣніями на общественныя отношенія, гарантировалъ ему безъ всякихъ дальнихъ хлопотъ полное удовлетвореніе за нарушеніе личнаго его права на уваженіе

со стороны товарищей. А что касалось „непорядочныхъ“ людей, порывы грубой ихъ натуры обуздывались именно карою, установленною студентскими правилами о чести и товариществѣ, потому что „непорядочные люди“ почти безъ исключенія бываютъ трусами. Спросятъ, пожалуй, о томъ, неужели между дерптскими студентами никогда не проявлялись „бреттёры?“ и неужели я считаю бреттёровъ „порядочными людьми?“ На послѣдній вопросъ, конечно, я могу отвѣчать только отрицаніемъ; и этимъ я себѣ не противорѣчу, ибо въ сущности бреттёръ, несмотря на кажущуюся его „бравурность“, все тотъ же трусъ. Развивать въ себѣ фехтовальное искусство до наивысшаго совершенства можетъ безъсомнѣнія всякій, кто отъ природы одаренъ эластичнымъ, здоровымъ тѣломъ; это зависитъ отъ настойчиваго труда и отъ посвящаемаго ему времени. А кто овладѣлъ этимъ искусствомъ въ подобной степени, тотъ знаетъ, что, имѣя огромное преимущество, онъ ничѣмъ не рискуетъ. Изъ сего возрождается самоувѣренность въ непобѣдимости, которая при врожденной нахальности непремѣнно доводитъ до бреттёрства. Лучшимъ же доказательствомъ тому, что бреттёры не оживлены настоящею храбростію, служитъ съ одной стороны то, что въ военныхъ сраженіяхъ они постоянно выказывали себя легко растерявшимися трусами, а съ другой стороны, что они всегда придирались только къ такимъ лицамъ, которые имъ казались не довольно опытными въ фехтовальномъ искусствѣ. Въ мое время въ Дерптѣ бреттёровъ не оказывалось. Говорили, что прежде бывали такіе субъекты, но въ 1820-мъ или въ 1821 г. удалось положить конецъ нахальному бреттёрству благодаря солидарному дѣйствію земляческихъ корпорацій. Мнѣ вотъ что разсказывали. Поступилъ тогда въ Дерптскій университетъ нѣкій Зелинскій, изъ виленскихъ студентовъ, который былъ необычайный мастеръ въ фехтовальномъ искусствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нахалъ въ высшей степени. Этотъ господинъ началъ изъ всякихъ пустяковъ заводить грубыя ссоры съ вновь поступавшими фуксами, и тѣмъ заставлялъ ихъ вызывать его на дуэль. Эти „фуксы“, конечно, обыкновенно бывали также новичками и въ фехтовальномъ искусствѣ, а бреттёръ, пользуясь своимъ превосходствомъ въ ономъ, находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы ранить ихъ именно въ лицо.

Въ особенности преслѣдовалъ онъ богослововъ, и хохоталъ надъ тѣмъ, что вотъ онъ „изсѣкъ имъ физіономіи“ и тѣмъ, конечно, портилъ имъ карьеру. Это продолжалось, можетъ быть, съ полгода, въ теченіе котораго удалось ему ни про что, ни за что изуродовать лица болѣе 20-ти молодымъ людямъ. Тогда сеніоры незадолго предъ тѣмъ образовавшихся трехъ землячествъ лифляндцевъ, эстляндцевъ и курляндцевъ, устроили общую сходку, на которой было рѣшено воспротивляться распространенію бреттёрства, а ради примѣра наказать этого Зелинскаго. Для этой цѣли каждая изъ трехъ названныхъ корпорацій, избравъ изъ своихъ членовъ по три лучшихъ фехтовальщика, поручила имъ вызвать онаго бреттёра на филистерскую дуэль „до трижды трехъ тушей“ съ каждымъ. Это равнялось 27-ми уставнымъ поединкамъ, а такъ какъ къ тому же эти поединки имѣли быть филистерскими, слѣдовательно довольно серьезными, то „храбрый“ бреттёръ струсилъ и удралъ навсегда ночью предъ тѣмъ днемъ, когда ему назначено было предстать предъ первымъ по жребію изъ назначенныхъ ему карателей.

XIX.

Позднѣе всѣхъ установилась корпорація „русскаго землячества“ подъ названіемъ „Ruthenia“. Это было въ 1826 году. До того времени въ Дерптскій университетъ вообще мало поступало студентовъ изъ уроженцевъ дѣйствительно русскихъ (т.-е. не остзейскихъ и не польскихъ) губерній; а въ упомянутый годъ сразу оказалось ихъ около двухъ десятковъ, изъ числа которыхъ помнятся мнѣ еще имена только немногихъ.

Прежде всѣхъ, безсомнѣнно, слѣдуетъ назвать Николая Михайловича Языкова, ставшаго, въ концѣ тѣхъ же еще двадцатыхъ годовъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ лирическихъ поэтовъ. Затѣмъ помню двухъ сыновей тогдашняго корпуснаго командира, графа (впослѣдствіи: фельдмаршала и свѣтлѣйшаго князя) Витгенштейна; двухъ сыновей извѣстнаго основателя газеты „Сѣверная пчела“ и журнала „Сынъ отечества“, Ник. Ив. Греча; сына бывшаго Московскаго генералъ-губернатора (предшественника графа Ростопчина) Тутолмина;

и двухъ братьевъ Прокофьевыхъ, сыновей директора Русско-Американской компаніи. Именно-то этихъ восемь лицъ и слѣдуетъ считать основателями дерптской корпораціи: „Ruthenia“, создавшейся, впрочемъ, преимущественно по идеѣ и иниціативѣ Языкова, который и былъ избранъ первымъ старшиною (senior) этого русскаго землячества.

Николая Михаиловича я впервые увидѣлъ 6-го декабря 1826 г. (когда я былъ секунданеромъ гимназіи); это было на торжественномъ обѣдѣ, а затѣмъ балѣ, данныхъ творцомъ недавно только появившагося перваго русскаго соціально-юмористическаго романа: „Похожденія Ивана Ивановича Выжигина“, т.-е. Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ Булгаринымъ, въ подгородной своей мызѣ „Карловѣ“ (собственно-то „Karlhof“) въ честь пріѣзжаго „знаменитаго гостя, друга и покровителя своего“ (какъ онъ выразился въ тостѣ) Николая Ивановича Греча.

Тогдашній карловскій помѣщичій домъ былъ весьма просторный, двухъ-этажный: весь бель-этажъ, роскошно (на деньги пресловутой „тантхенъ“) отдѣланный и меблированный, занималъ самъ Булгаринъ съ „своей семьею“, а въ нижнемъ этажѣ (rez-de-chaussée) помѣщались его „пансіонеры“, русскіе студенты: Языковъ, братья Гречъ и братья Прокофьевы.

Н. М. Языкову въ то время было 22, либо 23 года. Наружностію своею представлялъ онъ настоящій типъ великорусскаго молодца приволжскаго края. Роста онъ былъ больше чѣмъ средняго, широкоплечъ и съ выдающеюся впередъ грудною клѣткою, а лицо у него было кровь съ молокомъ. Затѣмъ открытый широкій лобъ подъ густыми кудрями свѣтло-каштановаго цвѣта; слегка вздернутый носъ; добродушно улыбающійся, довольно широкій ротъ съ пухлыми губами и небольшіе, плутовски-веселые сѣрые глаза. Нрава онъ былъ отличнѣйшаго: острякъ и балагуръ отъ природы, любилъ онъ подшучивать; но шутки его бывали всегда благодушно-наивныя и никогда не пошлыя, да и самъ онъ не обижался дружескимъ подтруниваніемъ, такъ что нельзя было не любить его. Вообще Языковъ былъ превосходный товарищъ, бравый буршъ всей душою, мастеръ фехтовать и далеко не врагъ веселыхъ пиршуекъ. Очень многіе изъ распѣваемыхъ, во время коммерсовъ „Рутеніи“, въ русскомъ переводѣ, студентскихъ пѣсенъ были плодомъ Языковской музы. Помню, что между прочимъ онъ пере-

велъ также двѣ изъ любимѣйшихъ застольныхъ пѣсенъ того времени:

„Крамбамбули питье зовется“,
и „Съ высотъ Олимпа боги дали радость“ *).

Объ остальныхъ русскихъ достаточно сказать, что они были, что̀ обыкновенно называется „славными ребятами“, т.-е. бравыми буршами и товарищами. Съ нѣкоторыми изъ нихъ случалось мнѣ въ позднѣйшее время (между 1835-мъ и 1845-мъ годомъ) встрѣчаться въ Петербургѣ, напр. съ Алексѣемъ Гречемъ (1836) который и представилъ меня своему отцу **). Около того же времени видѣлся я также и съ старшимъ изъ упомянутыхъ выше двухъ братьевъ Витгенштейнъ, съ кн. Алексѣемъ Христофоровичемъ ***), а нѣсколько позже (1847) встрѣтилъ я случайно и младшаго кн. Николая Христофоровича ****). Изъ всѣхъ этихъ основателей „Рутеніи“, кромѣ Языкова, увы! никто ничѣмъ не ознаменовалъ себя выдающимися трудами на пользу нашего отечества! Но зато въ числѣ буршей, нѣсколько позже поступившихъ въ русское землячество, я съ особеннымъ удовольствіемъ могу въ этомъ отношеніи указать на двухъ, уже впрямь, моихъ сотоварищей-однолѣтковъ. Это

*) Послѣ болѣе чѣмъ 60-лѣтняго промежутка, въ продолженіе котораго мнѣ ни разу не приходилось не только самому пѣть, но даже хотя бы лишь услышать эти пѣсни, немудрено, что въ моей памяти ничего не сохранилось кромѣ заглавныхъ стиховъ. Имѣвшаяся же у меня „коммерсовая тетрадь“ (т.-е. рукописный сборникъ нашихъ студентскихъ пѣсенъ) пропала у меня вмѣстѣ съ частію моего багажа, во время войны 1831 года.

**) Ал. Ник. Гречъ въ 40-выхъ годахъ, по разводѣ знаменитаго художника-живописца Карла Брюллова съ его женою, женился на послѣдней, но, къ сожалѣнію, года чрезъ два умеръ.

***) Князь Алексѣй Витгенштейнъ, по выходѣ изъ университета, поступивъ въ лейбъ-гусарскій полкъ, въ 1836 году былъ уже поручикомъ, а чрезъ годъ заболѣлъ (кажется чахоткою) и вскорѣ скончался. Характеромъ онъ былъ весьма симпатичный молодой человѣкъ; лицомъ и фигурою онъ чрезвычайно походилъ на отца своего, который въ молодости своей считался однимъ изъ красивѣйшихъ гвардейцевъ временъ императрицы Екатерины Великой и императора Павла Петровича.

****) Это случилось у графа Вл. Ал. Соллогуба. Князь Николай Витгенштейнъ былъ высокаго роста, сухощавъ и съ угрюмою физіономіею. Въ то время, когда я его встрѣтилъ, онъ впрочемъ имѣлъ полный поводъ быть угрюмымъ, потому что его жена, открыто разставшись съ нимъ навсегда, уѣхала за границу, чтобы соединить свою судьбу съ судьбою Франца Листа.

были Викт. Ст. Порошинъ*) (внукъ бывшаго воспитателя императора Павла Петровича) и графъ Влад. Ал. Соллогубъ**).

Но наша русская „колонія“ (какъ ее по праву можно было называть) въ то время состояла не исключительно только изъ „буршей Рутеніи“; къ ней примыкало не малое число какъ вольныхъ слушателей, такъ и кандидатовъ прочихъ русскихъ университетовъ. Эти послѣдніе, по постановленію министерства народнаго просвѣщенія, были прикомандированы къ Дерптскому университету для окончательной подготовки себя на занятіе впослѣдствіи профессорскихъ каѳедръ, каждый въ своемъ университетѣ и по предмету своей науки. Они составляли особое, конечно временное только, учрежденіе, которое носило названіе „профессорскаго института“. Среди этихъ лицъ, число которыхъ простиралось, кажется, чуть ли не до трехъ десятковъ, встрѣчались очень и очень многіе, имена которыхъ нынѣ красуются на скрижалахъ исторіи развитія у насъ высшихъ наукъ. Со всѣми съ ними я лично не былъ знакомъ, а потому я помню имена тѣхъ только изъ числа гг. кандидатовъ русскаго профессорскаго института, съ которыми я имѣлъ честь, — искренно повторяю: честь, — болѣе или менѣе лично сближаться. Съ медиками: Николаемъ Пироговымъ***) и

---

*) Викторъ Степановичъ Порошинъ издалъ въ 1844 г. „Записки Семена Порошина о цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ“. Пополненнымъ явилось 2-е изданіе при „Русской Старинѣ“ за 1881 годъ.

**) Извѣстный писатель, авторъ романа „Тарантасъ“ и повѣстей „На сонъ грядущій“, графъ Соллогубъ былъ добродушнѣйшій малый самаго веселаго нрава, большой острякъ и превосходный товарищъ, но беззаботенъ и легкомысленъ иногда до безалаберности. Повѣсничать доставляло ему высшее удовольствіе, и его крайне забавляло, если выкидываемые имъ сюрпризы нарушали китайскій этикетъ въ залахъ гордой его родни. Въ особенности приводилъ онъ этимъ въ отчаяніе матушку своей жены (Софіи Михаиловны), т.-е. графиню Віельгорскую (урожденную принцессу Биронъ, дочь послѣдней герцогини Саганъ-Курляндской), хотя она, всегда обезоруживаемая неотрицаемымъ остроуміемъ его выходокъ, невольно разсмѣявшись, прощала „son grand terrible enfant“, и тѣмъ болѣе, что и тесть, графъ Михаилъ Юрьевичъ, будучи самъ веселаго характера и съ крайне либеральнымъ воззрѣніемъ на чопорно-этикетный формализмъ, всегда первый хохоталъ надъ этими нарушеніями строгихъ обычаевъ „прекраснѣйшаго“ общества.

***) Впослѣдствіи попечитель Харьковскаго учебнаго округа. Пироговъ прославился не только какъ признанный всѣмъ міромъ первѣйшій операторъ, но также и своими глубокомысленными педагогическими статьями. Въ нашемъ студентскомъ кругу онъ (какъ и Иноземцевъ) выказывался симпатичнымъ „камрадомъ.“ Въ 1845 году

Иноземцевымъ*) познакомилъ меня упомянутый уже выше пріятель мой Н. Б. Анке**). О достоинствахъ и огромныхъ заслугахъ этихъ двухъ свѣтилъ Харьковскаго и Московскаго университетовъ мнѣ нѣтъ надобности распространяться: ихъ знаетъ вся Россія, а имя перваго извѣстно даже всей цивилизированной Европѣ. У профессоровъ римскаго права Брёкера и у ректора Эверса (читавшаго намъ лекціи о русскихъ законахъ и о политикѣ) я сошелся съ П. Гр. Рѣдкинымъ***) и съ Ивановскимъ****); у профессоровъ: статистики — Блума и исторіи — Крузе познакомился я съ Мих. Сем. Куторгою †), а чрезъ него и съ братомъ его Степаномъ††); наконецъ у профессоровъ: математики — Бартельса и астрономіи — Струве встрѣчался я съ гг. Остроградскимъ†††) и Филомафицкимъ††††).

я навѣстилъ его въ Петербургѣ и былъ весьма дружески имъ принятъ. Объ оригинальности его можетъ между прочимъ свидѣтельствовать и слѣдующій анекдотъ. Разъ, побывавъ въ Медицинской Академіи, на Выборгской сторонѣ, и возвращаясь оттуда пѣшкомъ, онъ, не дойдя до Самсоніевскаго моста, увидѣлъ шедшую по улицѣ старую бабу съ огромнымъ наростомъ на шеѣ; этотъ наростъ привлекъ его вниманіе, и онъ остановилъ бабу, предложивъ ей „продать ему этотъ наростъ, который онъ самъ желаетъ вырѣзать“. Баба, испугавшись, начинаетъ его ругать и бѣжитъ отъ него; а Пироговъ все за ней, да кричитъ: „Давай наростъ, четвертную дамъ!“ Всѣ прохожіе останавливаются: скандалъ! Будочники, наконецъ, хватаютъ и бабу и самого Пирогова; является даже квартальный. Дѣло объяснилось тутъ же, и его превосходительство, конечно, съ миромъ отпустили. Какъ и что было насчетъ нароста, о томъ и самъ разсказчикъ (докторъ Тарасовъ) не сумѣлъ мнѣ сказать.

*) Онъ потомъ былъ профессоромъ Московскаго университета; въ 1860 и 1861 годахъ проживая въ Москвѣ, я довольно часто съ нимъ видался.

**) См. гл. XVII.

***) Впослѣдствіи профессоръ и даже ректоръ С.-Петербургскаго университета.

****) Г. Ивановскаго я впослѣдствіи (въ 1847 г.) встрѣтилъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ былъ профессоромъ университета по предмету публичнаго права.

†) Впослѣдствіи профессоръ исторіи при С.-Петербургскомъ университетѣ.

††) Онъ былъ въ сороковыхъ годахъ цензоромъ въ С.-Петербургѣ, а затѣмъ состоялъ профессоромъ естественныхъ наукъ при Московскомъ университетѣ.

†††) Впослѣдствіи профессоръ математики при С.-Петербургскомъ университетѣ, директоръ тамошней обсерваторіи и членъ Академіи Наукъ; прославился всемірно своей теоріею волнъ.

††††) Онъ былъ потомъ профессоромъ астрономіи при Харьковскомъ университетѣ, но вскорѣ умеръ, не достигши, кажется, и сорока лѣтъ.

Изъ числа же вольныхъ слушателей помню я только трехъ: медика Александра Петровича Загорскаго*), который посѣщалъ еще и прежде домъ моихъ родителей, и числившихся по министерству иностранныхъ дѣлъ: барона Ник. Людв. Штиглица**) и товарища его Геймбюргера***), которые бывали постоянными моими сосѣдями въ аудиторіи на лекціяхъ ректора Эверса (о политикѣ),

Если, съ одной стороны, „буршамъ Рутеніи“ центромъ товарищескихъ сходокъ служили фехтовальный залъ корпораціи и квартира сеніора, т.-е. Языкова (а послѣ Ник. Прокофьева) въ нижнемъ этажѣ Карловскаго „дворца“, то, съ другой стороны, общественная жизнь русской колоніи въ Дерптѣ преимущественно сосредоточивалась въ салонѣ гостепріимнаго семейства профессора русской словесности, Перевощикова. Весьма помѣстительная его квартира находилась какъ разъ насупротивъ главнаго университетскаго зданія, въ первомъ этажѣ огромнаго казеннаго дома, выходившаго однимъ фасадомъ на ярмарочную площадь, а остальными тремя на три довольно широкія, опрятныя улицы.

Г. Перевощиковъ составилъ себѣ въ исторіи русской филологіи весьма почетное имя своимъ сочиненіемъ о корняхъ славянскаго языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ онъ чрезвычайно добросовѣстнымъ и основательнымъ доцентомъ, который умѣлъ не только развивать въ юныхъ своихъ слушателяхъ любовь къ нашей литературѣ, но также и приспособлять ихъ къ ясному,

---

*) Въ 50-тыхъ годахъ встрѣчался я съ нимъ въ Петербургѣ довольно часто; онъ состоялъ тогда профессоромъ Императорской военно-медицинской академіи и предсѣдателемъ Совѣта медицинскаго департамента (или чѣмъ-то въ родѣ того). Въ 1827 году, по иниціативѣ и подъ дирижерствомъ Загорскаго, который самъ владѣлъ пріятнымъ тенoромъ, составился изъ русскихъ уроженцевъ мужской хоръ любителей церковнаго пѣнія, который по большимъ праздникамъ участвовалъ въ исполненіи литургій въ городскомъ православномъ соборѣ. Насъ насчиталось около 15 человѣкъ.

**) Старшій сынъ основателя нѣкогда знаменитой банкирской фирмы, баронъ Штиглицъ и К°, и братъ (нынѣ также уже умершаго) директора государственнаго банка барона Александра Штиглица. Скончался года чрезъ два или три по окончаніи университетскаго курса.

***) Онъ былъ воспитанникъ стараго барона Людвига Штиглица. Ознаменовалъ себя своими познаніями по части государственныхъ наукъ и былъ впослѣдствіи товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ.

логическому и сколь возможно популярному изложенію своихъ мыслей на отечественномъ языкѣ*). Къ сожалѣнію, хотя и вовсе не къ удивленію, должно упомянуть, что число его слушателей было необыкновенно ограниченно, потому что лекціи его посѣщались преимущественно, можно даже сказать: почти исключительно только членами русской колоніи.

Въ то время геній Пушкина не вполнѣ еще распустилъ свои крылья, и слава Державина и Карамзина довольно твердо еще держалась, хотя она, конечно, съ появленія Жуковскаго на высотѣ русскаго Парнасса, замѣтно уже начала меркнуть. Перевощиковъ, какъ само по себѣ разумѣется, былъ горячимъ поклонникомъ послѣдняго, и тѣмъ болѣе еще, что онъ находился съ нимъ въ сродствѣ, такъ какъ супруга нашего профессора была урожденная Воейкова.

Семейство Перевощикова, кромѣ жены, состояло изъ сына, котораго, однакоже, тогда въ Дерптѣ на лицо не было**), изъ дочери лѣтъ семнадцати (очень хорошенькой и къ тому же весьма умненькой брюнетки), да еще изъ 3-хъ или 4-хъ подростковъ, малъ мала меньше. У нихъ собирались всегда по воскресеньямъ, а такъ какъ въ этомъ семействѣ господствовалъ духъ тогдашняго русскаго интеллигентнаго общества, т.-е. естественная непринужденность въ предѣлахъ столь же естественныхъ требованій приличія, въ соединеніи съ традиціоннымъ радушнымъ хлѣбосольствомъ, то, конечно, молодежи тамъ было чрезвычайно весело и пріютно. Вслѣдствіе того воскресные посѣтители обыкновенно являлись къ Перевощниковымъ въ довольно числительномъ количествѣ, преимущественно изъ среды „рутенійцевъ“ и членовъ „профессорскаго института“.

Бывала русская колонія также и у карловскаго помѣщика, у Булгарина, но не вся: являлись къ Ѳаддею Венедиктовичу въ гости преимущественно его же „пансіонеры“ да кое-какіе другіе изъ студентовъ, отцы которыхъ (какъ напр. мой отецъ)

*) Съ глубокой признательностію я считаю долгомъ при этомъ случаѣ высказать, что безсомнѣнно только руководству этого достойнаго наставника я обязанъ, что исторія и духъ отечественнаго языка не содѣлались для меня чуждыми, несмотря на многолѣтнее мое пребываніе среди остзейскихъ нѣмцевъ.

**) Онъ, сколько мнѣ помнится, находился въ Москвѣ, бывъ студентомъ тамошняго университета, по математическому факультету. Въ 30-хъ же годахъ состоялъ онъ, кажется, даже профессоромъ того же или Петерб. университета.

состояли въ личномъ съ нимъ знакомствѣ. Бывали, впрочемъ, и такіе, которые не отказывались отъ его приглашеній по той причинѣ, что авторъ „Выжигина“ любилъ и умѣлъ угощать на славу, и охотно щеголялъ и своимъ поваромъ и выборнымъ своимъ запасомъ иностранныхъ винъ. И впрямь, великій его талантъ относительно знанія гастрономическихъ тонкостей, по общему нашему тогда уже сужденію, превосходилъ даже его, въ сущности все-таки до извѣстной степени не отрицаемый, писательскій талантъ. Должному нормальному развитію послѣдняго очевидно мѣшало полное въ Булгаринѣ отсутствіе серьезной научной подготовки. Онъ владѣлъ быстрой, что называется, смѣкалкою, не мало читалъ образцовыхъ романовъ (въ особенности французскихъ)*), и имѣлъ большую житейскую опытность, такъ какъ прошелъ, какъ говорится, огонь и воду; а насчетъ литературной отшлифовки, орѳографіи и грамматической правильности, такъ дѣйствительно Н. И. Гречъ оказался ему необычайнымъ другомъ и покровителемъ. Булгарина можно было по всей справедливости сравнить съ „Жиль-Блазомъ де Сантильяна“, на котораго онъ вполнѣ походилъ характеромъ, и въ особенности смѣлымъ самомнѣніемъ: сдѣлавшись редакторомъ „Сѣверной пчелы“ и главнымъ фельетонистомъ ея, онъ весьма отважно взялся писать критики по части всѣхъ возможныхъ наукъ и искусствъ, и нималѣйше не конфузился безчисленными обличеніями его въ совершеннѣйшемъ невѣдѣніи самыхъ элементарныхъ познаній того, о чемъ онъ брался печатно разсуждать**). Внѣшность его какъ нельзя

---

*) Преимущественно, какъ не разъ я отъ него самого слыхивалъ, любилъ онъ сочиненія Ле-Сажа и Бомаршѐ.

**) Со времени вхожденія моего (въ 1840 г.) въ кругъ проживавшихъ тогда въ Петербургѣ русскихъ литераторовъ и музыкальныхъ дѣятелей, я возобновилъ также и прежнее знакомство съ Ѳ. В. Булгариномъ, довольно часто встрѣчался съ нимъ и даже раза три или четыре заходилъ къ нему для „дружескихъ объясненій“. Когда въ 1852 году, чрезъ рекомендацію Василька Петрова, я былъ приглашенъ А. Очкинымъ въ музыкальные фельетонисты русскихъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, изложилъ я во вступительной моей статьѣ плохое состояніе тогдашней нашей музыкальной критики, находившейся въ рукахъ некомпетентныхъ судей и даже полныхъ неучей, какъ напр. Булгарина, нѣкоего Элькана (извѣстнаго фарсёра еврейскаго происхожденія) и т. п. Чрезъ нѣсколько дней по выходѣ моей филиппики встрѣтился я съ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ на Невскомъ проспектѣ. Онъ остановилъ меня: „Эхъ, эхъ! что же ты, братецъ (Бургаринъ имѣлъ

болѣе соотвѣтствовала его внутреннимъ качествамъ. Въ 50-тыхъ годахъ сталъ выходить альбомъ рисунковъ къ Гоголевской поэмѣ: „Мертвыя души“; такъ тамъ и поглядите на фигуру, лицо и позы героя этихъ похожденій; это, почти двѣ капли воды, живое изображеніе Ѳаддея Венедиктовича. Манеры, однакоже, у него были грубѣе чѣмъ у „деликатнаго Чичикова“, и онъ старался по возможности прикрывать этотъ недостатокъ личиною добродушнаго простяка, въ родѣ тѣхъ, какихъ старинная французская комедія любила выводить въ роляхъ „aimables grondeurs“, съ нарочитой брюзгливостію въ тонѣ и съ выговоромъ, будто ротъ наполненъ горохомъ.

Забавлялъ онъ насъ, это правда; но чуткое чувство прямодушной молодежи не обманывалось его личиною: мы его не любили, и онъ также насъ не любилъ. Студентскіе порядки и обычаи онъ ненавидѣлъ и не одинъ разъ нападалъ онъ и даже доносилъ на нихъ; но, конечно, неудачно, потому что нашъ ректоръ Magnificus Эверсъ пользовался безпредѣльнымъ и заслуженнымъ довѣріемъ не только министра, но и самого Государя Императора.

Осенью 1826-го года, должно быть, Булгаринъ сдѣлалъ подобную же въ этомъ родѣ попытку, и это дошло до свѣдѣнія студентовъ. Устраивались сходки оскорбившейся молодежи, сначала частныя по отдѣльнымъ корпораціямъ, а затѣмъ всеобщая сходка, и было рѣшено учинить ему „Pereat monstruosum“. На другой день на плацу предъ почтовой станціею собралось до трехсотъ буршей, а оттуда въ строжайшемъ порядкѣ отправились на близлежащую мызу Карлово. Дойдя до господскаго дома, бурши подъ самымъ балкономъ чинно выстроились полукругомъ, и по знаку, по-

---

привычку „тыкать“ всѣхъ молодыхъ людей), сразу такъ и наткинулся на насъ стариковъ! Вѣдь ты только что начинаешь, а я-то, ты пойми, сколько уже лѣтъ пишу!“ — „Что жъ мнѣ дѣлать, Ѳ. В.? это долгъ мой, доказать читающей публикѣ, что такія критики вздоръ да чепуха.“ — „Ну, ужъ и чепуха! будто не понимаю я музыки! вѣдь и я также музыкантъ“. — „Полно-те, Ѳ. В.! Ну, какой же вы музыкантъ?“ — „Да, братецъ! музыкантъ я, музыкантъ: на флажолетѣ поигрывалъ! Ты — смотри, не больно на меня нападай; вѣдь отвѣчать пожалуй, стану“.— „Отвѣчайте! Вамъ же хуже будетъ, потому: спотыкнетесь на музыкѣ“. — „Ладно ладно! вотъ жалѣючи развѣ только тебя: съ твоимъ батькой вѣдь хорошо мы были знакомы. Да ты, пожалуйста, и самъ меня-то старика не черезчуръ уже распекай! Помягче, слышишь?“

данному сеніораму существовавшихъ тогда пяти корпорацій*), три раза прокричали „pereat!“ Отъ громоваго гула раздавшихся трехсотъ молодецкихъ голосовъ затряслись зеркальныя окна карловскаго палаццо. Изъ-за длинныхъ кисейныхъ гардинъ мелкомъ виднѣлись испуганныя женскія лица. Изъ дверей нижняго этажа (подъ самымъ балкономъ) вышелъ лакей съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и едва слышнымъ, дрожащимъ голосомъ спросилъ: что приказываютъ многоуважаемые господа?**) — „Пускай выйдетъ самъ г. Булгаринъ!“ объявили спокойно стоявшіе впереди сеніоры. — „Господина „фонъ“ Булгарина дома нѣтъ!“ трусливо пробормоталъ лакей. „Bulgarin heraus!“ грохнулъ громогласно весь хоръ. Лакей, чуть ли не присѣвши на корточки, юркнулъ за двери. — „Bulgarin heraus!“ пронесся еще сильнѣе возгласъ трехсотъ голосовъ. Отворилась дверь на балконѣ, и показался Ѳаддей Венедиктовичъ, облеченный въ роскошный халатъ, съ вышитой золотомъ шапочкою на головѣ и съ необыкновенно сладкой улыбкой на пухломъ лицѣ. „Мейнэ геэртенъ Херренъ“, заговорилъ онъ, взявъ хриплымъ, бурливымъ своимъ басомъ наивозможно мягкую нотку, „мейнэ Херренъ... ***), но до спича дѣло не дошло, потому что онъ былъ прерванъ общимъ крикомъ: „Шапку долой!“ Булгаринъ побагровѣлъ, но шапку-то снялъ. И опять и еще слаще началъ: „Мейнэ Херренъ!“ И опять не дали ему продолжать, а закричали: „Въ шлафрокѣ неприлично! Одѣваться, одѣваться!“ Нечего было дѣлать! Пошелъ нашъ Ѳаддей Венедиктовичъ назадъ, а минутъ черезъ десять воротился одѣтый въ установленную по тогдашнему обычаю для визитовъ форму; тогда ему дозволили окончить свою рѣчь.

Булгаринъ всѣми средствами бурсовой реторики изощрялся увѣрять, что онъ себѣ объяснить не можетъ, чѣмъ онъ имѣлъ несчастіе навлечь на себя гнѣвъ гг. студентовъ, который

---

*) Ruthenia, Livonia, Esthonia, Curonia, Fraternitas Rigensis и Corporatio academica (Allgemeine Burschenschaft).

**) „Was befehlen hochgeehrte Herrschaften“. Этотъ оборотъ у нѣмецкихъ лакеевъ служитъ обычной „деликатной“ формою для выраженія вопроса: „что вамъ угодно?“

***) Какъ на французскомъ, такъ и на нѣмецкомъ языкѣ Булгаринъ очень свободно объяснялся, но выговоръ у него былъ ужаснѣйшій, — вирямь, что называется, антиполицейскій!

несказано поражаетъ его сердце; что онъ глубоко уважаетъ достойныхъ сыновъ „almae matris Dorpatensis“; что онъ горячо имъ сочувствуетъ и т. д., и т. д. Студенты довольно терпѣливо его выслушали, хотя отъ времени до времени, да именно-то въ самые „трогательные“ моменты патетическаго этого спича, они не въ состояніи были удержаться отъ громкаго, довольно непочтительнаго хихиканья, которое никакъ не могло служить знакомъ одобренія и сочувствія. Это неодобреніе-то и было ясно и кратко высказано Ѳаддею Вениктовичу сеніоромъ Ливоніи (фонъ-Энгельгардтомъ), который напередъ уже былъ избранъ „спикеромъ“ экспедиціи. Смыслъ его отвѣта заключался въ томъ, что рѣчь многопочтеннаго (vielehrenwerthen) *) г. Булгарина совершенно противорѣчитъ неоспоримымъ фактамъ, т.-е. доносоподобнымъ его статьямъ, а потому, несмотря на неотрицаемыя реторическія красоты его длиннаго спича, слова многопочтеннаго г. Булгарина, къ сожалѣнію все-таки никакой вѣры не заслуживаютъ, вслѣдствіе чего отвѣтомъ ему можетъ только служить: „Pereat calumniator!“ **) „Pereat! pereat! pereat!“ дружно и неистово грянулъ весь хоръ. А затѣмъ бурши повернулись задомъ къ фронту дома и къ находившемуся на балконѣ Булгарину и ровнымъ тихимъ шагомъ, съ соблюденіемъ прежняго церемоніальнаго порядка, возвратились опять въ городъ. Въ то время, извѣстно, свѣтописаніе вообще не было еще изобрѣтено, а способъ „минутнаго снятія“ и того менѣе. Объ этомъ стоитъ однакоже сожалѣть, потому что фигура и физіономія многопочтеннаго г. Булгарина при неожидаемомъ имъ, послѣ столь патетическаго его спича, повтореніи ему „овація“ поистинѣ заслуживали бы увѣковѣченія.

XX.

Домашняя обстановка студентовъ бывала, конечно, весьма различная. Тамошніе уроженцы, какъ само собою разумѣется, живали въ своихъ семействахъ; пріѣзжіе же изъ другихъ мѣстностей богачи нанимали отдѣльныя, болѣе или менѣе комфор-

*) Это выраженіе въ парламентарныхъ спичахъ преимущественно употребляется въ ироническомъ смыслѣ.

**) „Да погибнетъ клеветникъ“.

табельно устроенныя, помѣщенія. Но всеобычная обстановка и тѣхъ и другихъ не дала бы никакого вѣрнаго понятія о настоящемъ студентскомъ „гнѣздѣ“, а потому займемся домашнымъ устройствомъ настоящаго „вольнаго“ бурша, да къ тому же такого, который, располагая кое-какими только средствами, могъ жить, хотя и не богато, но все-таки и не мизерно.

Про меблированныя комнаты, какія нынѣ содержатся многочисленными, спеціальными по этой части, аферистами и аферистками, въ то время и помину еще не было. Но у домовладѣльцевъ изъ мелкихъ мѣщанъ всегда имѣлись двѣ-три квартирки въ одну или въ двѣ комнатки, преимущественно въ мезонинахъ одно- или двухъ-этажныхъ домиковъ. Кромѣ того много находилось и ремесленниковъ и „будикеровъ“*), которые охотно отдавали въ наемъ студентамъ одну-другую имѣвшуюся въ собственномъ ихъ помѣщеніи излишнюю комнатку съ мебелью, а иногда и съ „прокормленіемъ“**).

Если отдѣльно нанимаемая у домовладѣльца квартирка не была омеблирована хозяиномъ, то нужная студенту мебель бралась напрокатъ за весьма небольшую ежемѣсячную плату. Устройство студентскаго жилища всегда оказывалось ad nec plus ultra***) простымъ. Да и до убранства ли комнаты было юношѣ-буршу, мечтавшему уже въ послѣдніе предъ тѣмъ годы только о томъ, когда же наконецъ онъ вырвется изъ все болѣе и болѣе стѣсняющихъ его стѣнъ родительскаго дома, чтобы зажить привольной студентской жизнью въ обществѣ бравыхъ и веселыхъ товарищей. Для него собственно-что же такое квартира-то? Берлога, гдѣ бъ ему можно спать ночью въ тѣхъ случаяхъ, когда ему не приходится прогулять ее всю напролетъ на пирушкѣ съ товарищами, — келья уединенія, когда настанетъ необходимость „óксить“****) ради приближающагося времени экзаменовъ. Ну, да надо же, наконецъ, и имѣть свой уголъ, гдѣ можно бъ было спокойно пить утренній свой кофе и обѣдать. А для удовлетворенія столь скромныхъ претензій многаго ли нужно? Были бы кровать, столъ, два стула, полка для книгъ, комодикъ для бѣлья, вѣшалка для платья, тазъ съ кувшиномъ

*) Будикеръ (отъ слова „Bude“, лавка), лавочникъ.

**) „Mit Kost“. —

***) До-нельзя болѣе.

****) Слово „ochsen“ означаетъ безустанно работать, какъ волъ (Ochs).

для умыванія, да шкапчикъ вмѣсто буфета — и все тутъ; а буде хозяева ставили еще диванчикъ (ein Sofa), лишній столикъ предъ нимъ, ширмочки около кровати, да вѣшали между окнами нѣчто въ родѣ тусклаго зеркальца, тогда и товарищи всѣ восклицаютъ: „Ein famoses Nest!“*)

Нанявши себѣ комнату, молодой буршъ принимается за размѣщеніе бо́льшаго или меньшаго скарба своего, а если позволяютъ его средства, такъ и за украшеніе своего пріюта. Прежде всего онъ вѣшаетъ надъ кроватью (а если есть диванчикъ, то надъ нимъ) крестообразно два эспадрона и пару фехтовальныхъ перчатокъ, а подъ ними коммерсовую свою трубку**). Потомъ, — но, конечно, только тогда, если буршъ особенный обожатель изящныхъ искусствъ, — помѣщаются на стѣнахъ нѣсколько гравюръ или литографическихъ картинъ***). Въ комодикъ укладываются мундиръ съ широкимъ золотымъ шитьемъ на воротникѣ и принадлежности къ нему, да бѣлье (но за „оригинальность студентскаго порядка“ не взыщите!); на полкѣ кое-какъ устанавливаются книги, а на столѣ между окнами

---

*) Преславное гнѣздо.

**) Трубка этого рода весьма достойна описанія, потому что такія трубки едва ли еще гдѣ обрѣтаются. Въ началѣ уже 60-ыхъ годовъ, когда я значительно долго прожилъ въ Лейпцигѣ, гдѣ преимущественно сохранилось очень много еще старинныхъ студентскихъ обрядовъ и обычаевъ, мнѣ ни разу однакоже не пришлось видѣть у какого-либо студента трубку реченнаго калибра. Самое главное и самое видное заключалось въ такъ называемой „головѣ“ ея, т.-е. той части, во внутренность которой набивается табакъ. Эта голова, „выточенная изъ толстаго корня корельской березы, желто-коричневаго цвѣта со множествомъ пятенъ разныхъ оттѣнковъ, имѣла обыкновенно съ боковыхъ сторонъ видъ цвѣточной вазы шириною отъ 3-хъ до 4-хъ, а вышиною отъ 2-хъ до 3-хъ вершковъ. Но ваза была не круглая, а сплющенная, такъ что въ поперечникѣ находящагося по серединѣ углубленія для набиванія табакомъ оказывалось не болѣе одного дюйма. Спереди, сзади и книзу это трубочная головища оканчивалась кантомъ, образуемымъ выпуклыми боковыми сторонами. Эти стороны служили въ родѣ памятныхъ скрижалей, потому что на нихъ находились собственноручныя подписи товарищей, весьма искусно вырѣзанныя потомъ опытнымъ граверомъ, иногда изъ числа самихъ буршей. Чубукъ къ этой трубкѣ былъ коротенькій, эластичный, а самый мундштукъ длинный, круто согнутый, изъ свѣтло-сѣраго или чернаго рога. Къ чубуку привѣшивались всегда въ четыре ряда шелковые шнуры и пара толстыхъ кистей трехъ цвѣтовъ, составлявшихъ характеристическую эмблему той корпораціи, къ которой принадлежалъ владѣлецъ трубки.

***) Олеографія изобрѣтена была гораздо позже, въ 50-ыхъ годахъ; да и сама-то литографія въ то время существовала не болѣе какъ только около 10-ти лѣтъ.—

широко раскладываются тетради и прочія бумаги да весь приборъ для письма. Въ концѣ же концовъ (а бывало и прежде всякой другой уборки) наполняется и шкапчикъ самой необходимѣйшей посудою, между которою главное мѣсто занимаютъ старый жестяной портъ-менажъ и огромный кофейникъ-инвалидъ. Затѣмъ выглядываютъ изъ разныхъ угловъ на разныхъ полкахъ посудины, употребляемыя при утоленіи жажды, и строгій критикъ студентской морали, пожалуй, тотчасъ замѣтилъ бы несоразмѣрность въ числѣ, въ величинѣ и въ цѣнности посуды для различной цѣли: для воды имѣются небольшой глиняный кувшинъ да единный, весьма простенькій стаканчикъ, а для — вина довольно видный розовый стаканъ богемской работы съ вышлифованными на немъ прозрачными медальонами и четыре — пять красивыхъ „рёмеровъ“*) весьма почтеннаго размѣра. Тутъ же лежатъ на старой газетѣ двѣ надломленныя булки и початый толстый ломоть ржанаго хлѣба, а возлѣ видны (непремѣнно треснувшіяся уже) тарелки съ остатками масла, да колбасы или ветчины и огромная фарфоровая чашка весьма затѣйливой формы.

Въ углу же у печки, торчитъ пара ботфортъ, къ которымъ прислоняется довольно толстая, изъ можжевельника, палка коричневаго цвѣта съ черными пятнами, такъ называемая „цигенгайнская дубинка“ (Ziegenhayner Knüppel).

Что касается вопроса: много ли, мало-ли буршъ наслаждался своимъ „buon retiro“? такъ это, конечно, зависѣло отъ его личнаго темперамента. А такъ какъ различнымъ оттѣнкамъ человѣческаго темперамента счету нѣтъ, и такъ какъ описаніе того, какъ препровождали свое время студенты различнаго темперамента, потребовало бы излишняго мѣста въ моихъ воспоминаніяхъ, то я предпочитаю предоставить собственной фантазіи многоуважаемаго читателя разрисовать себѣ самыя разнороднѣйшія картины житья-бытья то бурша-холерика, то бурша-сангвиника или флегматика, то студента прилежнаго, то лѣнтяя или гуляки и т. д.

Конечно, всѣ они имѣли еще одну, общую, кромѣ спанья и пищи, потребность, а именно — потребность въ „какой

*) Рёмеръ есть шарообразный, на коротенькихъ ножкахъ, бокалъ зеленаго цвѣта, и употребляется для питья рейнвейна.

ни наесть“ прислугѣ: ибо надобно же было, чтобы кто-нибудь чистилъ ежедневно студенту сапоги да одежду, варилъ бы ему кофе по утрамъ, убиралъ бы комнату, носилъ бы ему обѣдъ изъ кухмистерской, да разнашивалъ бы городскую его корреспонденцію. Учрежденіе городскихъ почтъ тогда еще не существовало. Само собою разумѣется, что студенту-небогачу, обитающему въ одной только комнатѣ, невозможно было содержать особливую, спеціально одной его персонѣ себя посвятившую прислугу. Поэтому-то мало-по-малу въ теченіе четверти вѣка со времени возстановленія (въ 1802-мъ году) Дерптскаго университета, образовалось какое-то, точно особенное, сословіе „общей поденной“ студентской прислуги обоего пола.

Это сословіе, чтобы такъ ужъ и выразиться, было далеко не многочисленное; едва ли въ немъ насчитывалось и до полсотни лицъ. Но въ этихъ индивидуумахъ — ей, ей! — все было крайне оригинально, начиная отъ данныхъ имъ студентами сословныхъ наименованій до употребляемаго ими между собою и съ студентами жаргона*) включительно. Наиболѣе же характеристическою особенностію должно считаться то, что я никакъ не помню, случалось ли мнѣ дѣйствительно видѣть хоть кого-либо изъ числа этихъ индивидуумовъ съ лицомъ безъ несмѣтнаго количества морщинъ? Они, словно гномы, всѣ казались равныхъ лѣтъ неопредѣленнаго возраста. А такъ какъ тѣ, которые называли себя мужчинами, всѣ безъ исключенія тщательно брились, да обыкновенно пищали высокимъ теноровымъ фальцетомъ, между тѣмъ какъ у выдававшихъ себя за членовъ „прекраснаго“ пола у кого торчавшіе на губахъ и на подбородкѣ остатки подстриженныхъ волосъ, а у кого ворчливый басовой голосъ противорѣчили этому показанію, то и впрямь всѣ эти персонажи различались между собою единственно только своею одеждою. Индивидуумовъ этого рода въ мужской одеждѣ мы называли „лёфелями“ **), а въ женской одеждѣ — „бэзенами“ ***).

*) Jargon, исковерканное нарѣчіе. Это была смѣсь, основаніемъ которой служилъ неправильный нѣмецкій языкъ, съ прибавленіемъ произвольно созданныхъ словъ латышскаго, чухонскаго и даже русскаго корней.

**) Löffel, ложка.

***) Bèsen, метла.

Леффель являлся всегда въ широкой, темно-сѣрой курткѣ и въ широкихъ черныхъ панталонахъ, съ огромнымъ картузомъ на затылкѣ; бэзенъ всегда въ темно-синей съ красными цвѣточками коленкоровой юбкѣ и въ коричневой изъ шерстяной матеріи кофтѣ, съ огромнымъ изъ плотной кисеи чепцомъ на головѣ; сверхъ того и тотъ и другая съ привязаннымъ спереди, сверхъ платья, длиннымъ, широкимъ передникомъ. Несмотря на впрямъ комическую свою наружность, это были честнѣйшіе люди и самые заботливые слуги. Не бывало никогда случая, чтобы леффель или бэзенъ оказались ворами; даже случайно уроненную студентомъ и гдѣ-то въ углу валявшуюся мелкую монету, когда они ее находили при уборкѣ комнаты, даже и ту всегда возвращали „dem jungen Herrn“ *), да еще съ порядочной, не очень-то церемонною нотаціею за легкомысленную небрежность. А въ отношеніи добросовѣстнаго убиранія комнаты и аккуратнаго исполненія порученій, такъ нынѣшняя, даже и самая дорогая, прислуга имъ и въ подметки не годится. Что же касалось чистки платья и сапоговъ, такъ не только послѣдніе всегда блистали какъ зеркала, а на первомъ и слѣдовъ не виднѣлось отъ пуха или пыли, но старательные леффель или бэзенъ каждое утро тщательно также осматривали платье и, гдѣ нужно да возможно было, либо пришивали недостающую пуговицу, либо чинили оказавшуюся дырку или распоровшійся шовъ. И при этомъ не должно забывать, что у каждаго леффеля или бэзена было на рукахъ до 12—15-ти студентовъ, живущихъ въ разныхъ домахъ! Да! это были крайне смѣшные по виду индивидуумы, но весьма достопочтенные, честные и добросовѣстные слуги!

Отношенія между студентами, жившими какъ квартиранты въ семействахъ „бюргеровъ“ **), и этими ихъ хозяевами бывали самыя патріархальныя и дружескія. Жильца-бурша въ такомъ домѣ иначе не называли какъ „unser junge Herr“ ***), и не только „Frau Meisterin“ ****) и ея обыкновенно многочисленныя чада съ домочадцами, но и самъ

---

*) Молодому барину.

**) Bürger, горожанинъ, мѣщанинъ.

***) Нашъ молодой господинъ.

****) Хозяйка, жена (цеховаго) мастера.

„Herr Meister“ дорожили имъ, всячески старались ему угождать и вообще обходились какъ бы съ „возлюбленнымъ сыномъ дома, радостію и надеждою всего семейства“. Да и впрямь, не считая, хотя и небольшихъ, а все-таки пренебреженію не подлежавшихъ матеріальныхъ интересовъ, вообще таковое квартированіе бурша у какого-нибудь „филистера“ доставляло послѣднему также и не мало выгодъ другаго рода.

Во-первыхъ, филистеръ, который имѣлъ студента своимъ квартирантомъ, этимъ самымъ обстоятельствомъ былъ болѣе или менѣе гарантированъ противъ всякихъ шуточныхъ студентскихъ продѣлокъ, потому что, по тогдашнимъ „отсталымъ“ нашимъ понятіямъ о требованіяхъ собственной чести, буршу-квартиранту, въ подобномъ случаѣ, надлежало бы вызвать шалуна на дуэль. А духъ товарищества и взаимнаго уваженія до того глубоко проникъ въ тогдашнее дерптское студенчество, что всякій буршъ, чувствовалъ несообразность подобныхъ послѣдствій, и изъ уваженія къ товарищу оказывалъ уваженія также и квартирному его хозяину. Бывали, конечно, исключительные случаи, но и тѣ большей частью не доводили товарищей до дуэли. Квартирантъ филистера посылалъ на другой день къ виновному другаго товарища за объясненіемъ случившагося и съ вопросомъ: помнитъ ли онъ то, что дѣлалъ, и какое его было при этомъ намѣреніе? Если виновный отвѣчалъ, что помнитъ и что ему такъ хотѣлось, то онъ тутъ же и бывалъ вызванъ на дуэль установленной формулою: „X. lässt dir sagen, du seist ein dummer Junge!“ *) Но, кромѣ двухъ какихъ-то особенныхъ случаевъ, въ которыхъ главной двигающей силою являлась любовная ревность, я не помню, чтобы въ мое время приходилось кому-либо выйти на дуэль изъ-за своего хозяина-филистера. Обыкновенно эти дѣла оканчивались очень дружелюбно. Виновный, объявивъ, что ничего не помнитъ и никого обидѣть не желалъ, отправлялся съ посланнымъ товарищемъ къ пославшему, и, послѣ не долгаго съ нимъ дружескаго объясненія, шелъ съ нимъ къ хозяину-филистеру. „Nun, lieber Meister!“ **) не сердитесь на меня; это вышло ненарокомъ! Сами, вѣдь, по-

*) X. велитъ тебѣ сказать, что ты глупый мальчишка!
**) Ну, любезный хозяинъ.

нимаете, — голова была не въ порядкѣ! Не сердитесь, дайте руку!“ этимъ все и улаживалось, и всѣ были довольны. „Der Herr Studente hat sich bei mir entschuldigt“ *), разсказываетъ самодовольный филистеръ своимъ сосѣдямъ; а тѣ одобрительно киваютъ головою: Nu, dann ist ja alles gar schöne in Ordnung! Nur man den richt'gen Respekt, das ist die Hauptsache!“ **) А, вѣдь, о „решпектѣ“ и помину даже не было! Но „блажены вѣрующіе!“

Бывала, наконецъ, отъ квартиранта-бурша еще и другая, напередъ уже ожидаемая и почти всегда удававшаяся польза. Дерптскіе зажиточные ремесленники тогдашняго времени были честолюбивѣе большей части, нынѣшнихъ даже, московскихъ мѣщанъ, и живя въ городѣ, который представлялся центромъ все болѣе и болѣе распространявшагося въ остзейскихъ провинціяхъ просвѣщенія, оказывались весьма податливыми вліянію общаго духа. Вслѣдствіе же того они посылали своихъ дѣтей въ школы. Если же они и считали, что для сына, долженствовавшаго нѣкогда поступить на мѣсто отца-мастера и хозяина ремесленной „фирмы“, совершенно достаточно пройти два класса уѣзднаго училища, то, съ другой стороны, за довольно рѣдкими только исключеніями, они не отказывали младшимъ сыновьямъ въ разрѣшеніи посвятить себя пасторской, докторской, адвокатской или учительской карьерѣ. А насчетъ дочекъ, такъ „Papà-Meister“, подъ вліяніемъ своей „Frau Meisterin“, ужъ совсѣмъ не скупился и непремѣнно отправлялъ ихъ учиться въ городскую „Töchterschule“ ***). Когда же эти дочки становились взрослыми невѣстами, тогда само собою, конечно, требовалось подыскать имъ подъ стать будущихъ муженьковъ, а для сего лучшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ оказывалось принятіе въ свой домъ квартирантами иногородныхъ студентовъ. Это однакоже устраивалось съ великой осмотри-

*) Г. студентъ извинился предо мною.

**) Ну, тогда вѣдь все въ прекраснѣйшемъ порядкѣ! Было бы только должное почтеніе, вотъ что главное!

***) Школа для дѣвицъ; въ буквальномъ же переводѣ „школа для дочерей“. Эти школы у нѣмцевъ впервыя появились въ средней Германіи, послѣ освобожденія отъ французскаго ига; устройство ихъ, только конечно съ значительнымъ расширеніемъ программы научныхъ предметовъ, служило прототипомъ нашимъ женскимъ гимназіямъ.

тельностію. Квартирантами въ свой домъ дипломать-филистеръ ни за что не допускалъ сыновей ни дворянъ, ни богатыхъ купцовъ, ни чиновниковъ. Этой чести исключительно удостоивались лишь сыновья, прежде всего, цеховыхъ же „мейстеровъ“, а затѣмъ „неважныхъ“ купцовъ, да много, много, если еще школьныхъ учителей или деревенскихъ пасторовъ.

Не было однакоже никакихъ причинъ сожалѣть о судьбѣ товарищей, попавшихъ въ сѣти честолюбивыхъ филистеровъ, потому что большею частію дочки этихъ послѣднихъ, за исключеніемъ быть можетъ способности „парлировать“ на французскомъ языкѣ, не только не уступали, но даже иногда первенствовали надъ тамошними баронессами въ основательныхъ и практичныхъ познаніяхъ, а тѣмъ паче въ искусствѣ домашняго хозяйства и въ отсутствіи всякаго рода претензій. Относительно же естественности въ обхожденіи съ молодыми людьми и наивной, истинно дѣтской, чистосердечной веселости, да наконецъ же и относительно здоровыхъ миловидныхъ личиковъ, такъ, по правдѣ сказать, ни одна изъ высокородныхъ „Фрейлинъ“ тамошняго beau monde съ ними сравниться не могла.

Немудрено же послѣ того, что на балахъ „бюргермуссы“ *) встрѣчалось несравненно болѣе студентовъ (изъ всѣхъ сословій) **) чѣмъ въ академической и большой муссѣ, куда являлись дамы и дѣвицы „отборнаго“ дерптскаго общества. Насколько въ послѣднихъ господствовала скука, на столько царило въ мѣщанскомъ клубѣ искреннее веселье и истинная молодая жизнь!

Какъ бы строго и рѣзко ни отдѣлялись другъ отъ друга сословныя общества тогдашняго Дерпта, но я былъ свидѣтелемъ одного случая, когда весь городъ, безъ всякаго различія, словно подъ вліяніемъ сверхъестественной волшебной силы, былъ одушевленъ однимъ и тѣмъ же чувствомъ общей радости и общаго восторга, и когда всѣ сословія одинаково были проникнуты мыслію и думою о томъ, чѣмъ и какъ бы торжественнѣе выказать таковое свое чувство. Это было ранней

*) Bürgermusse, мѣщанскій клубъ. Musse, клубъ.

**) Не видно было тамъ никогда однихъ только нѣмецкихъ бароновъ; но мы, русскіе студенты, частехонько туда являлись, за что тамошній beau monde довольно косо и свысока на насъ поглядывалъ.

осенью 1829-го года, когда пришла оффиціальная вѣсть, что Государь Императоръ съ Государыней Императрицею, на своемъ пути изъ Риги въ Петербургъ, намѣрены посѣтить Дерптъ и даже пробыть въ немъ три дня.

Болѣе же всѣхъ это радостное волненіе охватило членовъ университета, такъ какъ изъ сообщенія рижскаго генералъ-губернатора барона фонъ-деръ-Паленъ (онъ же былъ, какъ выше уже упомянуто, вмѣстѣ съ тѣмъ и куратором университета) оказалось, что главною цѣлью августѣйшей четы было обозрѣніе университетскихъ учрежденій, и что Императоръ Николай Павловичъ, въ знакъ своего особеннаго благоволенія, соизволилъ на устройство, на время пребыванія Ихъ Величествъ въ Дерптѣ, почетнаго къ нимъ караула изъ студентовъ. Послѣднее-то, конечно, занимало насъ преимущественно: какъ и кѣмъ это устроится почетный караулъ изъ насъ, и въ чемъ будутъ состоять обязанности этого караула? Въ тотъ же еще день на публикаціонной въ университетѣ доскѣ появилось объявленіе „его великолѣпія г. ректора“, что изъ „гг. студентовъ, у которыхъ имѣется полная парадная форма, со всѣми къ ней принадлежностями, желающіе участвовать въ чести составленія почетнаго къ Ихъ Величествамъ караула, приглашаются явиться на слѣдующее утро въ академическій сенатъ, облеченные въ реченную форму“.

Выраженіе „полная парадная форма, со всѣми принадлежностями“ въ настоящее время едва ли кому-либо будетъ понятно. Теперешняя форма студентовъ своею простотою, безъ всякаго спора, оказывается во всѣхъ отношеніяхъ несравненно цѣлеобразнѣе, чѣмъ та форма, которая была установлена въ описываемое мною время. Но это, съ другой же стороны, никакъ не мѣшаетъ признанію, что наша тогдашняя, и въ особенности „полная парадная“ форма была столь же несравненно красивѣе и роскошнѣе. Цвѣтъ какъ мундира, такъ и сертука студентской формы былъ, какъ и нынѣ, общій для всѣхъ нашихъ университетовъ, только не зеленый, а синій. Воротники же были бархатные, и для нихъ каждому университету былъ присвоенъ особый отличительный цвѣтъ; такъ напр. у дерптскихъ студентовъ воротники были чернаго цвѣта, у петербургскихъ ярко-краснаго, у московскихъ темно-малиноваго и т. д. Вмѣсто нынѣшнихъ простыхъ петлицъ, въ то время во-

ротники студентскаго мундира украшались богатѣйшимъ золотымъ шитьемъ на манеръ шитья на воротникахъ л.-гв. Преображенскаго полка, съ тою только разницею, что на послѣднихъ изображены лавровыя вѣтки, а на нашихъ бывшихъ студентскихъ — вѣтки дубовыя. Запросто къ мундиру носились того же цвѣта длинныя панталоны и фуражка (нынѣшняго же покроя); но для „полной парадной“ формы, при шпагѣ и съ треуголкою, надѣвались узкіе штаны изъ бѣлаго сукна и офицерскія ботфорты со шпорами. Эти-то „принадлежности“ къ парадной формѣ, конечно, имѣлись у немногихъ только изъ студентовъ; равномѣрно же оказывалась часто разница также и въ самыхъ-то мундирахъ, относительно большей или меньшей элегантности покроя и большей или меньшей полноты (т.-е. богатства) шитья. Что для почетнаго караула къ Императорской четѣ слѣдуетъ и будутъ выбирать не столько по личному достоинству, сколько по свѣжести и элегантности парадной формы, это поняли наши бурши сами отъ себя; кромѣ того, однакожъ, весьма многихъ (и преимущественно изъ числа тамошнихъ бароновъ) напугалъ еще быстро распространившійся слухъ, что участвующихъ въ караулѣ какой-то пріѣзжій офицеръ будетъ предварительно обучать всѣмъ караульнымъ пріемамъ. По этимъ причинамъ нашлось на другой день не болѣе 60-ти (кажется) человѣкъ, явившихся въ полной парадной формѣ, большей частію петербургскіе уроженцы и около 12—15 изъ профессорскаго института*). Когда мы вступили въ конференцъ-залъ академическаго сената, мы кромѣ обычныхъ членовъ его, увидѣли собравшихся туда еще многихъ и другихъ профессоровъ, да сидѣвшихъ возлѣ ректора Паррота всѣмъ намъ знакомаго старика полицеймейстера и другаго какого-то красиваго молодаго полковника въ военномъ сертукѣ съ аксельбантами**). Это и былъ тотъ „пріѣзжій“ офицеръ. При входѣ мы, по долгу учтивости, расшаркались, но конечно, по „штатскому“, да и подошли къ ректору, какъ само-собою

*) Въ томъ числѣ, какъ я очень живо помню: Пироговъ, Иноземцевъ и Рѣдькинъ. Думаю, что это былъ единственный случай, когда этимъ достославнымъ нашимъ ученымъ приходилось прохаживаться въ ботфортахъ и шпорахъ да продѣлывать шпагою: «на-краулъ!»

**) Не флигель-адъютантъ ли, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и графъ, Барановъ?

разумѣется, далеко не по „воинскому регламенту“. Полковникъ отдавъ намъ въ отвѣтъ учтивый поклонъ, попросилъ насъ (на нѣмецкомъ языкѣ) „выстроиться въ двѣ шеренги“. Хотя мы тутъ и встрепенулись, но съ мѣста не трогались и, переглянувшись сначала вопросительно между собою, въ недоумѣніи уставили на него наши взгляды. Онъ улыбнулся, а затѣмъ мигнулъ полицеймейстеру, и оба, подошедши къ намъ, начали намъ толковать значеніе этой команды, и тогда, помощію ихъ указаній и поправокъ, мы наконецъ благополучно встали въ желаемый „фронтъ“. По осмотрѣ насъ, полковникъ ласковымъ тономъ выразилъ полное свое удовольствіе и просилъ, часа черезъ три опять собраться въ эту же залу, уже не въ формѣ, а въ сертукахъ, но при шпагахъ, дабы онъ могъ намъ показать пріемы „салютаціи“ и „стоянія на посту“. „Но я совѣтовалъ бы вамъ, мм. гг. (прибавилъ онъ), оставаться всѣ эти дни въ ботфортахъ, чтобы совершенно привыкнуть къ нимъ“. На этомъ основаніи мы и прощеголяли цѣлую почти недѣлю въ нашихъ ботфортахъ и убѣдились, что совѣтъ флигель-адъютанта былъ весьма резонный и практичный. Караульнымъ и прочимъ пріемамъ полковникъ обучалъ насъ по два раза въ день, и мы вскорѣ ихъ переняли, такъ что на третій день, когда долженъ былъ прибыть Государь Императоръ мы всякую къ нашей должности относящуюся команду исполняли ловко и въ совершенномъ другъ съ другомъ согласіи.

Императорская чета остановилась въ покояхъ, приготовленныхъ для августѣйшихъ гостей въ домѣ г. фонъ-Липгардта на главной площади, близъ каменнаго моста*).

Обязанность наша состояла въ стояніи на караулѣ (насколько припоминаю) у шести дверей, по два человѣка у каждой, что при количествѣ нашей „роты“ привело къ раздѣленію насъ на пять смѣнъ; а такъ какъ, Государь и Государыня пробыли въ Дерптѣ около 60-ти часовъ, и такъ какъ, каждое занятіе караула продолжалось два часа, то каждой смѣнѣ приходилось быть три раза въ караулѣ. Должность временнаго нашего командира исполнялъ полковникъ Барановъ, который при каждой смѣнѣ и разставлялъ насъ по по-

*) Сей домъ принадлежалъ прежде вдовѣ фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Барклая-де-Толли, которая умерла только за два или за три года предъ тѣмъ.

стамъ. По отбытіи очередной смѣны насъ отпускали часовъ на шесть домой, съ тѣмъ, чтобы возвращаться ровно за 2 часа до вновь наступающей очереди нашей смѣны. Кромѣ того, въ нижнемъ этажѣ, возлѣ парадной лѣстницы, былъ обращенный въ „караульную“ залъ съ нѣсколькими диванами и мягкими стульями для спокойнаго выжиданія очереди, а нашъ „командиръ“ не забывалъ позаботиться о томъ, чтобы намъ подавали „кой-что“ для утоленія случайнаго голода и жажды, такъ что намъ караульная наша должность очень понравилась.

Когда Государь и Государыня на третій день уѣзжали, тогда, (какъ впрочемъ и въ день пріѣзда) нашъ караулъ, выстроившись у подъѣзда въ двѣ шеренги, бравыми молодцами отсалютовалъ по всей формѣ, какъ насъ выучили.

Императоръ Николай Павловичъ и Императрица Александра Ѳеодоровна съ улыбкой на устахъ милостиво кивали намъ головою на прощаніе. Вообще Государь тогда очень былъ доволенъ университетскимъ порядкомъ, какъ потомъ сообщили намъ два формальныя объявленія на публикаціонной въ университетѣ доскѣ, отъ попечителя и отъ ректора.

Самъ же городъ въ честь августѣйшихъ гостей далъ вечеромъ втораго дня „блестящій“ (какъ мнѣ разсказывали потомъ) *) балъ въ „большой муссѣ“, а на 3-й день (по отъѣздѣ уже Императора и Императрицы) угощалъ простой народъ на большомъ „экзерциръ-плацѣ“. И о томъ и о другомъ распространяться не буду: хотя и городской „ратъ“ **) денегъ не жалѣлъ, хотя явились туда всѣ окрестные тузы-помѣщики съ супругами и дочками во всемъ блескѣ баронскаго своего величія, но удивить, конечно, этотъ балъ могъ развѣ только самихъ-то этихъ провинціаловъ. А про народный праздникъ помню только то, что пьяные чухонцы и чухонки и прочій дерптскій „plebs“ ***) возбуждали во мнѣ лишь чувство сильнѣйшаго отвращенія. Распьяннѣйшій изъ нашихъ русскихъ мужиковъ и тотъ даже менѣе выказываетъ безобразія, чѣмъ то, какое тогда мнѣ приходилось видѣть.

Прошелъ годъ послѣ описаннаго радостнаго событія. Съ но-

*) Такъ какъ никому изъ участвовавшихъ въ почетномъ караулѣ недосужно было быть на этомъ балѣ, то конечно, и я также тамъ быть не могъ.

**) Дума.

***) Черный народъ.

ября мѣсяца 1830 года уже я началъ сдавать нѣкоторые изъ окончательныхъ экзаменовъ, напр. у Брёкера (римское право), и Фридлендера (политическая экономія), у Блума (международныя коммерческія отношенія: internationale Handelsbeziehungen) и т. д. Ну, слава Богу! противъ всякихъ собственныхъ ожиданій (ибо, по правдѣ сказать, такъ я былъ порядочный вертопрахъ, да не изъ самыхъ прилежныхъ) сдалъ я эти экзамены довольно удачно, такъ что, по прибытіи въ Петербургъ на рождественскія вакаціи, мнѣ не стыдно было явиться (какъ оно требовалось отъ меня) къ графу Е. Фр. Канкрину съ выданными мнѣ отъ гг. профессоровъ свидѣтельствами. Министръ, просмотрѣвъ ихъ, ласково выразилъ свое одобреніе и, пожавъ мнѣ руку, прибавилъ, что онъ оставляетъ эти аттестаты пока еще у себя и дастъ знать, когда мнѣ опять явиться за ними.

Дня чрезъ два послѣ того получилъ я изъ министерской канцеляріи предписаніе, явиться къ графу такого-то числа*), въ 8 часовъ утра, въ „полной парадной“ формѣ.

Въ парадной формѣ! А ботфортъ и бѣлыхъ то inexpressibles я, словно нарочито, въ этотъ разъ съ собою не привезъ, потому что, послѣ прошлогодняго моего участія въ почетномъ караулѣ, эти принадлежности къ парадной формѣ ни разу мнѣ не понадобились, вслѣдствіе чего, по обычному студентскому „порядку“, я и не заботился о чисткѣ бѣлыхъ „невыразимыхъ“. Про то, что въ Питерѣ могла бы приключится надобность въ нихъ, мнѣ и въ голову не приходило. Но въ нашей сѣверной столицѣ вѣдь такого рода обстоятельства не служатъ помѣхой: отецъ мой хотя и распекъ меня порядкомъ, но все-таки снабдилъ нужными деньгами.

Въ предписанный день и часъ я, наряженный въ указанную форму, стоялъ въ пріемной графа Канкрина и выжидалъ его выхода. Министръ вскорѣ вышелъ, одѣтый въ малую генеральскую форму, а за нимъ курьеръ съ портфелемъ и каммердинеръ съ генеральской шляпою графа и военными его бѣлыми перчатками въ рукахъ.

„Я имѣю сегодня докладъ у Государя, — сказалъ мнѣ министръ по-нѣмецки**), — и вы поѣдете со мной. Такъ какъ на

*) 20-го или 21-го декабря, въ точности нынѣ уже не помню.

**) Когда возможно было, графъ Егоръ Францовичъ предпочиталъ говорить по-нѣмецки.

сей разъ я очень доволенъ вами, то я и выпросилъ вамъ у Его Величества соизволеніе на счастіе быть представленнымъ августѣйшему вашему благодѣтелю".

Я почти обомлѣлъ отъ радостнаго испуга и едва былъ въ состояніи пробормотать несвязныя слова благодарности за милостивое вниманіе его сіятельства. Графъ, будучи крайне доволенъ эффектомъ своего сюрприза, добродушно засмѣялся, но ободрилъ меня и даже велѣлъ каммердинеру подать мнѣ стаканъ воды, дабы я успокоился. Затѣмъ мы поѣхали во дворецъ, и дорогой я успѣлъ овладѣть собою.

Немногіе и къ тому же сравнительно чрезвычайно просто меблированные покои, которые лично занималъ Императоръ Николай Павловичъ, не разъ уже были описаны и даже въ рисункахъ изображены, а потому и не для чего мнѣ говорить о нихъ. Объяснивъ въ немногихъ словахъ дежурному флигель-адъютанту, кто я и почему здѣсь, графъ Канкринъ приказалъ мнѣ обождать, пока меня не позовутъ, а самъ, посмотрѣвъ на часы, отправился въ кабинетъ Государя. Флигель-адъютантъ началъ было со мной разговоръ; но разговориться съ нимъ мы не успѣли, такъ какъ дверь въ кабинетъ вскорѣ растворилась и послышался голосъ графа, который меня звалъ.

Когда я вступилъ въ кабинетъ Монарха, то какая-то священная дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу, и сердце ёкнуло у меня невольно: мнѣ вѣдь всего было девятнадцать только лѣтъ. Николай Павловичъ стоялъ около письменнаго стола, одѣтый въ форменный сертукъ л.-гв. кавалергардскаго полка; я отвѣсилъ поклонъ, держа треуголку лѣвой рукою, по предписанному правилу, у шпаги, а правую руку по швамъ; прошлогоднія указанія полковника Баранова пригодились.

Государь знáкомъ приказалъ мнѣ приблизиться.

„Графъ Егоръ Францовичъ сказалъ мнѣ, что онъ вами доволенъ. Я радъ тому".

Я низко поклонился; слезы у меня отъ умиленія выступили на глазахъ, и невольно приложилъ я правую руку къ сердцу.

„На какомъ вы факультетѣ?" спросилъ Государь.

„На философскомъ, Ваше Императорское Величество, по части камеральныхъ наукъ", отвѣтилъ я.

„Хорошо! быть полезнымъ отечеству можно на всякомъ поприщѣ. Я вашему отцу, за усердную его службу, охотно раз-

рѣшилъ субсидію на воспитаніе сына. Помни же, юноша (тутъ Государь, сдѣлавъ шагъ впередъ, положилъ мнѣ свою руку на плечо), что лучшею съ твоей стороны благодарностію будетъ, если ты ненарушимо сохранишь вѣрность законному Государю, да пріобрѣтенными познаніями постараешься быть полезнымъ сыномъ своего отечества".

Затѣмъ Императоръ, милостиво кивнувъ головою, протянулъ руку и тѣмъ выразилъ, что аудіенція окончена. Я схватилъ эту руку отца отечества и отъ глубины сердца напечатлѣлъ на ней восторженный поцѣлуй пламеннаго благоговѣнія и безпредѣльной любви вѣрноподданнаго.

Выпуская меня изъ царскаго кабинета, графъ Канкринъ шепнулъ мнѣ, чтобы, не дожидаясь его, я отправился домой.

На моихъ родителей, конечно, приключившееся мнѣ никѣмъ неожиданное счастіе произвело весьма радостное впечатлѣніе, и на другой день отецъ со мною поѣхалъ къ министру благодарить его.

„Помните, мой милый, священныя слова Государя, — сказалъ мнѣ графъ,—сохраните вѣрность Царю, и постарайтесь сдѣлаться полезнымъ сыномъ вашего отечества"!

Это была послѣдняя моя встрѣча съ великимъ финансистомъ Россіи, память о заслугахъ котораго и теперь еще жива между тѣми, кто вникали въ дѣла нашей государственной экономіи. Что же касается меня, то я не забылъ и до гроба не забуду, какое необычайное счастіе онъ тогда исходатайствовалъ юношѣ-студенту!

„Сохранить вѣрность Царю"! „Сдѣлаться полезнымъ сыномъ своего отечества"! Первое не трудно для истаго русскаго сердца, потому что въ сущности оно всему нашему народу врождено, и одна только лжекультура, при подстрекательствѣ нашихъ завистниковъ, могла — да и то въ сравнительно весьма немногихъ безхарактерныхъ лишь слабоумцахъ — пошатнуть это основаніе русской жизни и русской силы. Тому же, кто, будучи почти еще отрокомъ, видѣлъ героя-царя въ злопамятный день 14-го декабря, тому, кому онъ былъ личнымъ благодѣтелемъ, тому, на комъ покоилась, какъ бы благословляя юношу, державная десница Отца отечества, да кому изъ устъ его глаголемо было ласковое, словно родительское, поученіе,—тому, говорю я, и подавно не можетъ быть вѣдомо никакое иное

чувство, кромѣ чувства глубоко вкоренившейся, ничѣмъ не поколебимой сердечной преданности Царю своему.

Иное дѣло вопросъ о томъ, какъ и насколько кто можетъ сдѣлаться полезнымъ сыномъ своего отечества? Это зависитъ не отъ насъ самихъ, а отъ благаго Провидѣнія, къ какому кого Оно предназначило земному пути; рѣшеніе же того, былъ ли и насколько всякій изъ насъ полезнымъ членомъ народной своей семьи, принадлежитъ не столько современникамъ, сколько потомству. Главное же тутъ кажется, внутреннее искреннее желаніе и стремленіе къ посильному труду на общую пользу, не изъ корысти, а по чувству лежащаго на каждомъ изъ насъ долга гражданина. Такъ, а не иначе, мнѣ всегда казалось, я долженъ былъ понять вѣщее поученіе великаго Государя; и какъ сладчайшее утѣшеніе не разъ, въ минуты унынія, раздавалось въ моей груди незабвенное, поистинѣ Царское изреченіе:

„Быть полезнымъ отечеству можно на всякомъ поприщѣ“!